

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ

Социальная реальность

Победа: наша или Сталина?

Дружба – ценность и социальная практика

Репутация “мирного атома”

Имидж рынка оккультных услуг

Немцы о русских и о войне

Читаем Дж. Цаллера

5'2006

В следующем номере

О Б Щ Е С Т В О

Образы фашизма – интерпретации понятия; исторические ассоциации и представления о современных формах бытования фашизма; насколько прочен социальный иммунитет к фашизму?

Слухи в российском обществе – как циркулируют, как воспринимаются, как влияют на повседневное поведение людей; “соляной дефицит” 2006 г. – логика и масштабы социального инцидента

Ф О Р У М

Политика и социология в 1996 году – о роли опросов в избирательной кампании Бориса Ельцина и роли этой кампании в истории опросного дела

М А С Т Е Р С К А Я

Понятие “социальные проблемы” в языке социологии

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

5'2006

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ

№5'2006

■ ПЕРВАЯ КОЛОНКА

А. Ослон

Опросы общественного мнения как коммуникативная
проблема 4

Общество

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

С. Климова

Победа: наша или Сталина? 7

■ СРЕДА ОБИТАНИЯ

Е. Вовк

Отношение к атомной энергетике в России:
через 20 лет после Чернобыля 21

■ НОРМЫ И ЦЕННОСТИ

И. Шмерлина

Дружба как духовная и социальная реальность 29

■ ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Г. Кертман

И тайное знание, и явный обман
(имидж рынка оккультных услуг в России) 51

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев 65

■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Е. Вовк, Л. Преснякова

Убирать или не сорить? 76

Время выхода на пенсию 77

Так говорил респондент... 75, 105

Главный редактор
Александр Ослон

Зам. главного редактора
Елена Петренко

Ведущие разделов и рубрик
“Общество”

Григорий Кертман
“Форум”

Леонид Блехер
Георгий Любарский
“Мастерская”

Иван Климов
“Цифры”

Людмила Преснякова
“Между прочим”
Анатолий Черняков

Арт-директор
Анна Данилова
Ответственный секретарь

Мария Каневская
Маркет-менеджер
Светлана Басманова

Редакторы выпуска
Анастасия Егорова
Мария Каневская

Корректор
Наталья Шарова

Оригинал-макет
Любовь Софейчук

Рисунки
Албена Фюлгерова
Екатерина Василевская
Андрей Мирзоян

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4
Тираж 700 экз.
Цена свободная

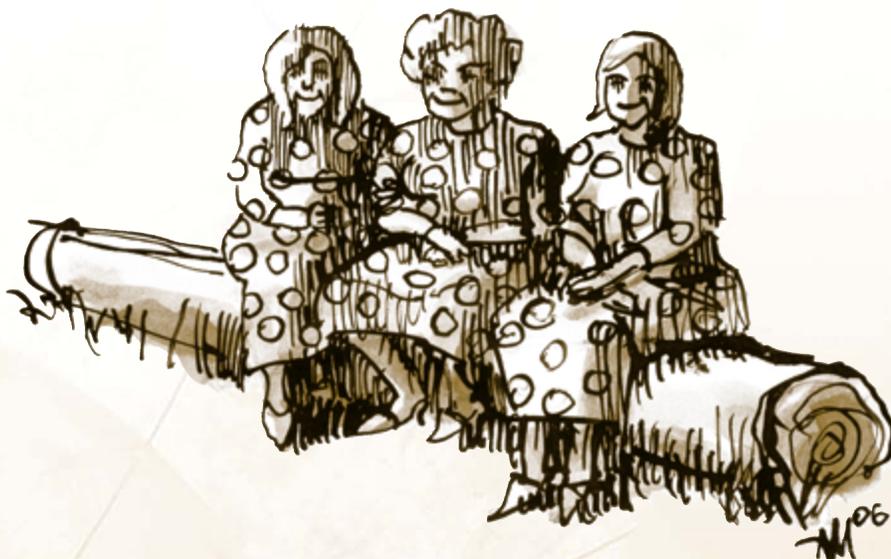
Номер подписан в печать
25.05.2006 г.

Адрес редакции журнала:
119421, Москва,
ул. Обручева, 26, корп. 2
тел.: (495) 745-87-65
факс: (495) 745-89-03
e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:
www.fom.ru

© “Социальная реальность”

Отпечатано в типографии
ООО “Группа Море”
101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

Форум

■ БЕСЕДА

У нас в гостях Андрей Григорьевич Здравомыслов ..79

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

А.Г. Здравомыслов

Отрывки из книги “Немцы о русских и о войне
на пороге нового тысячелетия”90

■ БЕСЕДА

Интервью с Василием Гатовым (газета “Труд”)99

■ КНИЖНЫЕ ДЕБРИ

Р. Фрумкина

Общественное мнение и неосведомленные
граждане107

Г. Любарский

Размышления о системах, состоящих
из неосведомленных граждан120

■ БИБЛИОТЕКА

И. Климов

Модель Джона Цаллера: выписки из книги
“Происхождение и природа общественного
мнения”116

Мастерская

Опросы общественного мнения как коммуникативная проблема

¹ *“Знание эксперта ограничивается некоторой узкой областью, но в пределах этой области оно является ясным и отчетливым. Мнения эксперта базируются на проверенных утверждениях; его суждения – не просто догадки или произвольные предположения”*

Здесь и далее цитируется Шюц А. Хорошо информированный гражданин / Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 559–560

Чтобы понять друг друга, люди задают друг другу вопросы. В этом смысле опросы общественного мнения – всем знакомая практика. Но принципиальная особенность опросов состоит в том, что вопросы задаются систематически и “всем подряд”, независимо от того, разбирается человек в обсуждаемой теме или нет. Специалистов по любой теме не так уж много, поэтому среди случайно отобранных респондентов вероятность встретить их очень мала. Следовательно, чаще всего в ходе массовых опросов вопросы задаются тем, кто недостаточно компетентен, то есть не обладает должными познаниями и опытом. Впрочем, вопросы социологов в таких опросах и не нацелены на разговор со специалистом – напротив, любая тема обсуждается так, чтобы выявить не собственно знания, а эмоционально окрашенное отношение к событиям, объектам, явлениям, персонам, институтам и т. д. Изучается, конечно, и уровень знаний, но не для получения “экспертных” суждений по существу, а для понимания общего уровня информированности.

Спрашивается: (1) зачем же нужны ответы людей на вопросы, в которых они заведомо некомпетентны, и (2) если задавать такие вопросы действительно зачем-то нужно, то как же люди на них отвечают – неужели случайным образом?

Начнем с вопроса (2). Чтобы ответить на него, разделим все мыслимые темы вопросов на два больших класса. В первый пусть войдут те, которые касаются только специалистов и никогда не обсуждаются не-специалистами между собой. Ко второму классу отнесем темы, о которых говорят и специалисты, и не-специалисты. Чтобы провести приблизительную границу между этими двумя классами, не надо подслушивать всевозможные разговоры, а достаточно решить, что ко второму классу относятся все темы, встречающиеся в масс-медиа. И к любой из них свое отношение могут выразить не только специалисты, но и люди, весьма и весьма далекие от этих тем. Это эмпирический факт: в обсуждении всякой телепередачи или газетной публикации, в принципе, может поучаствовать каждый взрослый человек. Всегда есть, конечно, и те, кто по какой-то **“медийной” теме** ничего не может сказать (и, соответственно, при опросе “затрудняется ответить”), но таких людей оказывается тем меньше, чем активнее обсуждается эта тема в масс-медиа.

Далее, важно отметить, что у специалистов и не-специалистов в основе производства суждений на “медийные” темы лежат существенно разные механизмы. Специалист владеет особыми знаниями – **“специальной” теорией**. Она представляет собой достаточно связную систему специфических понятий, основанную на достоверных (как он считает) сведениях, а также правила рассуждений и вывода умозаключений¹. Иногда это “научная” теория, но чаще – концентрированный

экспертно-практический опыт проб и ошибок, уже совершенных другими людьми. Чтобы стать специалистом, человек должен затратить силы и время для освоения опыта предшественников и приобретения своего собственного. Каждый (или почти каждый) человек является специалистом в каких-то немногих областях, а в остальных – конечно, остается не-специалистом.

Не-специалист по определению не владеет “специальной” теорией, но тем не менее по “медийным” темам обычно высказывает вполне определенные суждения, которые представляются специалисту “наивными”. Поэтому можно сказать, что он их производит на основе **“наивной” теории**, которая может быть фрагментарной, алогичной, стереотипной, мифологичной и даже фантастичной. Но для ее носителя она вполне приемлема и легитимна, более того, именно она определяет то, что он считает реальностью, и предопределяет его вполне реальное поведение². Ибо человек действует только исходя из того, что подсказывает его собственная теория – “специальная” (редко) или, при ее отсутствии, “наивная” (в подавляющем большинстве случаев).

Из этого вытекает ответ на вопрос (1): не зная “наивных” теорий друг друга, мы никогда не сможем друг друга понимать. В повседневности люди, собственно, для того и разговаривают, задают друг другу вопросы, чтобы взаимно прояснить “наивные” теории, сопоставить их и, возможно, скорректировать. А социологические опросы – это научно обоснованный метод выявления массово распространенных “наивных” теорий, касающихся того, о чем говорят или могут говорить масс-медиа.

Остается понять, кому и зачем необходимо это знание выявленных опросами “наивных” теорий, имеющих в данное время хождение в обществе. Распространенный ответ звучит так: опросы – это зеркало, в которое смотрится общество, чтобы путем такого рода обратной связи рефлексировать и понимать самое себя. Но это наивный ответ, так как результаты опросов, составляя мизерную часть тотального информационного потока, в минимальной степени принимаются в расчет носителями сколько-нибудь широко распространенных “наивных” теорий.

На самом деле опросы всерьез нужны тем, чьи действия так или иначе могут влиять на “наивные” теории, разделяемые десятками миллионов наших сограждан и предопределяющие их поведение. К таким людям прежде всего относятся те, кто принимает решения, как нам жить, – то есть деятели политической, законодательной и управленческой сферы. А также те, кто в самых разных формах объясняет, как устроена наша жизнь, то есть деятели культурной и информационной сферы. Эти две социальные категории – **“люди решающие”** и **“люди объясняющие”** – собственно, и создают своими действиями и текстами “медийные” темы. Они являются специалистами лишь в узких секторах, но – внимание! – не должны исходить из “наивных” теорий о том, каковы “наивные” теории, распространенные в обществе. Они должны хорошо разбираться в том, что думает “народ”, чтобы избежать неточных, неадекватных, иллюзорных представлений о мнениях, возможных суждениях и вероятных поведенческих реакциях людей. Иначе говоря, они должны быть **“гражданами, хорошо информированными”**³ о социальной реальности, возникающей из массовых “наивных” теорий.

А для этого надо... читать журнал “Социальная реальность”.

Александр Ослон
президент Фонда “Общественное мнение”,
главный редактор журнала

² *“Обыватель обладает рабочими познаниями во многих областях, которые необязательно связаны друг с другом. Ему свойственно знание рецептов, указывающих, как достигать в типичных ситуациях типичными средствами типичных результатов. Рецепты указывают такие процедуры, которым можно доверять, даже если отсутствует ясное их понимание <...> При всей смутности это знание является достаточно точным для наличной практической цели. Во всех вопросах, не связанных с такими непосредственно важными практическими целями, человек с улицы руководствуется чувствами и страстями. Под их влиянием у него складывается некоторый набор убеждений и непроясненных точек зрения, на которые он просто полагается до тех пор, пока они не мешают ему в его поисках счастья”*

³ *Хорошо информированный гражданин “...располагается между идеальным типом эксперта и идеальным типом обывателя. С одной стороны, он не обладает экспертным знанием и не имеет цели его приобрести; с другой – он не довольствуется фундаментальной смутностью простого рецептурного знания и иррациональностью своих непроясненных страстей и чувств. Быть хорошо информированным значит для него прийти к разумно обоснованным мнениям в областях, которые, насколько ему известно, по крайней мере, косвенно представляют для него интерес, хотя и не имеют значения для его наличной цели”*

COMING TO THE MARKET

С. Климова

Победа: наша или Сталина?

В нашей стране праздник 9 Мая является важной составляющей культурной традиции и национальной идентичности. В исследованиях на эту тему, проведенных Фондом “Общественное мнение”, отмечалось, что память о войне подробна, ценностно нагружена, органична и непосредственна: она воплощена в личных воспоминаниях людей, переживших войну, либо связана с судьбами родных – родителей, бабушек, дедушек¹. История войны, несомненно, протянута в настоящее. Данные массовых опросов и фокус-групп, проведенных Фондом “Общественное мнение” накануне и сразу после празднования 60-й годовщины Победы, позволяют сделать некоторые наблюдения о бытовании войны в современной жизни нашей страны и ее граждан².

История, связанная с памятной датой, не может быть просто рассказом о состоявшемся событии. Это всегда часть национального мифа, призванного оправдать прошлое, объяснить настоящее и дать надежду на будущее. В празднике всегда есть нормативность, поскольку всегда в явной или неявной форме то, кого и что почитают люди в праздник, задает образец мыслей, чувств, поступков. Но для людей с разным жизненным опытом, уровнем знаний образцы могут быть разными. Для того чтобы праздник Победы сохранил статус общенародного, соединяющего, а не разъединяющего людей (как это произошло с некоторыми старыми и новыми праздниками – например, годовщиной Октябрьской революции или Днем России), нужно примирить его прежнее значение и новые знания о том времени, о бедах, принесенных народу войной, новые политические вызовы (в частности, связанные с требованием некоторых прибалтийских политиков признать оккупантами советских воинов-освободителей). Идентификационная функция праздника Победы с самого начала и до нынешнего дня подвергается испытаниям, связанным с необходимостью совместить непосредственный негативный опыт и негативное знание о войне с бесспорным фактом национального спасения. Конечно, негативный опыт всегда включается в национальную героическую мифологию, поскольку преодоление препятствий, смертельных опасностей – один из необходимых элементов героики. Проблема в том, что для одних людей героика преодоления бедствий, принесенных войной, связана не только с победой над внешним

В празднике всегда есть нормативность, поскольку всегда в явной или неявной форме то, кого и что почитают люди в праздник, задает образец мыслей, чувств, поступков

¹ Климов И. День Победы. Как он был от нас далек... (<http://bd.fom.ru/report/map/d031724>); Климов И. Фашизм и современность (<http://www.fom.ru/survey/dominant/168/413/1521.html>).

² Общероссийские опросы населения 23 апреля и 12 мая 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов), фокус-группы, проведенные 26 апреля 2005 г. в Москве, Новосибирске и Самаре и 11 мая 2005 г. – в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге.

врагом, но и с необходимостью преодолевать внутренние противоречия, создаваемые, в частности, негативным восприятием личности и общей роли Сталина. Другие, напротив, продолжают считать Сталина ключевой фигурой в этом коллективном героическом преодолении.

Непрекращающиеся дискуссии на тему о том, благодаря или вопреки Сталину была завоевана победа, свидетельствуют, что эта фигура не имеет определенной, принимаемой большинством репутации, – и вместе с тем присутствие Сталина в контексте празднования победы СССР в Великой Отечественной войне неизбежно.

Попробуем понять, как негативное знание о войне и периоде правления Сталина в целом включается в систему существующих значений Дня Победы и как знания о том времени влияют на формирование отношения к настоящему.

Наше исследование основывается главным образом на данных, полученных в период празднования 60-летия со Дня Победы – даты, которая отмечалась с особым размахом. Поскольку общественное внимание было привлечено к этой дате, обострилась и рефлексия по поводу праздника – в частности, связанная с ролью Сталина в войне.

Значение Дня Победы

Представление о значимости, важности празднования Дня Победы разделяют абсолютное большинство россиян. Примечательно, что со временем эмоциональная связь с этим праздником не только не уменьшается, но даже растет. Если в 2003 г. сказали, что для них 9 Мая особенный, важный, значимый день, 83% опрошенных, в 2004 г. – 88%, то в 2005 году – в год юбилея Победы – такой ответ дали 91% наших сограждан.

По поводу значимости этого праздника в обществе существует редкое для нынешнего времени согласие. В этом вопросе нет различий между группами опрошенных, выделенными по идеологическим признакам.

Конечно, чем старше люди, тем чаще они говорят о том, что для них 9 Мая особенный день, но и подавляющее большинство молодых людей согласны с мнением о значимости Дня Победы (табл. 1). Только 7% россиян ответили, что для них этот день не является особенным; чаще это молодежь, чем пожилые люди.

Можно предположить, что те, кто не считает День Победы значимым для себя, с одной стороны, утратили (или никогда не имели) “органическую” связь с военным временем или с “сообществом опыта”, сформированным войной (ветеранами, людьми, пережившими войну), а с другой – не приобрели исторических знаний и не приняли события того периода в качестве элемента истории коллективного “мы”. Некоторые основания для такого предположения мы находим в данных исследования.

Любопытна, в частности, разница между группами респондентов, выделенными по уровню образования. О том, что 9 Мая – значимый для них день, несколько чаще говорят люди, не имеющие среднего образования (93%) – а в этой группе безоговорочно преобладают пожилые, – и те, у кого высшее образование (94%), нежели люди, имеющие среднее и среднее специальное образование (90% и 89%). Такое распределение может означать, что сравнительно молодые и не очень образованные люди не-

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Население	Возраст, лет		
		18-35	36-54	55 и старше
Доли групп в населении, %	100	37	34	29
Для одних людей 9 Мая – особый день, важный, значимый. Для других 9 Мая не является особенным, важным, значимым днем. Если говорить о вас лично, какая позиция Вам ближе – первая или вторая?				
Первая	91	86	91	96
Вторая	7	10	7	4
Затрудняюсь ответить	2	4	2	0

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Население	Для одних людей 9 Мая – особый день, важный, значимый. Для других 9 Мая не является особенным, важным, значимым днем. Если говорить о Вас лично, какая позиция Вам ближе – первая или вторая?		
		первая	вторая	затрудняюсь ответить
Доли групп в населении, %	100	91	7	2
Есть ли среди Ваших знакомых и родственников, живущих сейчас, люди, пережившие Великую Отечественную войну, или таких людей нет?				
Есть	51	51	44	62
Нет	47	46	53	38
Затрудняюсь ответить	2	2	3	0

сколько чаще не имеют ни “органической”, ни “исторической” памяти о событиях военного времени.

Еще одним основанием для нашей гипотезы является следующий факт. В целом у большинства россиян даже сегодня сохраняется ощущение прямой личной соотнесенности с военным прошлым. Как видно из табл. 2, сказали, что среди их знакомых, родственников, живущих сейчас, есть люди, пережившие войну, 51% участников опроса; нет таких у 47% респондентов. Однако те, кто не считает День Победы значимым праздником, чаще остальных говорят, что у них нет родственников и знакомых, переживших войну (53%).

Участники фокус-групп отмечали, что 9 Мая – это день памяти о погибших, день благодарности ветеранам. Непосредственную личную связь с праздником подчеркивают респонденты, в семьях которых есть ветераны.

“У нас в семье этот праздник очень большой, потому что у нас дедушка – участник войны. Конечно, святое дело – это обед, вот, а потом мы уже пошли на салют” (ДФГ, Воронеж).

“Артистов старых показывали, они песни пели фронтовые и танцевали. Я бабушке звонила, и она плакала. Артисты тоже воевали – и вот эта вся энергетика теплая. Я тоже сидела у телевизора и плакала, глядя на них” (ДФГ, Санкт-Петербург).

1-й участник: *Вот сейчас – 60-летие, надо всем поклониться глубоко.*

2-й участник: *Самим себе.*

1-й участник: *Нет, всем ветеранам, всем погибшим”* (ДФГ, Москва).

Обратим внимание на короткую реплику второго участника диалога московской фокус-группы. Этот сорокалетний мужчина, конечно, не участвовал в войне.

Сравнительно молодые и не очень образованные люди несколько чаще не имеют ни “органической”, ни “исторической” памяти о событиях военного времени

Табл. 3

% от групп (по столбцам)

	Население	Возраст, лет		
		18-35	36-54	55 и старше
Доли групп в населении, %	100	37	34	29
Скажите, пожалуйста, кто-нибудь из Вашей семьи, из родственников погиб во время Великой Отечественной войны или погибших не было?				
Да, были погибшие	64	50	69	76
Нет, погибших не было	28	37	25	20
Затрудняюсь ответить	8	13	5	4

Он сказал “самим себе”, имея в виду народ, всех, и, несомненно, причисляя себя к этим “всем”. Приведенный обмен репликами – не дискуссия, а уточнение того, кто такие “мы”. Подобно персонажам героических мифов, ветераны – часть коллектива, целого. Имя этому целому – советский народ.

Примечательно, что идентификация с “советским народом” актуальна до сих пор. Так, по данным репрезентативного исследования, проведенного в 2002 г., 44% россиян выбирают идентификацию “мы – советский народ”. Автор исследования замечает, что те, кто относит себя к советскому народу, чаще выражают приверженность русским национальным традициям и местному патриотизму, и расценивает это как свидетельство схожей символической природы указанных объектов идентификации³.

Но вернемся к тем данным, которые были получены в ходе нашего опроса. Погибшие на войне родственники есть у 64% респондентов, нет таковых у 28% опрошенных; затруднились ответить на этот вопрос немногие – 8% респондентов, что подтверждает наблюдение о присутствии темы военного прошлого в повседневном дискурсе большинства россиян. Чем старше люди, тем чаще они помнят о своих родных, погибших на той войне (табл. 3). Тех, кто сам участвовал в войне, оказалось среди опрошенных 3%.

Ожидание юбилейных торжеств в честь Дня Победы в прошлом году, видимо, сформировало у многих готовность особо отметить этот праздник. Лишь 13% россиян заявили, что они не планировали празднований. Опрос, проведенный уже после торжеств, показал, что праздник действительно был общенародным. Только 7% респондентов сказали, что там, где они живут, не было массовых мероприятий (митинги, встречи с ветеранами, гуляния), посвященных Дню Победы. Тех, кто сам ходил на праздничные мероприятия, среди опрошенных оказалось 26%.

По сравнению с 2004 годом, в 2005-м существенно больше людей участвовали в организованных массовых мероприятиях: ходили на парад, митинг, демонстрацию, на праздничные концерты, смотрели салют. В 2004 году таких ответов было 19%, в 2005-м – 32%⁴.

“Участвовал в митингах деревень Егорьевского района”; “был на митинге у памятника воинам”; “кадетский класс города Батайска, в котором учится мой брат, маршировал просто превосходно” (ответы на открытый вопрос).

³ Данилова Е. Через призму социальных идентификаций / в кн.: Россия реформирующаяся. Ежегодник – 2004. М., Институт социологии РАН. С. 228.

⁴ Эта цифра оказалась больше числа ответов об участии в массовых праздничных мероприятиях, потому что один и тот же человек мог участвовать в нескольких мероприятиях. Кроме того, разнятся формы вопросов. В данном случае вопрос задавался в открытой форме.

Подобно персонажам героических мифов, ветераны – часть коллектива, целого. Имя этому целому – советский народ

В 2005 году впервые появились ответы, которых практически совсем не было раньше: как особое праздничное действие отмечают ритуал поздравления ветеранов – и родственников, и знакомых (3%).

“Ездил поздравлять родственника ветерана”; “в парке Орешково поздравляли ветеранов: они были довольные” (ответы на открытый вопрос).

По данным опроса, проведенного после юбилейных торжеств, только 9% не смотрели телепередачи и программы, посвященные Великой Отечественной войне.

Как видно из высказываний участников фокус-групп, многие предприятия, организации по своей инициативе делали ветеранам подарки, причем говорилось об этом с одобрением. В этой связи можно вспомнить злую зависть домохозяек советского времени по отношению к ветеранам, когда те получали без очереди какой-нибудь “дефицит”.

“1-й участник: Мы от организации развозили холодильники и плиты ветеранам до полдвенадцатого. Два дня мы этим занимались.”

2-й участник: Я работаю в аптеке в системе “Фармакор”. Наши аптеки с 1 апреля до 15 мая бесплатно выдают всем ветеранам и инвалидам пластиковые карточки для скидок в социальных отделах – бесплатно. И до 15 мая будем выдавать бесплатно.”

Модератор: То есть это частная инициатива вашей организации?

2-й участник: Да. Мы выдаем эту карточку бесплатно, а так она стоит 40 рублей. Скидка по карточке достигает 10% круглый год в специальных отделах” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Ни в ответах на открытые вопросы, ни на фокус-группах имя Сталина в связи с праздником Победы спонтанно не возникало. Его роли в войне было посвящено особое исследование.

Роль Сталина в войне

Благодаря юбилейным передачам, книгам, фильмам о войне люди приобрели новые знания и освоили новые интерпретационные схемы, связанные с теми событиями. Как показывают дискуссии на фокус-группах, эти знания, как правило, весьма детальны, осмысленны и встроены в общую картину мира. Безусловно, чаще всего переоценке подвергалась роль Сталина в войне. Судя по высказываниям участников фокус-групп, в массовом сознании происходят разнонаправленные процессы в отношении этой фигуры: от полного неприятия до поистине эпического возвеличивания. Но это – полюса. А между ними – попытки рядового гражданина непротиворечиво “уложить”, интегрировать негативную информацию о Сталине в систему мировоззрения таким образом, чтобы сохранить общую оценку значения победы над фашизмом.

Люди решают трудную задачу: как непротиворечиво “уложить”, интегрировать негативную информацию о Сталине в систему мировоззрения таким образом, чтобы сохранить общую оценку значения победы над фашизмом

Попытки “отделить” Сталина от истории войны приводят на уровне обыденного сознания к тому, что разрушается целостность истории этой войны. Когда участники фокус-групп ссылались на многочисленные, сейчас уже широко известные, сведения об ошибках и преступлениях Сталина в предвоенные годы и в первый период войны и говорили, что война была бы выиграна народом и военачальниками, даже если бы место Сталина занимал кто-то другой, картина получалась не очень убедительной. Размышления о роли Сталина в войне приводят участников дискуссии к выводу, что каким бы одиозным ни был этот политик, он возглавлял государство и армию, и именно он принимал ключевые решения. Обратим внимание на то, что об отсутствии альтернативы Сталину говорит человек, настроенный по отношению к нему резко критически.

“1-й участник: *Ведущих полководцев под косу свел, уничтожил... Он действительно боялся этих людей, он их уничтожил...*”

2-й участник: *И ученых тоже.*

1-й участник: *Его вот эта трусость...*

3-й участник: *Всю интеллигенцию – под корень.*

1-й участник: *Война была освободительная, мы освобождали себя из-под ига фашистского гнета. Действительно народ выиграл войну.*

3-й участник: *Конечно, народ выиграл войну, это бесспорно.*

1-й участник: *А кто бы руководил, то есть, может быть...*

3-й участник: *Да, да.*

1-й участник: *Было бы лучше, было бы хуже, но не было альтернативы Сталину в то время.*

2-й участник: *Тухачевского Сталин уничтожил, и если бы пришел к власти Тухачевский, как повернулись бы события, предположить сложно.*

4-й участник: *Я думаю, что вектор развития не изменился бы кардинально. А для той эпохи, когда была страна в кольце врагов, нужна была воля Сталина. Диктаторы строили государство, не считаясь с потерями народа.*

1-й участник: *Это была старая реклама презервативов марки «Адидас». Показывали фотографии: Муссолини, Гитлер, Сталин, Пиночет, Ленин и говорили: мир мог бы быть совсем другим, если бы их родители пользовались нашей продукцией...” (ДФГ, Москва).*

“1-й участник: *То, что выигрывали, это заслуга полководцев, за счет народа была одержана победа, но не за счет Сталина. У него не мудрое руководство было.*”

2-й участник: *И как военачальник – тоже.*

1-й участник: *Да. А Жуков – вот это сильная личность.*

2-й участник: *Сталин не разрабатывал военных операций – этим занимался генштаб.*

1-й участник: *Он не был стратегом.*

3-й участник: *Мне кажется, его роль была большая, потому что он сумел опереться на нужных людей, он их назначал.*

4-й участник: *Я считаю, что не было бы Сталина – был бы другой военный тактик. Сталин выиграл войну, он был просто руководителем, он попал в это время. И другой бы тактик, вполне возможно, выиграл бы эту войну. Победить русский народ действительно было сложно” (ДФГ, Самара).*

Солидарны с мнением, что Сталин сыграл значительную роль в победе, 58% участников массового опроса. Чаще это люди в возрасте от 55 лет (68%) и жители сел (65%). Убежденность в значительной роли Сталина существенно чаще других граждан разделяют приверженцы КПРФ (85%). Здесь стоит отметить, что электорат КПРФ – это преимущественно пожилые люди. Для них Сталин, так же, как и ком-

Табл. 4

% от групп (по столбцам)

	Насе- ление	Есть ли среди Ваших знакомых и родственников, живущих сейчас, люди, пережившие Великую Отечественную войну, или таких людей нет?		
		есть	нет	затрудняюсь ответить
Доли групп в населении, %	100	51	47	2
Одни считают, что Сталин сыграл значительную роль в победе нашей страны в Великой Отечественной войне. Другие считают, что роль Сталина в победе нашей страны была незначительной. С каким мнением – первым или вторым – Вы согласны?				
С первым	58	62	54	59
Со вторым	18	17	19	10
Затрудняюсь ответить	24	21	27	31

Табл. 5

% от групп (по столбцам)

	Насе- ление	Скажите, пожалуйста, кто-нибудь из Вашей семьи, из родственников погиб во время Великой Отечественной войны или погибших не было?		
		да, были погибшие	нет, погибших не было	затрудняюсь ответить
Доли групп в населении, %	100	64	28	8
Одни считают, что Сталин сыграл значительную роль в победе нашей страны в Великой Отечественной войне. Другие считают, что роль Сталина в победе нашей страны была незначительной. С каким мнением – первым или вторым – Вы согласны?				
С первым	58	61	55	47
Со вторым	18	17	21	14
Затрудняюсь ответить	24	22	25	39

партия, – часть их жизни, молодости. “Отделить” Сталина от всей совокупности представлений о мире, о стране, о себе, переосмыслить его роль для пожилых людей труднее, чем для более молодых, которым эпоха Сталина представляется почти такой же далекой, как эпоха Ивана Грозного. Кроме того, можно предположить, что признание заслуг Сталина отчасти является проявлением оппозиционности.

Противоположной точки зрения – что роль Сталина в победе была незначительной – придерживается в три с лишним раза меньшая доля опрошенных (18%). Чаще, чем в среднем, это жители больших городов и люди с высшим образованием.

Те участники опроса, у которых есть знакомые или родственники, пережившие войну, а также те, кто потерял в этой войне кого-либо из членов семьи, соглашались с мнением о значительной роли Сталина даже несколько чаще, чем те, чьи семьи не пострадали. Но вряд ли это происходит потому, что люди ощущают судьбу своих родственников как непосредственно связанную с деятельностью Сталина. Скорее, для них эта тема просто более актуальна: недаром среди них меньше затруднившихся с ответом (табл. 4, 5).

Положительно оценивают деятельность Сталина во время Великой Отечественной войны 40% опрошенных. Отчасти положительно, отчасти отрицательно – 31%. А полностью отрицательно – только 11%. Положительные оценки чаще дают приверженцы КПРФ (64%), люди в возрасте от 55 лет (50%), с образованием ниже среднего (46%), а также жители мегаполисов (48%). Позицию частичного осуждения Сталина чаще других разделяют те, кто доверяет В. Путину, люди со сравнительно

“Отделить” Сталина от всей совокупности представлений о мире, о стране, о себе, переосмыслить его роль для пожилых людей труднее, чем для более молодых, которым эпоха Сталина представляется почти такой же далекой, как эпоха Ивана Грозного

За упоминанием
заслуг Сталина
практически всегда
следуют оговорки,
почти всегда
отмечается обратная
сторона этих заслуг.
И эта обратная
сторона часто оказы-
вается настолько
значимой, что
практически сводит
на нет заслугу

высокими доходами – более 3 тысяч рублей на члена семьи в месяц (по 37%) и жители больших городов (40%). Полностью отрицательные оценки деятельности Сталина в Великой Отечественной войне заметно чаще, чем в среднем, дают люди с высшим образованием (18%).

Почему так много наших современников разделяют представление о Сталине – великом полководце? “Миф о Сталине”, как показали ответы участников массового опроса и высказывания на фокус-группах, имеет много компонентов. Попробуем их классифицировать.

Респонденты отвечали на открытые вопросы о заслугах и неправильных действиях Сталина в войне. На вопрос *“Что Вы поставили бы в заслугу И. Сталину в его деятельности во время Великой Отечественной войны?”* ответили 59% опрошенных. Чаще всего респонденты приписывают ему организационный талант, способность обеспечить порядок и дисциплину в экстремальных условиях, благодаря чему и стала возможной победа (20%): *“дисциплину – если бы ее не было, то мы не победили <бы>”*; *“централизация власти”*; *“умение вести людей за собой”*; *“все его боялись и слушались”*. Близки к этим ответы, в которых речь идет не столько об организационных способностях, сколько о характере Сталина, о его качествах – жестокости (со знаком плюс!), целеустремленности, решительности, умении взять на себя ответственность, – которые, собственно, реализовались в организационном таланте (12%).

“В строгости вел страну к победе”; *“его боялись все военные, маршалы – этим он брал и победу”*; *“его железная рука помогла стране выиграть войну”*; *“только его твердость и настойчивость”* (ответы на открытый вопрос).

Убеждены, что Сталин разрабатывал стратегические планы военных операций, руководил войсками, организовывал работу тыла, правильно подбирал и расставлял руководителей в промышленности и военачальников, 5% респондентов.

“...Разрабатывал планы наступления, руководящие кадры подбирал хорошие”; *“созданную систему обороны, наступления, работы в тылу”*; *“в том, что Жукову позволили руководить фронтом”*; *“он смог признать свои ошибки, вернул в строй полководцев, которые смогли повернуть ход военных действий”*; *“он сумел собрать людей профессиональных и значительных вокруг себя для достижения победы”* (ответы на открытый вопрос).

Довольно много наших сограждан уверены в том, что без Сталина победа в этой войне была бы вообще невозможна (8%).

“Если бы не Сталин, нас Германия захватила <бы>”; *“саму победу, без него было бы труднее победить”* (ответы на открытый вопрос).

В части суждений акцент смещается на характеристики советского народа – его самоотверженность, сплоченность, патриотизм (12%). Сталину в этих ответах отводится роль лидера, который смог мобилизовать эти качества для победы.

“Объединил народ, сплотил для победы”; *“патриотизм людей – они шли на смерть во имя Родины”* (ответы на открытый вопрос).

Некоторые участники опроса возражали против самой постановки вопроса о заслугах Сталина в войне. Основную роль в победе они отводят не Сталину, а талантливым военачальникам и народу.

“Его заслуги не знаю – в основном воевали маршалы и народ”; *“Жуков выиграл войну благодаря хорошим полководцам и народу; он [Сталин] не понимал, что делает”* (ответы на открытый вопрос).

Открытые вопросы не предполагают развернутых рассуждений, из материалов же фокус-групп видно, что за упоминанием заслуг Сталина практически всегда следуют оговорки, почти всегда отмечается обратная сторона этих заслуг. И в ходе рассуждений эта обратная сторона часто оказывается настолько значимой, что

практически сводит на нет заслуги. Вот как на фокус-группах обсуждался наиболее популярный в массовом опросе сюжет – “организационные таланты Сталина”.

“1-й участник: Сталин был личность, конечно же. Это и организаторские способности, и харизма, о которой все говорят, и влияние на массы. Но личность отрицательная: была уничтожена вера православная – корень, все это было в русском народе, и за все это была расплата.

2-й участник: Я считаю, что он тиран. При нем был порядок, но достигал он это как: ссылая в концлагеря, погубил больше, чем Гитлер. Больше плохого он сделал для народа, он за счет народа одержал победу над врагом. Народ его возвысил” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: Да, огромная роль его в победе. Нужно было завтра какой-нибудь город отбить от немцев – все, эта задача выполнялась. Какими жертвами – это уже его не волновало. Просто ему нужно было, чтобы завтра город был очищен от фашистов, и все. Люди, боясь его, выполняли эту задачу...

2-й участник: Победителей не судят. Кто-то все-таки руководил – Сталин руководил” (ДФГ, Москва).

А вот как на фокус-группах выглядит тема “Сталин – военный стратег”.

“1-й участник: Я полностью согласен... с характеристикой политических ошибок в предвоенный период Сталина. И нечего здесь добавит. А вот что касается военных – то там все по-другому. Мне кажется, там со стороны Сталина минимальные ошибки. В основном он все правильно делал. Организация, централизованная организация обороны страны. Когда был организован Совет обороны, он встал во главе его, взял в руки правительство, стал председателем Совета министров, то есть сосредоточил всю власть. Для военного времени это главное.

2-й участник: Во время войны он прислушивался к мнению полководцев. То есть были талантливые полководцы, которые руководили армией...

1-й участник: Но это не значит, что если бы не было Сталина, война пошла бы, ну, характер ее бы изменился. Нет, в тяжелые моменты истории российской у русского народа или у российского, точнее, народа всегда выдвигался какой-то лидер выдающийся.

3-й участник: Я еще раз повторяю: грамотный политик бы не допустил войну, война, пардон, была не с 41-го года... Можно было подготовиться с 38-го года” (ДФГ, Москва).

Присутствует в дискуссиях и тема “Сталин – организатор военной промышленности”.

“1-й участник: На авиационном заводе, когда началась война, выпускали по 10 самолетов в месяц. Сталин когда узнал, вызвал директора и сказал: по 100 самолетов надо, и начали делать по 100 самолетов. Люди боялись уходить от станка, делали 100 самолетов. Он без суда и следствия мог расстрелять, держал всех в страхе – может, поэтому и выиграли войну. Сменное задание увеличили в 10 раз, и не уходили до тех пор, пока не сделают задание. Может, он и тиран был, но войну выиграли. Плохо то, что он столько людей загубил. Сколько погибло, никто не считал. И ГЭС строили, и рудники – и никто не учитывал, сколько там гибло, это плохо. Люди работали на износ, гибли, жили в землянках – это говорит о том, что плохая подготовка, хотя ему говорили, что будет война, но это он не принимал к сведению.

2-й участник: И все успехи – на костях. Человек был ничто, заключенные строили... Какие здесь организаторские способности, когда он перед войной

Существует конфликт между символической ролью Сталина – в этой роли он знак, персонификация Победы – и реально-историческим дискурсом: фактическим представлением о том, какой ценой была достигнута победа, об ошибках и преступлениях Сталина

все развалил?! Мы не были к ней готовы, и поэтому она так долго длилась. Он в этом виноват!

3-й участник: *Я согласна*” (ДФГ, Самара).

Один из участников дискуссии произнес ключевую фразу: *“Победителей не судят”*. Сталин возглавлял страну, победившую фашизм в страшной войне, – и эта его роль несомненна. Выше мы отмечали присутствие в массовом сознании символической роли Сталина, “мифа о Сталине”. Материалы фокус-групп показывают, что действительно существует конфликт между символической ролью Сталина – в этой роли он знак, персонификация Победы – и реально-историческим дискурсом: фактическим представлением о том, какой ценой была достигнута победа, об ошибках и преступлениях Сталина. В настоящее время, похоже, этот конфликт не снимается, потому что, как уже говорилось выше, сохраняется органическая связь с тем временем. Не исключено, что через несколько поколений острота этого конфликта сгладится.

В каждой из трех фокус-групп был свой апологет Сталина, но один из них выделялся особо – тем, что, во-первых, не повторялся, во-вторых, проявлял большую активность, высказывался при каждой возможности, и в-третьих, последовательно изложил всю систему апологии вождя. Это мужчина 43 лет, пенсионер из Самары. Мы собрали все его реплики, для того чтобы полнее воссоздать систему его взглядов на эту тему.

Аргумент первый: власть должна быть сильной. Другие лидеры мировых держав вели себя так же, как Сталин.

“Сталину приписали всяческие грехи, но хорошего было больше. Президент должен иметь твердую руку, должен подавлять в корне, что сейчас и происходит, и газеты нынешние не сильно отличаются от газет времен Сталина. Адэнауэр, который Германию поднимал после войны, тоже был жестким человеком, ему тоже было очень тяжело”.

Аргумент второй: Сталин действовал по законам времени.

“Он правильно делал, потому что по-другому нельзя было тогда”.

Аргумент третий: Сталин любил русский народ.

“Я его все равно защищать буду, он по сути для нас иностранец, пришел грузин – и стал президентом России. Он ведь никаких репрессивных мер к русскому народу не предпринял, своих грузин он не так уж и много оставил около себя”.

Аргументы четвертый и пятый: люди любили Сталина, любили даже те, кто сидел в тюрьме; в тюрьме же они сидели за дело.

“Все сидели в тюрьме, но все были счастливы. Я не хочу говорить про фильмы о Сталине, я вот смотрю бабушкины фотографии – родители у меня всю войну прошли – на этих фотографиях счастливые люди, нельзя притворяться для фотографа”.

“Я не согласен, что <те>, кого коснулись репрессии, – против [Сталина]. У меня знакомый недавно умер – его дочка рассказывала, что он работал в Киевском зоопарке и воровал у животных мясо, за это его посадили. А потом сделали жертвой сталинских репрессий, и он получал хорошую пенсию, и был благодарен Сталину”.

Аргумент шестой: при Сталине был порядок.

“Он приучил народ, как сказал Папанов, тебя посадят, а ты не воруй. Достаточно было себя вести по правилам, и жил бы хорошо”.

Но главными все-таки были два еще не названных аргумента.

Седьмой: без Сталина мы бы не выиграли войну. Сталин был символом Родины, которую нужно защищать ценой собственной жизни.

“Было все подготовлено к тому, чтобы Сталин уехал из Москвы. Если бы он уехал, Москва была бы сдана, потому что у народа ассоциировалось: за Родину, за Сталина. А если часть Родины Москву покинула, то что ее защищать. Он не сдавался – и народ не сдавался, в него верили”.

И восьмой, пожалуй, самый главный: при Сталине и при социализме вообще людям жилось хорошо, а сейчас живет плохо, хуже, чем раньше, – господствует апатия, люди деморализованы и бедны, страна не развивается.

“До перестройки никто не голодал. Строились дома, людям давали квартиры, было бесплатное лечение, не был объявлен курс на приватизацию. Это все благодаря Сталину. Я в андроповское время работал грузчиком в универсаме – хорошее было время: появились на прилавке джинсы, кроссовки”.

“Если бы сейчас напали, и сопротивляться бы не стали. Со времени перестройки прошло 20 лет. Это примерно столько, сколько Сталин правил. Если сравнить, что было сделано советским народом в те годы и что сделано сейчас, то за последние 20 лет таких результатов, как при Сталине, мы при Горбачеве, Ельцине и Путине не добились бы”.

Нынешние проблемы довольно часто становились фоном для оценок сталинского периода. Как видно из некоторых реплик на фокус-группах, нынешняя ситуация в стране выглядит проигрышной по сравнению со временем правления Сталина по нескольким важным основаниям: первое – отсутствие порядка, злоупотребления чиновников, коррупция; второе – незащищенность от произвола, которая интерпретируется как несправедливость “маленького человека”, рядового гражданина; третье – деидеологизация, и как следствие – социальное одиночество, отсутствие сплоченности; четвертое – бедность большинства населения и отсутствие перспектив улучшения материального положения. Конечно, упоминания об этих и иных проблемах сегодняшнего дня не означают, что люди отрицают существование тех же самых проблем при Сталине. Но напоминания о цене сталинского “порядка”, сталинской “стабильности”, сталинской “сплоченности” и прочего наталкиваются подчас на контраргумент: а что, сейчас лучше?

“Модератор: А можно из времени его правления извлечь какие-то исторические уроки? Если да, то какие?”

1-й участник: У нас пусть не сталинская дисциплина, но какой-то порядок в стране должен быть: поменьше брали взятки, поменьше коррупции.

2-й участник: У человека должен быть какой-то идеал, во что-то должны верить. Тогда верили.

1-й участник: Дисциплина была. Может быть, такой преданности не надо было, но если сравнивать с тем, что у нас сейчас, – слов нет.

3-й участник: Ни в какое сравнение не идет.

1-й участник: Люди бесправные, люди безвольные, могут уволить, зарплаты не выплачивать” (ДФГ, Самара).

Вместе с тем в утверждении “даже при Сталине было лучше, чем сейчас” нередко присутствует некое нарочитое, демонстративное преувеличение. Это видно при обращении к ставшей в последнее время популярной теме установки памятников Сталину. Обсуждение этой темы заставляет участников фокус-групп все-таки разграничивать критику существующих порядков и оценку исторической роли Сталина.

“Модератор: В последнее время в СМИ обсуждается вопрос об установке памятника Сталину – как вы к этому относитесь?”

1-й участник: Ну вот, мы к этому пришли.

Напоминания о цене сталинского “порядка”, сталинской “стабильности”, сталинской “сплоченности” наталкиваются подчас на контраргумент: а что, сейчас лучше?

2-й участник: *Нет, что деньги-то переводить? Такая отрицательная личность – зачем его увековечивать в памятнике? Совершенно это не нужно.*

3-й участник: *Памятник по-разному можно поставить: можно как вождю, а можно как тирану – как скульптор спроектирует. Ему памятник надо поставить как тирану. За гибель невинных людей нет никакой пощады.*

4-й участник: *Если поставят памятник, это будет так, что мы согласны, что нам нужен тиран.*

Модератор: *А как вы считаете?*

4-й участник: *Я считаю, что не надо ставить памятник – за что? Вот поставим, старшее поколение все перемрут, а молодежь останется. Вот стоит памятник – что она будет думать про него?» (ДФГ, Самара).*

Видят вину Сталина перед страной в военный период 53% участников массового опроса. Чаще всего они, расширяя тему, говорили о репрессиях, повальных арестах, характерных для периода правления Сталина в целом. Многие назвали эти репрессии геноцидом против собственного народа: *“репрессии, много невинных людей пострадало, гонения <на> верующих”*; *“террор против своего народа”*(24%).

По данным опроса, проведенного Фондом “Общественное мнение” 18–19 февраля 2006 года, большинство опрошенных (59%) согласны с мнением, что в сталинские времена в лагеря и тюрьмы попадали в основном невинные люди. Противоположную точку зрения – что в сталинские времена в лагеря и тюрьмы попадали в основном те, кто это заслужил, – разделяют лишь 12% респондентов⁵.

Отрицательные личностные качества Сталина (жестокость, грубость, подозрительность) упомянули 11% опрошенных россиян.

“Безразличное отношение к своему народу – как к рабам”; *“тиран жестокий”*; *“мания преследования”* (ответы на открытый вопрос).

Упрекнули Сталина в том, что он допустил много ошибок и даже преступлений при подготовке войны и в ходе ее ведения, 20% опрошенных. Респонденты упоминают аресты военных специалистов, нежелание беречь солдат, ошибки в ходе конкретных военных операций, жестокое отношение к нашим солдатам, попавшим в немецкий плен.

“В начале войны офицеры сидели в тюрьмах”; *“развалил армию перед войной”*; *“бессмысленные жертвы”*; *“сколькo народа зря положил”*; *“допустил окружение наших солдат, доверил командование малоопытным командирам”*; *“сам не специалист в военном деле”*; *“харьковское наступление – не надо было идти наступать, а надо было обороняться”*; *“без разбора принимал бывших пленных за шпионов, потом их расстреливали или в лагеря отправляли”* (ответы на открытый вопрос).

Обсуждение этой темы на фокус-группах показывает, что память о сталинском терроре жива. Участникам не надо было долго вспоминать все грехи Сталина перед народом.

1-й участник: *Он все развалил перед войной, полководцев всех уничтожил. Он не был готов к войне и до последнего не верил... Хотя ему и дату сказали, и все – а он не верил.*

2-й участник: *Когда с Украины беженцы в Москву ехали, их не выпускали с вокзалов, они там и умирали – это вот как?!*

3-й участник: *У меня сразу ассоциации со страхом, зомбирование какое-то.*

2-й участник: *С войной – я вообще не понимаю, в чем его заслуга.*

⁵ Социальная реальность. 2006. № 3. С. 59.

В утверждении “даже при Сталине было лучше, чем сейчас” нередко присутствует некое нарочитое, демонстративное преувеличение

4-й участник: *Деспот, однозначно, ничего святого не было. Когда хотели поменять сына на генерала Паулюса, он сказал: «Я генералов на рядовых не меняю». Он больше сделал плохого, потому что очень много людей погубил: и ученых, и военных, генералов перед самой войной, это же все с его молчаливого слова делалось. Крестьянина за человека не считали.*

4-й участник: *Цвет нации, да.*

Модератор: *Какова его роль в истории?*

5-й участник: *Огромная.*

2-й участник: *В истреблении народа”* (ДФГ, Самара).

На наш взгляд, одна из причин (хотя и не главная) живучести представления “Сталин – великий полководец” состоит в том, что до сих пор остаются свободными пьедесталы для многих героев, самоотверженно воевавших, побеждавших в битвах и поднимавших военную и оборонную промышленность. Вместе с тем существует большой интерес к героям прошлой войны. Об этом, в частности, свидетельствуют высказывания тех участников фокус-групп, которые в праздничные дни смотрели телепередачи и фильмы о войне.

Модератор: *Кто какие передачи смотрел в эти выходные, посвященные Дню Победы, и какие вам запомнились?*

1-й участник: *Хороших документальных фильмов не хватает. Песни, пляски – это хорошо, но могли бы хотя бы по одному каналу пустить только документальные фильмы, потому что много людей интересуются этими фильмами.*

2-й участник: *Потому сейчас всплывает очень много фактов, которые раньше мы не знали. А сейчас документы поднимаются, сейчас можно об этом говорить, сейчас нужно об этом говорить.*

3-й участник: *Очень хороший был фильм про Маринеско – про его подвиги, как он потопил знаменитый немецкий непотопляемый корабль. Документальный фильм, очень хороший.*

4-й участник: *«Ленинградский фронт» – была передача такая. Сорокина даже сделала. Интересен был момент, что наша танковая рота в районе Гатчины раздолбала в общей сложности 43 немецких танка. Я знал об этом ранее – я не знал о том, что человек, который возглавлял, Колабанов его фамилия, был репрессирован и даже сидел. Участвуя в Финской войне, он уже тогда был капитаном. После заключения перемирия с финнами его танкисты обменялись сигаретами с финнами – и за это его лишили звания и посадили. И дали ему роту, хотя он мог и батальоном командовать. Немцы как раз находились под Лугой. Рядом была болотистая местность, и он разбил сначала одну колонну немцев, а потом другую. Я об этом знал и раньше, лет 15 назад, но такие детали были для меня сейчас интересны. И он умер, по-моему, в 1989 году. Он дошел до Берлина, а потом из его батальона какой-то солдат, водитель перебежал в английскую зону, и его опять отправили в Белоруссию служить. А героя в итоге ему так и не дали – дали орден Красного Знамени. Маринеско дали героя, все-таки добились – а ему нет. Он в одном бою уничтожил сам 22 танка. А остальные 21 танк – его рота. Такие подвиги, конечно, не забываются. У него в роте было всего 5 танков”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Подведем некоторые итоги.

1. Новое знание об эмоционально и ценностно значимых событиях, фактах прошлого зачастую отторгается не потому, что человек не верит этим новым фактам, а потому, что он не знает, как примирить это новое знание и прежнее значение,

Одна из причин (хотя и не главная) живучести представления “Сталин – великий полководец” состоит в том, что до сих пор остаются свободными пьедесталы для многих героев, самоотверженно воевавших, побеждавших в битвах и поднимавших военную и оборонную промышленность

как вписать новую информацию в существующие представления о себе, своей стране и ее истории. Это утверждение напрямую и главным образом касается темы “Роль Сталина в войне”. Процесс имплантации нового негативного знания о войне в существующую систему значений накладывается на несколько типологически разных проблем, ставит ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения. Первое – в какой мере это негативное знание о военном прошлом страны разрушает личностную и социальную идентичность человека, как сделать так, чтобы эта идентичность, если она ценна, с одной стороны, не препятствовала развитию социума, а с другой – сохраняла преемственность с прошлым. Второе – как негативное знание о прошлом может сосуществовать со сложившимися нормативно-ценностными представлениями; какие здесь могут быть противоречия и как их можно разрешить. И третье – как сегодняшний день, сегодняшние проблемы могут искажать представления о прошлом.

2. Связь военного прошлого с настоящим амбивалентна: с одной стороны, она, несомненно, питает национальную гордость, вызывает у большинства искреннее чувство благодарности к ветеранам, а с другой – вызывает чувство горечи из-за того, что жертвы часто были неоправданно большими. И вина за это “злое и ненужное” уничтожение людей, среди которых у многих – ближайшие родственники, приписывается Сталину. С другой стороны, у людей вызывают сопротивление и попытки реинтерпретации истории Второй мировой войны (в частности, связанные с послевоенной судьбой стран Восточной Европы и Прибалтики). Ущемленное чувство национальной гордости, помноженное на состояние депривации значительной части населения в пореформенной России, подчас вызывает желание демонстративно выкрикнуть, что “даже при Сталине” жилось лучше, чем сейчас.

3. Причины живучести представлений о том, что “при Сталине простым людям жилось лучше”, много раз описаны публицистами и историками. Здесь мы отметим лишь одно обстоятельство, зафиксированное в нашем исследовании. Материалы дискуссий на фокус-группах создают впечатление, что дело не в том, что люди не помнят скученности, грязи и нищеты жизни сталинского периода. Дело в том, что они помнят (или знают от родителей), что тогда у людей была надежда на лучшее будущее. Сегодняшняя жизнь не только обманула прежние надежды, но и не дала новых. Спустя двадцать лет после начала перестройки люди по-прежнему не знают ответов на два главных вопроса: первый – как в новых условиях законными способами добиться успеха в жизни; второй – как личный успех каждого человека может быть связан с успехом страны, всех граждан России.

4. Как показывают высказывания участников фокус-групп, новое прочтение военной героики – без апологетики Сталина, без официального пафоса, более правдивое и человечное – принимается слушателями и зрителями. Более того, люди обращают внимание и на новые факты о прежних, известных героях, и на неизвестных героев. Судя по тому, насколько детально пересказывают документальные фильмы и передачи, увиденных в праздничные дни, этот интерес не симитирован для демонстрации включенности в тему.

5. Спустя 50 с лишним лет после смерти Сталина и разоблачения культа личности общество вновь вынуждено решать проблему десталинизации. Как вирусы в ослабленном организме, она возникает всегда, когда общество нравственно нездорово. Серьезные социально-экономические проблемы постперестроечного периода – унижительная нищета значительной части населения, нескорый и неправый суд, отсутствие ясных и доступных многим алгоритмов жизненного успеха – создают благоприятные условия для возрождения ностальгии по Сталину. ■

Увеличение платы за электроэнергию, регулярно возникающие зимой перебои с электро- и теплоснабжением, заявления о недостаточной мощности энергетического комплекса России, разговоры об истощении природных энергетических ресурсов, о связанных с энергетикой проблемах экологии, о разработках новых источников энергии и т. д. – так или иначе, энергетическая проблематика постоянно попадает в поле зрения простого россиянина. В числе прочего, время от времени ему приходится слышать об атомной энергетике. Очевидно, что во времена Советского Союза отношение к последней формировалось под влиянием технократического оптимизма, идеи обуздания атома и веры в прогрессивность атомных технологий. Авария на Чернобыльской АЭС (совпавшая с крушением всей прежней ценностной картины мира) внесла серьезные поправки в систему представлений об атомной энергетике, породив страх и недоверие к ней. Каково отношение общества к атомной энергетике сегодня, по прошествии 20 лет после Чернобыля, на фоне разговоров об угрозе энергетического кризиса?

Е. Вовк

Отношение к атомной энергетике в России: через 20 лет после Чернобыля

Региональные журналисты, опрошенные в ходе экспертных интервью¹, были практически единодушны во мнении, что общественные настроения препятствуют развитию атомной энергетике (причиной тому назывались порожденные Чернобылем страхи, подпитываемые и усиливаемые низкой осведомленностью о современном уровне развития атомной энергетике).

Но данные массового опроса² опровергают эту распространенную мифологию и доказывают, что отношение россиян к атомной энергетике отнюдь не столь однозначно: “чернобыльский синдром” хотя и вносит в суждения респондентов характерные нюансы, однако не заслоняет собой остальные аргументы “за” и “против”.

Так, хотя мнения респондентов по вопросу о том, чего больше – хорошего или плохого – приносит России развитие атомной энергетике, и разделились, но доля полагающих, что Россия получает от этого больше пользы, заметно превышает долю склонных думать, что преобладает вред, – 39% против 25% (36% затруднились с ответом).

Что любопытно, в целом на отношение к атомной энергетике возраст респондентов влияет слабо. Вместе с тем нельзя не отметить, что лучше всего к ней относятся представители средней возрастной группы: здесь наиболее высока доля уверенных в преобладании позитивных последствий развития отрасли и наиболее

¹ Опрос 20 экспертов – журналистов региональных СМИ 8–9 февраля 2006 года.

² Общероссийский опрос населения 11–12 февраля 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Возраст, лет		
	18-35	36-54	55 и старше
Если говорить в целом, как Вы думаете, развитие ядерной энергетики приносит России больше хорошего или больше плохого?			
Больше хорошего	37	44	33
Больше плохого	29	22	24
Затрудняюсь ответить	33	33	43

Сегодня наиболее позитивно в отношении атомной энергетики настроены высокоресурсные группы населения

низка доля считающих этот процесс преимущественно вредным (причем доля первых превышает долю вторых вдвое). А вот представление, что развитие атомной энергетики приносит стране больше плохого, чаще свойственно людям в возрасте до 35 лет (табл. 1).

Заметна сильная связь мнений респондентов о доминирующих последствиях развития атомной энергетики с их уровнем образования. Если люди с неоконченным средним образованием чаще отмечали преобладание вреда, чем пользы (33% против 19%), то респонденты с высшим образованием, напротив, чаще говорили о преобладании позитивного, чем негативного (55% против 15%). Кроме того, заметно чаще остальных развитие атомной энергетики приветствуют жители мегаполисов и других крупных городов: среди них доля уверенных, что развитие этой отрасли приносит России больше хорошего, составляет соответственно 48 и 50% (среди москвичей – 57%).

Как видим, наиболее позитивно в отношении атомной энергетики настроены высокоресурсные группы населения. Но и среди респондентов в целом наблюдается определенная готовность – пусть и со многими оговорками – признать полезность и перспективность этой отрасли.

Но вот когда разговор ведется не в рациональном плане, а в эмоциональном, аффективном – когда респондентов просят сказать, что первым приходит им в голову, когда они слышат слова “атомная энергетика” (именно с этого вопроса начиналась беседа на тему), соотношение положительных и отрицательных высказываний оказывается обратным.

Более чем у трети участников массового опроса (или у абсолютного большинства от числа ответивших на этот вопрос) упоминание атомной энергетики вызывает негативные ассоциации.

Для многих атомная энергетика ассоциируется с аварией на Чернобыльской АЭС и вообще с ядерными взрывами, нередко – с угрозой глобальной атомной катастрофы и даже гибели всего живого (в сумме 18% ответов).

“Авария в Чернобыле”; “вероятность непоправимых катастроф”; “перед глазами ядерный гриб”; “это взрывы и страшные последствия”; “взлетим на воздух, что еще?”; “гибель всего живого”; “гибель людей”; “уничтожение белого света” (ответы на открытый вопрос).

Часть опрошенных говорили о проблеме захоронения ядерных отходов на территории России, фоновом уровне радиации, нарушениях экологического баланса (3% ответов).

“Повышенная радиация в атмосфере”; “ядерные отходы на территории России”; “ядовитая энергетика”; “мутанты” (ответы на открытый вопрос).

Многие респонденты говорили о возникающем у них чувстве страха, опасности, но не уточняли причин своего беспокойства (13%).

“Беспокойство”; “опасная энергия”; “страшное зло”; “ужас, страх”; “я не чувствую себя в безопасности”; “бежать надо” (ответы на открытый вопрос).

Некоторые же участники опроса демонстрировали не столько страх перед атомной энергетикой, сколько общее ее неприятие, также не конкретизируя причину своего отношения (3%).

“Ядерная энергетика – это слышать неприятно”; “давно пора что-нибудь найти взамен”; “достаточно энергии солнца”; “зачем она нам нужна?” (ответы на открытый вопрос).

Обратим внимание на эту особенность: зачастую негативное отношение к атомной энергетике не столько рационально, мотивировано, сколько эмоционально, основано на диффузном чувстве угрозы и опасности.

Положительные или нейтральные ассоциации при упоминании атомной энергетике возникают примерно у четверти участников массового опроса (мы объединили эти ответы в одну группу, так как полагаем, что в нашей стране нейтральные высказывания об атомной энергетике следует считать признаком позитивного к ней отношения).

Как правило, респонденты вспоминали о тех или иных действующих атомных электростанциях (9%), говорили о благах, приносимых атомной энергетикой, или о достоинствах, преимуществах этой отрасли (6%).

“Атомные электростанции, например, наша, Белоярская”; “Балаковская станция”; “работает для нашего блага, давая свет, а отсюда – все остальное”; “тепло в наших домах”; “электричество и блага цивилизации”; “альтернативная энергетика”; “современная отрасль энергетике”; “цивилизованный способ добычи энергии”; “дешевая энергия” (ответы на открытый вопрос).

Некоторые участники опроса прямо подчеркивали необходимость и полезность атомной энергетике (2%).

“Без нее не проживешь”; “большая помощь человеку”; “источник жизни”; “обеими руками за”; “тревожных мыслей не приходит в голову, эта отрасль скорее полезная” (ответы на открытый вопрос).

У части респондентов атомная энергетика ассоциируется с достижениями человечества, прогрессом и технологиями будущего (3%).

“Большое достижение человечества”; “что-то передовое”; “рывок вперед”; “за будущее” (ответы на открытый вопрос).

Также в связи с атомной энергетикой опрошенные упоминали о “мирном атоме” и в целом о развитии научных исследований и технологий (по 2%).

“Использование атома в мирных целях”; “достижения в этой области среди наших ученых”; “институт Атомной энергии им. Курчатова”; “прогресс в научной сфере”; “работа физиков-ядерщиков” (ответы на открытый вопрос).

Двойственность отношения россиян к атомной энергетике проявляется не только на уровне массового сознания в целом, но и на уровне мнений отдельных респондентов: и среди участников массового опроса, и среди участников дискуссионных фокус-групп³ находились те, кто, признавая приносимую атомной энергетикой пользу, подчеркивал в то же время связанные с нею угрозы и наносимый ею вред.

“Без нее не проживешь, но ничего хорошего с точки зрения экологии не несет”; “огромнейшая польза, но это вредно для людей”; “вроде бы в мирных целях – электроэнергия, и рядом же – авария в Чернобыле”; “дешевая энергия, но небезопасная” (ответы на открытый вопрос; 2% ответов).

“Атомная энергетика, она ведет за собой два спектра: развитие потенциала всего земного шара, а с другой стороны – ...опасность ядерных реакций” (ДФГ, Москва).

Двойственность отношения россиян к атомной энергетике проявляется не только на уровне массового сознания в целом, но и в суждениях одних и тех же людей

³ Дискуссионные фокус-группы в Москве и Обнинске соответственно 8 и 12 февраля 2006 года.

**Повседневного
ущерба от атомных
электростанций
и отходов их работы
респонденты
опасаются чаще, чем
возможных аварий**

Участников массового опроса и фокус-групп попросили высказаться о том, что хорошего и что плохого приносит России развитие атомной энергетики (вопрос задавался всем, вне зависимости от отношения респондента к данной отрасли).

В массовом опросе, называя негативные последствия использования атомной энергии, респонденты чаще всего говорили о загрязнении окружающей среды, нарушении экологической обстановки (16% ответов), угрозе здоровью и жизни людей (11%), утечках радиации и высоком радиационном фоне (6%).

“Всю природу загрязнили”; “опасность – портится атмосфера, меняется климат” (ответы на открытый вопрос).

“Вредит здоровью”; “дети болеют”; “есть опасность для жизни”; “заражения людей, мутации” (ответы на открытый вопрос).

“Возможны поломы, утечка радиации”; “облучение людей”; “ухудшение радиационного фона” (ответы на открытый вопрос).

Судя по полученным репликам, большинство респондентов из этой группы вели речь о повседневном вреде, наносимом атомной энергетикой.

Другие участники опроса толковали не столько о будничных негативных воздействиях атомной энергетики, сколько о представляемых ею угрозах: непредсказуемости, возможной безответственности или некомпетентности работников станций, высокой вероятности аварий и катастроф с тяжелейшими последствиями (22% ответов в сумме).

“Опасная отрасль – это очередная непредсказуемость”; “из-за халатности могут быть всякие беды”; “не умеют эксплуатировать АЭС у нас”; “возможность аварии на атомных станциях”; “последствия атомного взрыва”; “как бы не повторили Чернобыль” (ответы на открытый вопрос).

Многие респонденты связывают с развитием атомной энергетики проблему ввоза в нашу страну и утилизации ядерных отходов, наносящих, по их мнению, огромный урон экологии и здоровью людей (10%).

“К нам привозят чужие ядерные отходы”; “весь Урал загажен ураном” (ответы на открытый вопрос).

Кстати, ряд участников фокус-групп высказывали мнение, что разговоры о развитии атомной энергетики в России – это только ширма, помогающая обосновать и легализовать ввоз в нашу страну ядерных отходов. Реального развития отрасли, развития отечественной науки и технологий, по мнению этих респондентов, не планируется.

“Это все сказки, что нам говорят про пользу от атомной энергетики. Это не развитие, это утилизация. Это все равно что говорить о практической пользе развития мусоросжигающего завода. Никто не хочет, чтобы они были у тебя во дворе. Это вполне нормальная реакция. А о развитии науки правильно сказали, что теоретические основы развиваются, но от теории до практики долго-долго идти. А пока идти никто не хочет” (ДФГ, Обнинск).

Как следует из ответов участников массового опроса и рассуждений участников фокус-групп, атомная энергетика представляется большинству россиян отраслью экологически опасной и технологически ненадежной. Заметим, что повседневного вреда от атомных электростанций и отходов их работы респонденты опасаются даже чаще, чем возможных аварий.

Заслуживают внимания мнения тех, кто считает, что следует вообще отказаться от использования атомной энергии в пользу других, более экологичных источников: такие высказывания звучали и в ходе массового опроса, и на фокус-группах.

“Давно пора что-нибудь найти взамен”; “зачем она нам нужна?”; “достаточно энергии солнца” (ответы на открытый вопрос).

Характерно, что даже те участники фокус-групп, кто выступал за развитие атомной энергетики, как правило, оговаривались, что атомная энергия хороша не сама по себе, а только как необходимая ступенька на пути разработки более надежных и безопасных источников энергии.

1-й участник: *Развитие атомной энергетики влечет за собой развитие и толчок дальнейшего развития новых энергий.*

2-й участник: *Если мы перестанем развивать, то перестанем искать свой именно <путь> в этом направлении в дальнейшем.*

1-й участник: *Да, мы потеряем тогда...*

Модератор: *То есть развитие науки...*

2-й участник: *Оно встанет.*

1-й участник: *Затормозит сразу. <...> Только на пути дальнейшего развития атомной энергетики у нас появляется <альтернатива>*” (ДФГ, Москва).

Рассуждая о пользе, приносимой России атомной энергетикой, респонденты говорили о возможности вырабатывать большое количество электроэнергии (17%) и не расходовать природные ресурсы (3%), о дешевизне атомной энергии (7%), о возможности получения доходов от продажи электроэнергии и в целом о стимулировании экономического роста страны (7%), наконец, просто об обогреве и освещении домов (6%).

“Отсутствие энергетических кризисов”; “улучшение энергоснабжения”; “более дешевая электроэнергия”; “нефть и газ закончатся рано или поздно”; “сбережение природных ресурсов”; “возможность улучшить экономическое развитие”; “будут торговать энергией – это бизнес страны”; “дает людям свет и тепло” (ответы на открытый вопрос).

Многие приветствуют развитие ядерной энергетики в нашей стране как свидетельство высокого уровня отечественной науки и техники (6% ответов).

“Научный прогресс”; “для испытаний, для космических ракет”; “ледоколы, атомоходы”; “новые технологии”; “расцвет в науке” (ответы на открытый вопрос).

Следует отметить, что не всеми дешевизна атомной энергии воспринимается как ее плюс. Правда, большинство участников фокус-групп признавали, что использование атомной энергии действительно обходится дешевле, чем использование других видов топлива. Однако, по мнению некоторых, погоня за дешевизной в данном случае – это признак экономической отсталости страны. Некоторые из участников ДФГ подчеркивали высокий уровень риска, связанный с атомной энергетикой, и утверждали, что ввиду такового развитые страны отказываются от ее использования.

“...Это очень опасно, и многие страны, особенно евро<пейские>, которые близко находятся друг к другу, они против атомной энергетики как бы выступают, а вот страны с менее развитой экономикой – они выступают за. Вот этот Иран, там Афганистан, им атомная энергетика нужна для того, чтобы поднять благосостояние свое, потому что энергия атомная, она несет за собой просто колоссальную экономию” (ДФГ, Москва).

Звучали также опасения, что благодаря дешевизне атомная энергетика может “задавить” остальные энергетические отрасли, и разработки других, более безопасных источников энергии будут заморожены.

“Атомная энергетика... является тормозом для поиска других источников энергии. <...> Она все монополизировала, и тогда ничего не будет развиваться” (ДФГ, Москва).

В целом на вопрос об отрицательных последствиях использования атомной энергии ответили чуть меньше двух третей участников массового опроса, на вопрос о положительных – около половины. Как мы помним, ответы на вопрос об ассо-

Некоторые опасаются, что из-за дешевизны атомной энергии разработки других, более безопасных источников энергии будут заморожены

циациях с атомной энергетикой давали сходную картину отношения к ней: у трети опрошенных возникали негативные реакции, у четверти – позитивные.

Обратим внимание: если респонденты говорят только о плюсах или только о минусах атомной энергетике (или же о первой ассоциации, с нею связанной), доминирует негативное отношение, а вот при рационализации проблемы – при одновременном учете всех “за” и “против” – верх берет позитивное начало. Не случайно некоторые из опрошенных экспертов в качестве способа коррекции негативного отношения общества к атомной энергетике предлагали именно публичное обсуждение как приносимых ею благ, так и связанных с нею рисков.

“Думаю, что здесь нужна полностью открытая информация, то есть людям надо показать все преимущества того или иного источника энергии и связанные с этими преимуществами риски, то есть человек должен взвешивать с открытыми глазами. Да, я не готов отказаться от потребления электроэнергии, страна не готова, и один из путей развития – развитие атомной энергетике. Значит, мы должны платить цену прогресса. Если давать одностороннюю информацию – либо негативную, либо позитивную, – то это будет неправильно. Если связать появление новых объектов атомной энергетике с ростом благосостояния людей и объяснить, что это необходимо, думаю, это будет встречено с пониманием” (эксперт, Владимир).

Мнения респондентов об экологической безопасности объектов атомной энергетике (конкретно речь шла об атомных электростанциях) расходятся. 29% опрошенных согласились с утверждением, что когда атомные электростанции работают без неполадок и аварий, они не наносят абсолютно никакого вреда окружающей среде. Противоположной точки зрения (атомные электростанции наносят вред окружающей среде, даже будучи исправными) придерживаются 51% опрошенных. Из них примерно половина считают, что АЭС причиняют природе не больше (23%) или даже меньше (6%) вреда, чем тепловые или гидроэлектростанции, а половина (27%) – что даже исправно работающие атомные электростанции наносят окружающей среде больший ущерб, чем ТЭЦ или ГЭС.

Как видим, доля тех, кто верит в безвредность исправной атомной электростанции, почти вдвое меньше доли уверенных, что она в любом случае наносит вред. Вместе с тем более половины опрошенных склонны считать, что атомные электростанции не вреднее электростанций других типов (полагающих, что они вреднее, – вдвое меньше). Весьма характерно мнение, высказанное одним из участников фокус-группы: по уровню воздействия на окружающую среду атомные электростанции сопоставимы с любым другим крупным производством – вредные, но не более, чем ТЭЦ или силикатный завод.

“Модератор: Все электростанции вредны?”

1-й участник: Да.

2-й участник: Каждая – по-своему. Спросите человека, от чего он хочет умереть. Если вы найдете человека, который скажет, что не хочет умереть от рака легких, который вызван радиацией, а хочет умереть от рака легких, который вызван повышенным содержанием свинца, или с сигаретой «Мальборо» в зубах”... (ДФГ, Обнинск).

Но вне зависимости от представлений о повседневном воздействии атомных электростанций на окружающую среду участники фокус-групп единодушно соглашались, что в случае аварии на АЭС последствия будут ужасающими и ни с чем не сопоставимыми.

Учитывая распространенность мнения, согласно которому даже исправно работающая АЭС наносит вред экологии и здоровью, а неисправная грозит масштабной катастрофой, неудивительно, что подавляющее большинство респондентов

(72%) среагировали бы отрицательно на решение построить вблизи их дома атомную электростанцию. Положительно отнеслись бы к соседству с АЭС 10% опрошенных, 9% этот факт был бы безразличен.

Опасливое отношение к атомным электростанциям усугубляется представлениями, что производство атомной энергии вообще связано с высоким риском – во-первых, непредсказуемо по самой своей природе (*“проконтролировать это очень сложно, всегда этот атом норовит выйти из-под контроля”* – ДФГ, Москва), во-вторых, не застраховано от случайностей.

1-й участник: *Атомные электростанции в густонаселенных, в центральных частях, все-таки их не строят, не ставят. Посмотрите по Европе... <...> Это опасно, само по себе опасно. Это в себе несет большую опасность с точки зрения даже международной – вот появился какая-нибудь сумасшедшая голова вроде этого террориста...*

2-я участница: *...Невозможно предугадать, что может быть. Террорист, или авария, или еще что-то, землетрясение, или там, я не знаю...* (ДФГ, Москва).

Кроме того, даже те участники фокус-групп, кто соглашался с утверждением о безвредности нормально работающих АЭС, как правило, высказывали сомнения в технической исправности российских атомных электростанций и в их соответствии требованиям норм безопасности.

Модератор: *Насколько вредно жить рядом с атомной электростанцией?*

1-й участник: *На данный период их развития, конечно, еще пока вредно.*

2-я участница: *Потому что в данный момент недостаточна степень защиты* (ДФГ, Москва).

Характерно: большинство участников массового опроса полагают, что чернобыльская катастрофа может повториться и сегодня.

Только 12% опрошенных склонны думать, что за прошедшие 20 лет вероятность крупномасштабной катастрофы на АЭС в нашей стране уменьшилась. По их мнению, из чернобыльской катастрофы были извлечены уроки (3% ответов), в частности, стало приниматься больше мер безопасности, возросла бдительность и ответственность людей (в сумме 4% ответов).

“Авария была уроком”; “после Чернобыля сделали соответствующие выводы”; “потому что на ошибках учатся”.

“Более серьезно стали относиться к безопасности в этой сфере”; “держат работу станций в контроле”; “стало меньше халатности” (ответы на открытый вопрос).

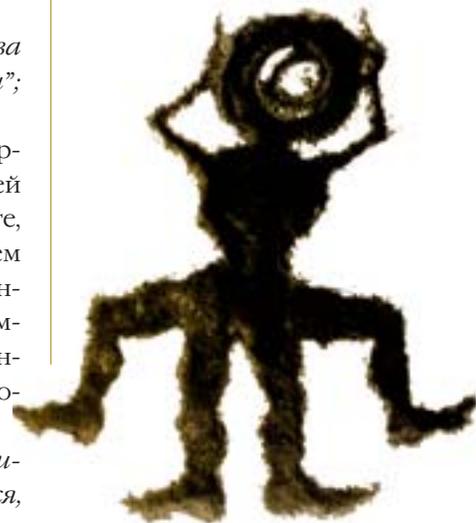
Некоторые аргументируют свою позицию ссылками на развитие науки, появление новых, более надежных технологий (2% ответов).

“За 20 лет наука продвинулась вперед, появились более надежные средства защиты”; “идет развитие техники”; “лучше стала защита от радиации”; “новые безопасные технологии” (ответы на открытый вопрос).

Половина участников опроса считают, что за 20 лет, прошедшие со времени чернобыльской аварии, вероятность крупномасштабной катастрофы на АЭС в нашей стране осталась прежней (25%) или даже увеличилась (24%). Учитывая, что и те, и другие объясняют свою точку зрения сходными соображениями, мы приведем ответы только тех, кто толкует об увеличении угрозы взрыва на АЭС. В большинстве своем эти респонденты ссылались на недостаточное финансирование атомной энергетики (2% ответов), износ оборудования и отсутствие модернизированных технологий (8% ответов), недостаточное внимание к проблемам безопасности, недостаток квалифицированных кадров (по 1%).

“Все держится на соплях, уже отработали свое”; “никто серьезно не занимается обновлением технологий для АЭС”; “ничего не модернизируется,

Подавляющее большинство респондентов отрицательно среагировали бы на решение построить вблизи их дома атомную электростанцию

Образ атомной энергетики, сложившийся в массовом сознании, отличается высокой степенью амбивалентности: ощущение смертельной угрозы соседствует с признанием полезности, необходимости и прогрессивности этой отрасли

очень большой износ оборудования, возросла опасность чисто технических неполадок»; «бюджетных средств для развития атомной энергетики поступает мало»; «нежелание хозяев станций вносить деньги на развитие этих станций» (ответы на открытый вопрос).

Часто говорилось также о низком уровне контроля, ответственности и о частых нарушениях законности и порядка в отрасли и в стране в целом (6%).

«Бардака больше стало, отсутствие контроля со стороны государства»; «безалаберность работников как была, так и осталась»; «потому что сейчас в стране никто ни за что не отвечает, нет ответственности, все пущено на самотек» (ответы на открытый вопрос).

Некоторые участники опроса упоминали о возросшей угрозе терактов (1%).

Респонденты, считающие, что за прошедшие 20 лет вероятность аварии на российских АЭС не изменилась, в целом приводили сходный набор аргументов, но кроме того, подчеркивали, что АЭС – это предприятия повышенной опасности: и ошибки людей, и сбои технологии возможны всегда (*«какие бы суперсовременные системы ни стояли, остается вероятность аварии»*; *«люди все делают ошибки, мало ли что может быть?»* – 4% ответов).

Характерно, что участники московской фокус-группы в основном говорили об уменьшившейся вероятности крупномасштабной аварии на АЭС (ссылаясь на развитие науки и повышение ответственности), а участники обнинской – об увеличившейся (ссылаясь на недостаточное финансирование, износ оборудования, недостаток кадров и т. д.).

В целом, как следует из рассмотренных выше данных, образ атомной энергетики, сложившийся на настоящий момент в массовом сознании россиян, отличается высокой степенью амбивалентности: ощущение смертельной угрозы соседствует с признанием полезности, необходимости и прогрессивности этой отрасли. Что касается страха перед повторением Чернобыля, то он, несмотря на свою выраженность, не может быть признан основным фактором негативного отношения к атомной энергетике. Не реже респонденты опасаются высокого уровня повседневной радиации, порождаемого, по их представлениям, атомными электростанциями и ядерными отходами. При этом и страх, что может случиться ядерная катастрофа, и опасение, что работа атомных электростанций влечет за собой радиационное заражение окружающей местности, проистекают главным образом из уверенности, что на российских АЭС не соблюдаются нормы безопасности и не обеспечены меры технологической защиты.

Вообще, доля тех, кто отвергает саму по себе идею использования атомной энергии, довольно мала. В большинстве своем респонденты, негативно отзывающиеся об атомной энергетике, готовы были бы признать ее принципиальную полезность, но считают, что в нашей стране не умеют «укрощать» связанные с нею риски.

Подводя итог, можно выделить два ключевых вопроса, мнения по которым определяют позитивное или негативное отношение респондентов к атомной энергетике: насколько велика степень риска (достаточен ли уровень технологической оснащенности и защищенности атомной энергетики в целом и российской – в частности), и насколько этот риск оправдан (есть ли принципиальная необходимость использовать атомную энергию для нужд сегодняшних или завтрашних). Но стоит также учесть: распространенное представление, что атомная энергетика принципиально более опасна и вредна, чем другие виды производств, зачастую перечеркивает все доводы в ее пользу и значительно усиливает доводы против ее применения. ■

И. Шмерлина

Дружба

как духовная и социальная реальность

*“Может, правда человек не может без людей, без друга?
Потребность такая физиологическая или природная...”*

Реплика участника ДФГ из Воронежа

“Друг – ...это что-то бóльшее”

Дружба – бесспорная ценность, освященная традициями российской культуры, и значимая составляющая жизненного мира большинства людей. Между тем, “как почти всегда бывает с явлениями очевидными и близкими, природа дружбы темна...” [Плюснин. 1993. С. 75].

Люди обычно описывают дружбу в возвышенном стиле. В ходе массового опроса¹ его участников попросили рассказать, какое содержание они вкладывают в слово “дружить”. В высказываниях респондентов ощутимо преобладают романтически-приподнятые представления о дружеском союзе. В 40% случаев люди связывали дружбу с преданностью и верностью, безусловной и самоотверженной поддержкой друг друга.

“Это святое! Взаимопомощь, взаимовыручка”; “когда для друга готов сделать все, что в твоих силах, и даже больше”; “помогать друг другу без напоминания и просьб”; “когда можно жизнь отдать за другого, а остальное – все товарищи”; “когда можно положиться на человека в любое время дня и ночи” (ответы на открытый вопрос).

Многие (30%) понимают дружбу как полное доверие и откровенность в отношениях.

“Абсолютное доверие во всем”; “делиться сокровенным, доверять”; “доверять как-то какие-то секреты можно” (ответы на открытый вопрос).

Довольно часто (в 15% случаев), характеризуя дружбу, респонденты указывали на важность взаимопонимания, близости по духу, интересам, жизненной позиции.

“Понимать друг друга с полуслова”; “это когда тебя понимают” (ответы на открытый вопрос).

Аналогичные мнения высказывались и на дискуссионных фокус-группах. В целом, характеризуя дружбу, люди склонны делать акцент на бескорыстной и безусловной помощи – как житейской, реально “осязаемой”, так и духовной, эмоцио-

¹ Общероссийский опрос населения 11–12 марта 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Дискуссионные фокус-группы в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге 21 марта 2006 года.

нально-психологической. Именно этот аспект выступает своего рода “оселком” и критерием настоящей дружбы.

“Друг все сделает для своего друга, все, что для себя, всем может пожертвовать” (ДФГ, Воронеж).

“Дружба – это взаимовыручка, взаимопомощь. Это не все, конечно, но я считаю, что это главное. К соседу я не могу прийти за помощью – а к другу могу” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Дружба – это всегда взаимовыручка. Приятелю не всегда – а другу всегда, знакомым, соседям тоже не всегда придешь на выручку – а другу всегда” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Это человек, который по первому звонку, в любое время дня и ночи будет там, где я его попрошу” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Между тем смысл и содержание дружеских отношений не исчерпываются взаимопомощью, что тонко уловила одна из участниц ДФГ.

“Участница: Я не могу сформулировать, но все-таки жалко, что друг – это для нас какая-то палочка-выручалочка. Это все-таки что-то большее.

Модератор: А что большее?

Участница: Я не могу сформулировать” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Действительно, стремясь в одной короткой фразе выразить наиболее важные аспекты дружбы, дать максимально объемный ее образ, респонденты и участники фокус-групп неизбежно упускали что-то важное. Многогранная природа дружбы не позволяет ограничиться лаконичными формулировками. В самом деле, уже в характеристике дружбы как “помощи по первому зову” фактически слиты два ее критерия. Дружба – это помощь, но не та, которая оказывается обычным знакомым, а, в определенных случаях, и незнакомым людям. Помощь другу основана на особом отношении к нему, которое и является основой преданности, бескорыстия, самоотдачи “по максимуму”.

В аналитических целях мы проделаем работу, обратную тому, что делали респонденты и участники ДФГ, и попытаемся разложить дружбу на “элементарные составляющие”.

Анализ всей совокупности высказываний, прозвучавших в ходе обсуждения проблемы дружбы на ДФГ и в массовом опросе, позволяет выделить десять признаков дружбы. Речь при этом идет не просто о критериях, на которые респондент, осознанно или неосознанно, ориентируется, определяя, кого можно, а кого нельзя назвать другом. Выделенные признаки, рассмотренные в теоретическом контексте общих представлений о природе и механизмах формирования социальности, можно интерпретировать как сущностные, конституирующие аспекты дружбы.

Конституирующие параметры дружбы

1. Безусловная помощь, взаимовыручка в сложных житейских обстоятельствах.
2. Преданность, самоотверженное отношение к другу, которые и выступают основой для такого “бескомпромиссного” помогающего поведения.
3. Чувство сердечной близости, психологическое тяготение к человеку, привязанность, сопоставимая с самыми близкими родственными отношениями.

“Дружить – это любить своего друга”; “это любовь своего рода”; “как родные”; “человек, который порой ближе родственника” (ответы на открытый вопрос).

4. Эмоциональный комфорт, чувство душевной раскрепощенности в присутствии друга.

“...теплота, ...когда разговариваешь, какое-то тепло” (ДФГ, Москва).

“Раскрытость души...” (ДФГ, Москва).

5. Эмоциональная поддержка, сопереживание, возможность быть выслушанным и понятым, получить совет.

“Для меня друг – это только возможность поговорить: ...вот выговориться сама с собой я не могу, и для этого мне нужен друг” (ДФГ, Санкт-Петербург).

6. Духовная общность – близость по мироощущению, взглядам, интересам.

“Преданность общему делу” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Единомышленник”; “какие-то интересы общие, заботы”; “общие взгляды, одна позиция в жизни” (ответы на открытый вопрос).

7. С другом должно быть интересно. Это один из наиболее трудно эксплицируемых, но, по-видимому, очень важных критериев дружбы. В частности, он позволяет отделить дружбу от сердечной родственной привязанности, которая также очень часто предполагает преданность, заботливые и душевные отношения между людьми, бескорыстную взаимопомощь, порой общие взгляды на жизнь, но при этом не всегда – интересное общение.

“<Дружба —> это когда тебе с человеком не нужно напрягать язык и тебе с ним всегда не то что хорошо, а именно интересно” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Данный признак, в совокупности с двумя предыдущими (пятым и шестым), образует обобщенный, достаточно тонкий критерий: дружба – это союз, дающий каждому из партнеров возможность самореализации и в определенной степени личностного роста.

8. Дружба предполагает приятное совместное времяпрепровождение.

“Модератор: Галина, что для Вас значит дружба?”

Участник: Практически это встречаться, посещать какие-то мероприятия, работать вместе. Отпуск провести вместе, летом сменить обстановку, поехать на какую-то работу другую вместе. И ты знаешь, что тебе будет хорошо” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Ну, как правило, либо спортом занимаемся, либо на природу любим с друзьями” (ДФГ, Москва).

“И рыбалка есть, и охота. Все начинается с общения” (ДФГ, Воронеж).

9. Чувство психологической защищенности, опоры, ощущение “зоны надежности и доверия” в чуждом внешнем мире.

“<Дружба дает> психологическую поддержку. Ну, не знаю, без дружбы нельзя. Если у человека сейчас нет друзей, то я <не> знаю, куда ему...” (ДФГ, Воронеж).

“А еще с другом интересно пробовать что-то новое. Ты не умеешь кататься на коньках, одной как-то страшно, а вот с другом пойти – это интересно. В новое место пойти. ...Потому что когда ты пробуешь что-то новое, для тебя это стресс. Если ты делаешь это в компании незнакомых людей, это еще больший стресс, а если с другом, это комфортно” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“В этом тяжелом мире какой-то есть островок” (ДФГ, Воронеж).

10. Дружба – это закрытый союз, который существует между ограниченным кругом людей и в который доступ посторонним затруднен. Этот признак выступает следствием особой психологической природы дружбы, предполагающей эмоционально сильный контакт между людьми, высокую степень открытости, доверительности, интимности отношений. Такой союз, как правило, складывается между небольшим количеством людей, чаще всего – между двумя.

“В моем представлении, когда много – это уже приятели. У меня много хороших знакомых, приятелей, с которыми у меня очень хорошие отношения, которые помогут в случае необходимости, и я им помогу. Но нет большей духовности в наших отношениях, чтобы я их могла назвать друзьями. Я все-таки думаю, что друг должен быть один” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Я считаю, друзей должно быть не более трех. Если их много, то складывается уже такая какофония звуков и намечается лидер, а это уже не дружба, это компания приятелей” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Из опыта показано, что в таком количестве выявляется что-то отрицательное, расходятся люди” (ДФГ, Воронеж).

Данный критерий позволяет различить в дружбе универсальный механизм самоидентификации, предполагающий дистанцирование от внешнего мира и различение себя на его фоне. Этот механизм, хорошо осмысленный в социологии, имеет глубокие биологические корни².

Рассмотренная в контексте всех выделенных критериев, дружба предстает как важнейший способ социального включения. Она позволяет вырезать из огромного окружающего мира личностное пространство самореализации, создать “свой собственный” интимный жизненный мир, защищающий от слишком “жесткого излучения” внешней среды и преломляющий ее воздействия³. Именно в этой зоне интимной коммуникации, на психологически комфортной дистанции от “других”, происходит становление личности. Неслучайно так важна дружба в детском возрасте, когда происходит формирование индивидуальности человека и его включение в общество.

Рассмотренные критерии дают также возможность отличить дружбу от других типов социальной связи, тесно завязанных на межличностные взаимодействия и базирующихся преимущественно на неформальных отношениях, – таких, как родст-

² Избирательное реагирование на “своих” и “чужих” имеет несомненную биологическую целесообразность, способствуя сохранению генофонда популяции. Нежелательными последствиями этой биологической установки являются всевозможные проявления национализма и ксенофобии. Между тем само по себе различение “мы и они” необходимо и до известных пределов плодотворно для социального самоопределения личности.

³ Говоря языком современной социобиологии, речь идет о создании высоко предсказуемой социальной среды. Как полагают современные исследователи, в общебиологической перспективе становление этой среды в значительной степени определило эволюцию группы млекопитающих (см.: [Крученкова]).

венные или соседские отношения. Обратим, однако, внимание на то, что эти критерии не позволяют развести дружбу и любовь. Если оставить за скобками то особое “измененное” психологическое состояние, которое заставляет видеть в любви тайну (и относится скорее к стадии влюбленности), то следует признать, что “настоящая любовь” – это дружба, в полном объеме прописанных выше критериев, плюс физическое влечение. Последнее, разумеется, очень важно, оно заставляет рассматривать любовь в гораздо более плотном биологическом контексте, нежели дружбу. В частности, широкий спектр любовной тематики, начиная от феномена первой любви и заканчивая проблемой сексуальных девиаций, биологически ориентированные психологи пытаются осмыслить в рамках концепции импринтинга⁴.

В отношении дружбы наличие таких биологических механизмов не показано, хотя, как нам представляется, концепция импринтинга может быть до известных пределов продуктивна и в понимании психофизиологической подоплеку дружеских отношений. В целом есть все основания предполагать, что обладающие высокоорганизованной нервной системой существа определенным, причем достаточно сложным, образом “настроены” на формирование социальной, в том числе дружеской среды. В сегодняшнем гуманитарном дискурсе различимы интерес к этим “настройкам” и попытки (не всегда, на наш взгляд, удачные) проинтерпретировать их в рамках философского рассуждения⁵. Чуть ниже мы рассмотрим этологические представления о дружбе.

Дружба как универсальная форма социальной связи

Материалы массового опроса, послужившие эмпирическим фундаментом данной публикации, позволяют судить не столько о том, как люди дружат, сколько о том, что они думают по этому поводу. При этом следует учитывать, что дружба – это та тема, которая побуждает к рефлексии, к презентации своих жизненных принципов, выстраиванию моделей отношений, в целом – к жанру “житейского философствования”. Это особенно отчетливо бывает видно на материалах фокус-групп, “методическая природа” которых как раз и связана с использованием и намеренным усилением рефлексивного потенциала обыденного сознания. Подчас это провоцирует участников обсуждения на широкие обобщения о “жизни вообще”. Люди, повседневная жизнь большинства которых не требует систематической рефлексии по поводу абстрактно-философских или этических проблем, в ходе обсуждения той или иной конкретной темы вдруг начинают формулировать общие сентенции, мало или вообще не связанные с непосредственным предметом дискуссии. Не всегда это выливается во внятное и последовательное рассуждение, но само побуждение к нему различимо. Так, в ходе наших фокус-групп на эту лабораторную ситуацию “рассуждений о жизни” тонко отреагировала одна из участниц – молодая жизнерадостная женщина-парикмахер, явно не отягощенная избыточно рефлексивным отношением к жизни.

“У нас жизнь – игра, мы все актеры... Мы здесь – актеры. Как жизнь сыграем... Жизнь вообще – это игра...” (ДФГ, Воронеж).

⁴ Импринтинг (от лат. *imprint* – “отпечаток”) – психофизиологический процесс формирования устойчивых, как правило, необратимых поведенческих установок, который имеет строгую временную локализацию в онтогенезе (т. н. “сенситивный”, или “критический”, период) и происходит как однократный акт запечатления.

⁵ См., в частности, работы Дж. Серля, где обсуждается проблема “коллективной интенциональности” как феномена, свойственного людям и животным, ведущим общественный образ жизни, и который, по мнению автора, предполагает биологически укорененное чувство партнера [Searle. 1995; Searle. 2002].

Между тем и та субъективно отраженная, до известных пределов смоделированная (“сконструированная”) реальность, которая послужила материалом анализа, важна для понимания предмета нашего исследования. В частности, приведенные выше трактовки дружбы показывают, что было бы непродуктивно понимать дружбу исключительно в морально-ценностных категориях. В действительности это один из базовых, фундаментальных типов социальной связи, структурирующий социальные отношения как в человеческом обществе, так и в природе до человека.

Этологи⁶ выделяют “устойчивые продолжительные персонифицированные связи на дружеской основе двух-трех взрослых животных одного пола (редко – разного пола, но при этом связи не носят сексуального характера)” [Плюснин. 1990. С.183]. Эти отношения в своей сущности могут быть поняты именно как дружба. Безусловно, судить о *психологической* основе дружбы между животными крайне трудно. И все же этологи, изучающие этот феномен, склоняются именно к эмоциональной, “человеческой” подоплеке дружеских отношений: “Они не обусловлены никакими иными причинами, кроме взаимной эмпатии, основу для которой составляют родство или (и) знакомство...” [Плюснин. 1990. С.156].

Как правило, дружеские союзы устанавливаются между индивидами, выросшими вместе (при этом необязательно они должны быть родственниками), и нередко превращаются в дружбу на всю жизнь. Поистине удивительно, что преданная дружба между животными приобретает подчас драматические формы. К числу наиболее ярких наблюдений подобных взаимоотношений принадлежат свидетельства К. Лоренца. В течение многих лет изучая повадки серых гусей, он показал, что потеря “друга” действует на них чрезвычайно угнетающе. “Первая реакция серого гуся на исчезновение партнера состоит в том, что он изо всех сил старается того отыскать. Он непрерывно, буквально день и ночь, издает трехсложный дальний зов, торопливо и взволнованно обегает привычные места, в которых обычно бывал вместе с пропавшим, и все больше расширяет радиус своих поисков, облетая большие пространства с непрерывным призывным криком. С утратой партнера тотчас же пропадает всякая готовность к борьбе, осиротевший гусь вообще перестает защищаться от нападений собратьев по виду, убегает от более молодых и слабых; а поскольку о его состоянии быстро “начинаются толки” в колонии, он сразу оказывается на самой низшей ступени рангового порядка. Порог всех раздражений, вызывающих бегство, значительно понижается, птица проявляет крайнюю трусость не только по отношению к собратьям по виду, она пугается всех раздражений, исходящих от внешнего мира... Гусь, бывший до этого ручным, может начать бояться людей, как неприрученный” [Лоренц. С.199].

С этологической точки зрения дружба представляет собой одну из наиболее интересных и в известном смысле загадочных форм социальной жизни. Ее функции, по сравнению, например, с родительскими или иерархическими отношениями, кажутся малосущественными. Тем не менее феномен дружеских отношений зафиксирован у разных видов высокоорганизованных животных (птиц, обезьян, грызунов, дельфинов)⁷, причем функционально он, так же как и у людей, не сводится к укреплению физических и социальных позиций членов дружеского союза, хотя и может иметь это своим эпифеноменальным следствием. Однако непо-

⁶ Этология – наука о поведении животных. Этология человека (“поведенческая антропология”, по определению ведущего представителя этого научного направления в России М.Л. Бутовской) – наука, концентрирующая свое внимание на инвариантных (большой частью – врожденных) параметрах социального поведения человека.

⁷ Решающим фактором при этом является способность индивидуального распознавания сородичей.

средственно прагматические цели реализуются в другой форме социальной организации – в коалиции, которая имеет ярко выраженный смысл “кооперативного усиления” и не сопровождается эмоциональной привязанностью, характерной для дружеских отношений [Шмерлина. С. 521–532]. В общеэволюционной перспективе смысл и предназначение дружбы могут быть поняты как способ поддержания социальности как таковой, вне ее непосредственной связи с биологическими функциями пропитания, защиты, завоевания и т. п.

А. Эспинас, исследуя социальную жизнь животных, писал в конце XIX века: “Простой и естественный переход от семьи к племени и сообществу коренится не в отношениях отца и матери и родителей к детям, но во взаимных отношениях членов нарождающегося поколения” [Эспинас. С. 244]. Современные исследователи в области этологии разделяют этот вывод: “Я думаю, что эти отношения вообще лежат в основании социальной жизни...”, “являются самым центральным звеном, вокруг которого организуется вся социальная жизнь любого вида животных, все ее формы”, – пишет по поводу дружеских отношений Ю.М. Плюснин [Плюснин. 1990. С.156, 184].

Между тем социальные науки уделяют феномену дружбы недостаточно внимания. Как констатируется в одном из авторитетных социологических словарей: “Дружба предположительно обладает большим значением, однако исследована она в крайне незначительной степени...” [Социологический словарь. С. 81].

И.С. Кон, один из немногих российских социологов, основательно изучавших данный феномен, отмечал: “Дружба как предмет серьезного научного исследования сразу же вызывает скептическое отношение” [Кон. С. 5–6]. В монографии “Дружба” он вспоминает показательный случай, который произошел с ним на первом Всесоюзном симпозиуме по проблемам общения (1970 год): “После моего доклада, ...в котором предлагалась программа междисциплинарного изучения дружбы, кто-то прислал мне записку: «Жалко, что Вы так рано отходите от настоящей науки»...” [Кон. С. 6].

Исследование, материалы которого обсуждаются в настоящей публикации, носило пилотный характер, и его результаты не претендуют на всестороннее освещение феномена дружбы. Тем не менее оно позволяет сделать некоторые заключения о природе дружеского союза, до известных пределов согласующиеся с этологическим подходом к его интерпретации.

Социально-демографические и территориальные параметры вовлеченности в дружеские отношения

Данные уже упоминавшегося нами опроса свидетельствуют о том, что дружба широко распространена в разных слоях населения. Друзья или, по крайней мере, один друг есть у большинства людей, независимо от их возраста, образовательного или имущественного статуса, пола или места проживания.

Об отсутствии в их окружении людей, которых можно было бы назвать друзьями, говорят 16% опрошенных. При этом никогда, по-видимому, не имели друзей примерно 6% наших сограждан⁸. Наиболее распространенный ответ на вопрос о количестве людей, которых респондент может назвать своими друзьями, – 2–3 человека (37% опрошенных). У 13% респондентов – по четыре-пять друзей.

⁸ Это доля людей, которые на вопрос “Есть ли среди Ваших знакомых люди, которых Вы можете назвать своими друзьями...?” ответили “Таких людей нет” и дали отрицательный ответ на вопрос “Есть ли такие люди, с которыми Вы когда-то дружили, но потом по тем или иным причинам перестали дружить?”

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

Есть ли среди Ваших знакомых люди, которых Вы можете назвать своими друзьями, или таких людей нет? Если есть, то скольких людей Вы могли бы назвать своими друзьями?												
Количество друзей	Насе- ление	Возраст, лет			Образование				Тип населенного пункта [❖]			
		18-35	36-54	55 и старше	ниже среднего	среднее общее	среднее специаль- ное	высшее	мега- полис	боль- шой город	малый город	село
Один друг	16	15	18	14	13	16	17	14	18	18	16	13
Два-три человека	37	41	35	33	28	39	36	40	41	37	37	32
Четыре-пять человек	13	14	14	13	8	14	12	20	14	12	14	13
Более пяти человек	16	20	15	12	13	17	17	15	16	17	15	16
Таких людей нет	16	8	17	26	35	12	15	11	10	15	16	22
Затрудняюсь ответить	2	1	2	3	3	1	3	1	1	1	2	4

❖ Мегалополисы – города с населением свыше 1 млн жителей; большие города – областные центры и столицы республик с населением менее 1 млн жителей; малые города – районные центры, малые города, поселки городского типа.

Несмотря на вездесущность дружеских отношений, существуют некоторые объективные социальные параметры, которые неслучайным образом связаны со степенью вовлеченности человека в дружеские связи. Такими параметрами, по данным нашего опроса, выступают прежде всего возраст, образование и место проживания (табл. 1).

Анализ силы влияния названных факторов⁹, а также фактора пола на дружбу позволяет сделать следующие выводы.

(а) Факторами, преимущественно влияющими на включенность человека в дружеские отношения¹⁰, являются возраст и образование.

(б) Факторы возраста и образования практически равнозначны, то есть влияют на наличие или отсутствие друзей у человека примерно одинаково.

(в) Сила влияния как возраста, так и уровня образования на степень вовлеченности человека в дружеские отношения в целом невелика. Иначе говоря, факт наличия или отсутствия друзей не жестко зависит от социально-демографических параметров, но имеет более глубокие основания, отчасти показанные выше. Как и любое социальное существо, человек дружит прежде всего “по своей природе”.

Тем не менее дружеское поведение человека в некоторой степени опосредовано его возрастом и образованием. Влияние каждого из этих факторов хотя и невелико, но статистически значимо и поддается осмысленной интерпретации.

Проанализируем отдельно, какие зависимости обнаруживаются, если ориентироваться на возраст или образование как на отправную точку анализа включенности человека в дружеские отношения.

⁹ Под “влиянием” мы понимаем дифференцирующую силу фактора, то есть его способность разбивать исследуемую совокупность на специфические группы по интересующему нас признаку. Анализ данных производился с помощью стандартного статистического пакета “Answer Tree” SPSS 3.1.

¹⁰ В представленном ниже статистическом описании включенность человека в дружеские отношения измерялась параметром “наличие / отсутствие друзей”. Результаты дифференцированного анализа отношения к дружбе и дружеских практик тех, у кого много друзей, и тех, у кого друзей мало, предполагается показать во второй части статьи, которая будет опубликована в следующем номере журнала.

Влияние фактора возраста на включенность в дружеские отношения

Прежде всего обратим внимание на то, что параметр возраста мы берем в иных интервалах, чем обычно используемые при представлении данных наших исследований: 18–22 года, 23–32, 33–60, 61–70, более 70 лет. Выделение этих интервалов было сделано на основе предварительного статистического анализа, который позволил увидеть реальные возрастные границы, разделяющие людей по исследуемому признаку наличия/отсутствия друзей.

“Дружеское поведение” 25-летних отличается от того, как дружат юноши и девушки, которым лишь слегка за 20, а после 33 в “дружеском поведении” человека наступает длительная “полоса стабильности”, которая продолжается вплоть до 60-летнего рубежа.

Оговорим специально то обстоятельство, что в среднем возрасте действительно не наблюдается принципиальных различий по признаку наличия/отсутствия друзей. Разбив формально-статистическим образом этот возрастной диапазон на более короткие интервалы, мы получили следующую картину:

- в возрасте от 33 до 38 лет не имеют друзей 13%;
- от 39 до 43 лет – также 13%;
- от 44 до 48 лет – 14%;
- от 49 до 52 лет – 16%;
- от 53 до 60 лет – 14%.

В более пожилом возрасте весомость каждого прожитого года вновь увеличивается, и “дружеское поведение” тех, кому за 70, отличается от поведения 60-летних.

Эти интервалы, помимо чисто статистических критериев, имеют и достаточно прозрачное житейское обоснование. Возраст 18–22 года — это период, когда молодой человек, окончивший (в норме) среднюю школу, попадает в иную среду (учебную, армейскую, производственную). Возможности общения и появления новых друзей и знакомых обычно широки, и образ жизни молодого человека позволяет ему в полной мере их использовать. К 23 годам период обучения обычно заканчивается, человек начинает работать и обзаводится семьей. Круг его общения несколько сужается, а новые обязанности ограничивают свободу общения.

Следующий возрастной период (заметим, что символически нагруженная граница “33 года” получена чисто статистическим образом) наполнен карьерным ростом, воспитанием детей и обустройством быта. Этот период заканчивается с уходом человека на пенсию (граница в 60 лет также получена на основе статистического анализа; любопытно, однако, что она полностью совпала с официальным возрастом выхода мужчин на пенсию). Интервал 61–70 лет – это “младший” и “средний” пенсионный возраст, когда дружеское окружение человека остается еще более или менее стабильным, а у него самого достаточно сил для поддержания активного образа жизни. В более пожилом возрасте друзья, как правило, уходят, а внимание человека все больше переключается на проблемы, связанные со здоровьем (табл. 2).

Табл. 2. Связь между возрастом и наличием друзей

% от групп (по столбцам)

Наличие/отсутствие друзей	Население	Возраст, лет				
		18-22	23-32	33-60	61-70	70 и старше
Доли групп в населении, %	100	13	18	49	10	9
Есть друзья*	84	96	89	84	77	59
Нет друзей	16	4	11	16	23	41

* Здесь и далее эта категория включает затруднившихся ответить.

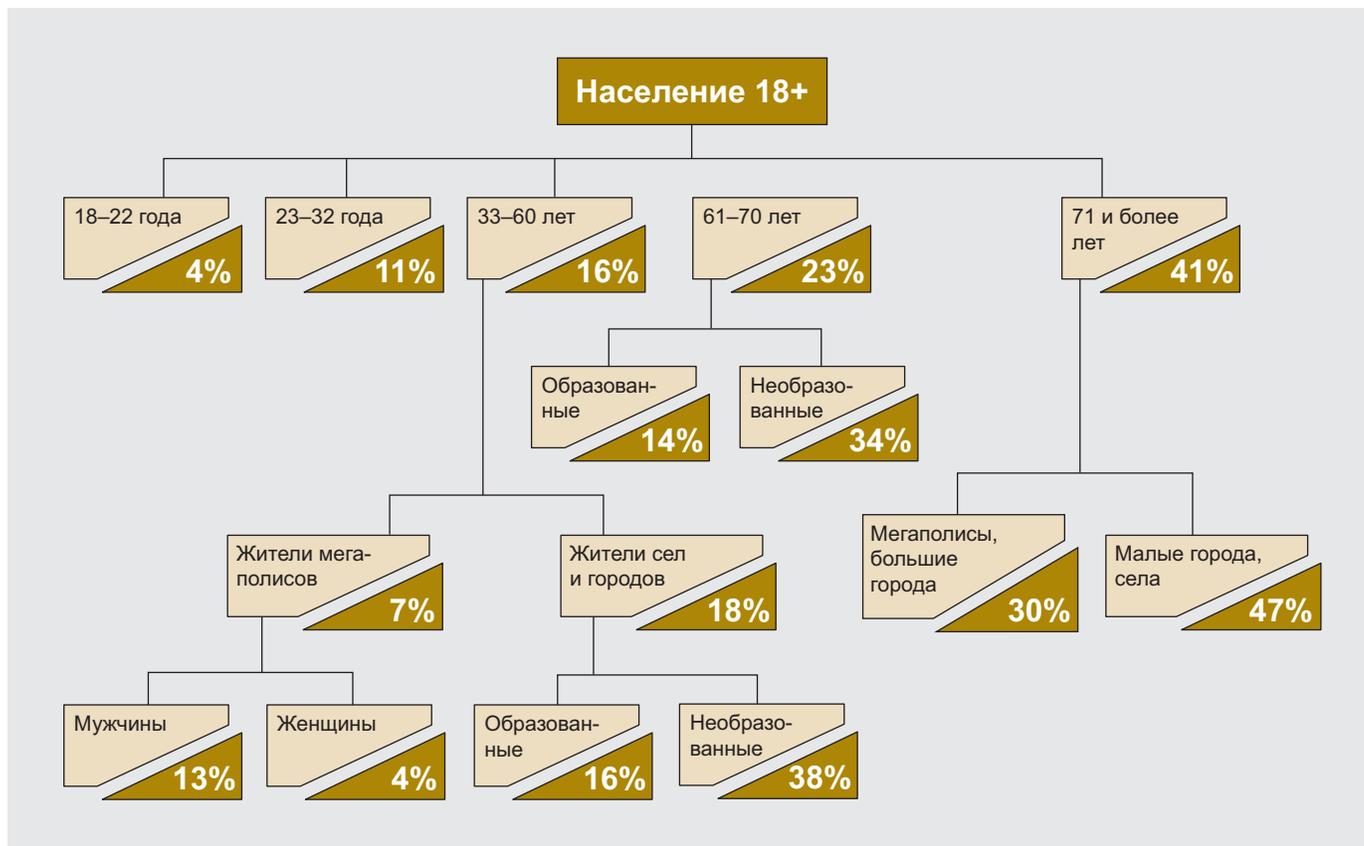

Диаграмма 1. Доли людей, не имеющих друзей, в различных социально-демографических подгруппах

Рассмотрим факторы, которые неслучайным образом влияют на факт наличия/отсутствия друзей в каждой из выделенных возрастных групп. Структура нижеследующего анализа в компактном виде представлена на *Диаграмме 1*. Для каждой социально-демографической подгруппы на ней показана доля лиц, не имеющих друзей.

В первых двух группах, включающих очень молодых (18–22 года) и просто молодых (23–32 года) людей, факт наличия или отсутствия друзей не зависит ни от образования, ни от пола, ни от места жительства человека. Молодые люди дружат просто потому, что они молодые...

Влияние фактора места жительства на включенность в дружеские отношения

В среднем возрасте (33–60 лет), когда интенсивность дружеских контактов снижается и друзей становится меньше, некоторое влияние приобретает фактор места жительства. Причем существенными оказываются различия между респондентами, проживающими в мегаполисах, включая Москву, с одной стороны, и теми, кто проживает в меньших населенных пунктах, – с другой. Как ни парадоксально, в мегаполисах люди говорят об отсутствии друзей реже, чем жители сел и менее крупных городов: нет друзей у 7% и 18% представителей этих групп соответственно (*табл. 3*).

В рамках настоящего исследования проинтерпретировать полученные данные довольно трудно. Очевидно, что они противоречат распространенному представлению о потерянности человека в огромном городе, разобщенности и атомизированности мегасоциума. Более или менее осмысленную гипотезу можно сфор-

Табл. 3

% от групп (по столбцам)

Наличие/отсутствие друзей	Население	Лица в возрасте 33–60 лет		
		все	проживающие в мегаполисах	проживающие в больших и малых городах и селах
Доли групп в населении, %	100	49	9	40
Есть друзья	84	84	93	82
Нет друзей	16	16	7	18

мулировать только в отношении небольших населенных пунктов, где высока плотность межличностных контактов. Здесь дружбу, по всей видимости, перебивает другая социальная форма – соседство. Любопытно, что это предположение возникло и в ходе групповых дискуссий, хотя внимание участников на специфике сельского стиля общения не фокусировалось.

“Вообще, говорят, особенно в деревенских домах, что сосед – это ближе друга... в деревенских домах сосед выше друга ставится” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“В частном секторе дружат улицей” (ДФГ, Воронеж).

Влияние фактора пола на включенность в дружеские отношения

В Москве и мегаполисах фактором дальнейшей дифференциации выступает пол (табл. 4). При этом, так же как и в случае с местом жительства, выявляется любопытная тенденция, вступающая в противоречие с общепринятыми взглядами. Принято считать, что мужчина больше сориентирован на “внешний мир”, в том числе друзей, а женщина – на семью; это представление относится к числу хрестоматийных¹¹ и достаточно тривиальных. Между тем, согласно нашим данным, в группе лиц среднего возраста, живущих в мегаполисах, об отсутствии друзей мужчины говорят несколько чаще, чем женщины.

Выявленная тенденция допускает несколько интерпретаций. В частности, ее можно осмыслить в категориях различий между “настоящей дружбой” и “добрым приятельством”: допустимо предположить, что женщины менее требовательны к своим знакомым и скорее наделяют их высоким статусом “друга”, “подруги”, нежели мужчины. Можно также говорить о повышенной социальности женщин среднего возраста, их большей открытости неформальным контактам и взаимодействиям с окружающими. Уместно рассмотреть эту проблему и в контексте концепции конвергенции гендерных ролей¹². Наконец, следует принять во внимание и то обстоятельство, что средняя продолжительность жизни российских мужчин

Табл. 4

% от групп (по столбцам)

Наличие/отсутствие друзей	Население	Лица в возрасте 33–60 лет, проживающие в мегаполисах		
		все	мужчины	женщины
Доли групп в населении, %	100	9	4	5
Есть друзья	84	93	87	96
Нет друзей	16	7	13	4

¹¹ “Женщины из любого социального слоя имеют меньше контактов с друзьями (и больше с родственниками), чем мужчины. Это объясняется тем, что женщины в большей степени ограничены домом...” [Социологический словарь. С. 82].

¹² Несколько подробнее этот сюжет будет раскрыт во второй части данной публикации.

ниже, чем женщин¹³. В силу чего мужчины среднего возраста чаще теряют друзей. К сожалению, ни одна из названных гипотез не могла быть проверена в силу ограничений, налагаемых объемом выборки (табл. 4).

Влияние фактора образования на включенность в дружеские отношения

В малых и больших городах и селах значимым фактором, влияющим на дружеское общение людей, выступает образование. Этот фактор дифференцирует исследуемую совокупность на тех, кто имеет образование в диапазоне от общего среднего до высшего, и тех, кто не окончил среднюю, а в ряде случаев и начальную школу. Фактически здесь уместно просто говорить об “образованных” и “необразованных” гражданах. Первые чаще имеют друзей, нежели вторые (табл. 5).

Обратим внимание на то, что связь между наличием/отсутствием друзей и образованием человека как общая тенденция просматривается уже в самой общей, предварительной таблице, в которой не принималась во внимание взаимосвязь анализируемых признаков (табл. 1). Так, среди лиц с образованием ниже среднего не имеет друзей каждый третий (35%), в то время как среди высокообразованных респондентов об отсутствии друзей говорят лишь 11%. Высокий уровень об-

Табл. 5

% от групп (по столбцам)

Наличие/отсутствие друзей	Население	Лица в возрасте 33–60 лет, проживающие в больших и малых городах и селах		
		все	образованные	необразованные
Доли групп в населении, %	100	40	37	4
Есть друзья	84	82	86	66
Нет друзей	16	18	14	34

Табл. 6

% от групп (по столбцам)

Наличие/отсутствие друзей	Население	Лица в возрасте 61–70 лет		
		все	образованные	необразованные
Доли групп в населении, %	100	10	6	4
Есть друзья	84	77	86	66
Нет друзей	16	23	14	34

Табл. 7

% от групп (по столбцам)

Наличие/отсутствие друзей	Население	Лица старше 70 лет		
		все	проживающие в больших городах	проживающие в малых городах и селах
Доли групп в населении, %	100	9	3	6
Есть друзья	84	59	70	53
Нет друзей	16	41	30	47

¹³ По данным Росстата, на 1 декабря 2005 года она составляла 58 лет, что на 14 лет меньше продолжительности жизни российских женщин. См.: [“Демоскоп Weekly”] (электронная версия бюллетеня “Население и общество” Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН) № 233–234 от 6–19 февраля 2006 [онлайн] // Дата обращения: 8 апреля 2006 г. <<http://demoscope.ru/weekly/2006/0233/gazeta027.php>>].

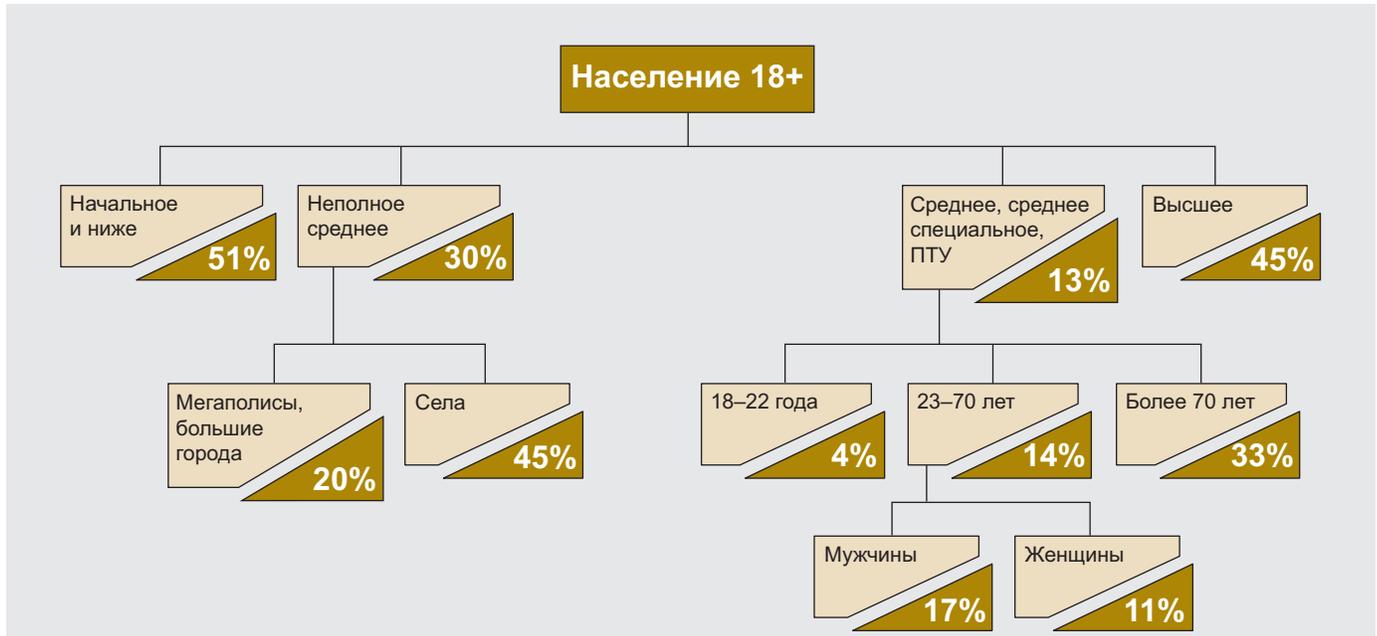

Диаграмма 2. Доли людей, не имеющих друзей, в различных социально-демографических подгруппах

разования благоприятствует формированию дружеских связей. По-видимому, это происходит как вследствие более широкого и разнообразного круга общения образованных людей, так и в силу их более развитой способности к полноценному, духовно насыщенному общению (как заметил один из участников ДФГ, “чем выше образование, тем с человеком легче общаться”).

Фактор образования оказывает влияние и на наличие/отсутствие друзей у пожилых людей в возрасте от 61 до 70 лет (табл. 6). Среди образованных людей этого возраста не имеют друзей всего 14%, в то время как среди необразованных – 34%. Обратим внимание на то, что образование – единственный фактор (из числа включенных в анализ), существенно влияющий на наличие или отсутствие друзей у людей “младшего” и “среднего” пенсионного возраста.

Что касается последней возрастной группы, в которую вошли люди старше 70 лет, то здесь единственным значимым фактором опять становится место жительства (табл. 7). Любопытно, что для этой возрастной категории деление на большие города и мегаполисы несущественно: реальная дифференциация проходит между большими городами, с одной стороны, и малыми городами и селами – с другой¹⁴. Тенденция повторяет ту, что была зафиксирована выше: в больших городах дружат более интенсивно, чем в населенных пунктах меньшего масштаба.

Включенность в дружеские отношения людей с различным уровнем образования

Несколько иные нюансы включенности в дружеские отношения обнаруживаются, если взять в качестве исходной точки анализа образование и рассмотреть данные в этом ракурсе (Диаграмма 2).

¹⁴ Признак “место жительства” был включен в статистический анализ в двух типах градаций. В первом случае в качестве отдельных категорий признака выделялись (1) Москва; (2) мегаполисы; (3) большие города; (4) малые города; (5) села. Во втором случае бралось более укрупненное деление на (1) “большие города” (включая Москву и мегаполисы); (2) малые города; (3) села. Выбор того или иного признака в качестве дифференцирующего осуществлялся программой автоматически.

Реальная дифференциация по уровню образования несколько отличается от той, что обычно используется нами в стандартных формах представления данных¹⁵. С точки зрения вовлеченности человека в дружеские отношения значимым оказывается деление на образовательные уровни “начальное образование и ниже”, “неполное среднее”, “среднее общее, ПТУ и среднее специальное”, “высшее и незаконченное высшее” (табл. 8).

Первая группа, включающая людей практически необразованных, почти целиком (на 96%) состоит из людей старше 60 лет. Данная категория граждан отличается наименьшим уровнем включенности в дружеские союзы (у половины из них, по их словам, друзей нет).

Наличие или отсутствие друзей у тех, кто имеет неполное среднее образование, в определенной степени зависит от того, где они живут. Фактически здесь наблюдается дифференциация между городским и сельским образом жизни (табл. 9). Сельчане с низким уровнем образования имеют друзей существенно реже, нежели люди аналогичного образовательного ценза, проживающие в городах. Одну из возможных интерпретаций этого парадокса мы приводили выше.

Наиболее дифференцированное статистическое описание получает дружба лиц со средним уровнем образования (средним общим, техническим и специальным). Прежде всего здесь наблюдается некоторая зависимость от возраста (табл. 10). Зависимость, впрочем, очень грубая: фактически различаются особенности поведения людей очень молодых, очень пожилых и всех прочих, в огромном диапазоне от 23 до 70 лет. Некоторая, весьма слабо выраженная, дифференциация этого диапазона наблюдается по половому признаку (табл. 11), при этом она опять-таки свидетельствует скорее о большей распространенности женской, чем мужской дружбы.

Высокий уровень образования – фактор, который в рамках нашего исследования можно интерпретировать как самодостаточный. С точки зрения статистического анализа это означает, что ни один из включенных в этот анализ параметров не оказывает влияния на наличие или отсутствие друзей у людей с образованием “высшее (неоконченное высшее)”. Если человек высокообразован, он, как прави-

Табл. 8

% от групп (по столбцам)

Наличие/отсутствие друзей	Население	Образование			
		начальное и ниже	неполное среднее	среднее общее, пту с/спец	высшее, неоконченное высшее
Доли групп в населении, %	100	5	11	66	18
Есть друзья	84	49	70	87	90
Нет друзей	16	51	30	13	10

Табл. 9

% от групп (по столбцам)

Наличие/отсутствие друзей	Население	Лица с образованием “неполное среднее”		
		все	проживающие в городах	проживающие в селах
Доли групп в населении, %	100	11	7	4
Есть друзья	84	70	80	55
Нет друзей	16	30	20	45

¹⁵ В последнем случае огрубление неизбежно, поскольку, как мы уже видели на предшествующих примерах, один и тот же признак, взятый в разном контексте, обнаруживает разную дифференциацию.

Табл. 10

% от групп (по столбцам)

Наличие/отсутствие друзей	Население	Лица со средним общим, профессионально-техническим и средним специальным образованием			
		все	в возрасте 18-22 года	от 23 до 70 лет	старше 70 лет
Доли групп в населении, %	100	66	9	54	3
Есть друзья	84	87	96	86	67
Нет друзей	16	13	4	14	33

Табл. 11

% от групп (по столбцам)

Наличие/отсутствие друзей	Население	Лица со средним общим, профессионально-техническим и средним специальным образованием в возрасте от 23 до 70 лет		
		все	мужчины	женщины
Доли групп в населении, %	100	54	26	28
Есть друзья	84	86	83	89
Нет друзей	16	14	17	11

ло, имеет друзей, и этот факт не зависит ни от возраста, ни от пола, ни от места жительства. На предшествующих стадиях анализа мы достаточно близко подошли к этому выводу, но только здесь смогли сделать его со всей определенностью.

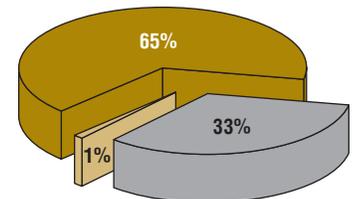
Завершая наш анализ, еще раз подчеркнем, что ни в одном из рассмотренных случаев нет оснований говорить о детерминирующем влиянии какого-либо фактора на наличие или отсутствие у человека друзей. Речь идет не более чем о слабых зависимостях. Заметим, однако, что при исследовании социальных явлений в большинстве случаев (за исключением, может быть, сугубо тривиальных) иных зависимостей и не следует ожидать. Как правило, на социальные феномены (процессы, явления) одновременно влияет большое число взаимозависимых параметров, ни один из которых сам по себе не бывает решающим. Подобная ситуация характерна и для нашего случая. Выявленные зависимости носят характер слабо выраженных тенденций, которые, однако, нельзя отнести к случайным или чисто ситуационным колебаниям признака и которые представляют содержательный интерес с точки зрения более глубокого и нюансированного понимания природы дружеских союзов.

Дружба – союз равных

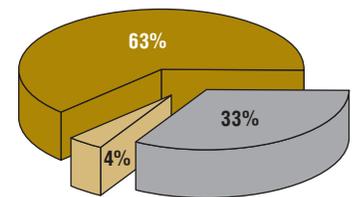
Дружеские отношения складываются преимущественно между людьми одного поколения, близкими по социальному статусу. У большинства респондентов нет, по их словам, друзей, которые сильно отличались бы от них по возрасту, материальному положению или уровню образования (рис. 1).

Существуют некоторые смещения, зависящие от возраста и образования человека. Так, у молодых респондентов несколько чаще, чем у людей более зрелого возраста, бывают друзья намного старше их; обладатели вузовских дипломов чаще, чем менее образованные граждане, дружат с людьми, которые значительно уступают им по уровню образования. В целом, однако, по всем анализируемым показателям во всех группах респондентов наблюдается устойчивая тенденция: люди дружат преимущественно с представителями своего социального круга (важнейшими параметрами которого выступают образовательный и материальный статус)

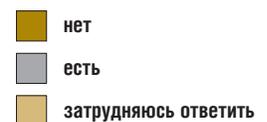
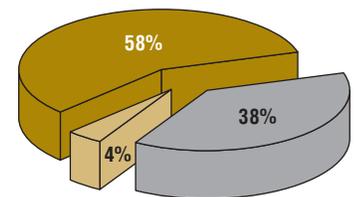
Есть ли у Вас друг (подруга), который (которая) намного старше или намного младше Вас (на 15 лет и более)?

Есть ли у Вас друг (подруга), который (которая) намного богаче или намного беднее Вас?

Есть ли у Вас друг (подруга), который (которая) по уровню образования намного выше или намного ниже Вас?

Данные приводятся в пересчете от числа тех, кто имеет друзей.

Рис. 1

и с равными себе по возрасту. Те же, кто имеет опыт “неравной дружбы”, чаще говорят, что у них есть старшие, а не младшие друзья (20% и 7% соответственно – от числа имеющих друзей); более богатые, а не более бедные (20% и 4%), более, а не менее образованные, чем сам респондент (21% и 6% соответственно). По-видимому, тот душевный контакт, который конституирует дружбу, складывается преимущественно между людьми, равными по важнейшим показателям своей жизненной позиции, или с теми, кто стоит несколько выше. Чувство снисходительности, которое вольно или невольно испытывают по отношению к тем, кто моложе, беднее, менее образован, не способствует полноценному дружескому союзу, вступает в противоречие с теми высокими духовными требованиями, которые к нему предъявляются. Напротив, мнение и поддержка людей более зрелых, образованных, обеспеченных для человека, как правило, особенно значимы, и именно таких людей он скорее склонен назвать друзьями.

“Молодому поколению эта дружба нужна, чтобы научиться какому-то жизненному опыту, что-то узнать. А для него ты будешь как ученица, ему будет приятно с тобой общаться, потому что какое-то уважение вызываешь. Я считаю, что возможно, но не знаю, можно ли ее дружбой назвать” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Впрочем, в ходе обсуждений на дискуссионных фокус-группах высказывались разные мнения на этот счет, в том числе и убеждение в том, что дружба между людьми, не равными по возрасту, образованию, материальному положению, вполне возможна. Характерно, однако, что, защищая эту точку зрения, люди ссылались на прецеденты – случаи редкие, нетипичные, привлекающие к себе внимание.

“...Я вышла из декрета на работу – а в нашем отделе новая девушка. Ну, я ее считаю девушкой, хотя разница у нас с ней 15 лет, то есть ей сейчас 50 лет. Она просто молода душой. И вот сейчас мы с ней просто не разлей вода. И всегда, когда выходили, говорят: «Пошла пара». Я скучаю без нее, и не чувствую разницу с ней. Хотя ей уже 50 лет” (ДФГ, Воронеж).

“Я могу привести <пример>. У меня товарищ хороший – у него друг старше него на 20 лет. Они вместе работали где-то. И вот он ближайший друг. Я удивлялся даже. Да лет на 15–20, наверное. Он уже на пенсии. Вот для него – лучший друг. Нет, такие случаи бывают...” (ДФГ, Воронеж).

“В жизни все возможно, – резюмирует один из участников обсуждения. – но я считаю, что разные поколения, разный жизненный опыт, разные возрастные интересы, разные материальные возможности, разное здоровье... <не способствуют дружбе>” (ДФГ, Воронеж).

В подобных случаях, полагают участники ДФГ, более уместно говорить о добрых приятельских отношениях.

Модератор: *А как вы считаете, может ли быть дружба между людьми разных поколений?*

1-й участник: *Большая редкость. Не очень нужна такая дружба. То есть это говорит о том, что ты уникальный человек. И у тебя есть приятели старше тебя и младше тебя... Это большая редкость. Поэтому если у тебя есть такие друзья, это большое счастье.*

Модератор: *Но это возможно?*

1-й участник: *Возможно.*

2-й участник: *Этого хотелось бы. Но вероятность найти такого друга очень мала.*

Модератор: *А почему?*

2-й участник: *Опыт жизненный разный, отношение разное. И если это совпало, мне кажется, это очень редко. Я говорю о друзьях, а не о приятелях.*

Потому что я тоже могу похвастаться, но это все-таки не друзья, это хорошие приятельские отношения” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В рассуждениях участников ДФГ проявилась тенденция, которую мы отметили на материалах массового опроса: другом чаще бывает человек старше, а не моложе. Эту особенность “невооруженным взглядом” увидел модератор одной из фокус-групп: *Интересная тенденция. Кто старше – Вы считаете друзьями?* (Воронеж).

Аналогичным образом, обсуждая дружбу людей, не равных между собой по уровню образования, участники обсуждения апеллировали к прецедентам, в том числе и кинематографическим: так, на двух фокус-группах люди вспоминали идеально-романтический образ слесаря-интеллекта Гоши из кинофильма “Москва слезам не верит”. С другом – напомним один из важных критериев дружбы – должно быть интересно. Если это происходит независимо от уровня образования, дружба, по мнению участников обсуждения, бывает возможна.

“Я думаю... если у профессора и рабочего есть общее хобби: коллекционирование, моделирование, или просто любят что-то вырезать по дереву” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Неслучайно история о дружбе между простой женщиной и женой высокопоставленного военного, рассказанная участницей одной из ДФГ, была воспринята как нетипичная и даже вызвала ироничную реплику у одной из слушательниц.

Модератор: *А какую роль может здесь сыграть близость людей по социальному, интеллектуальному уровню? Важно это или нет?*

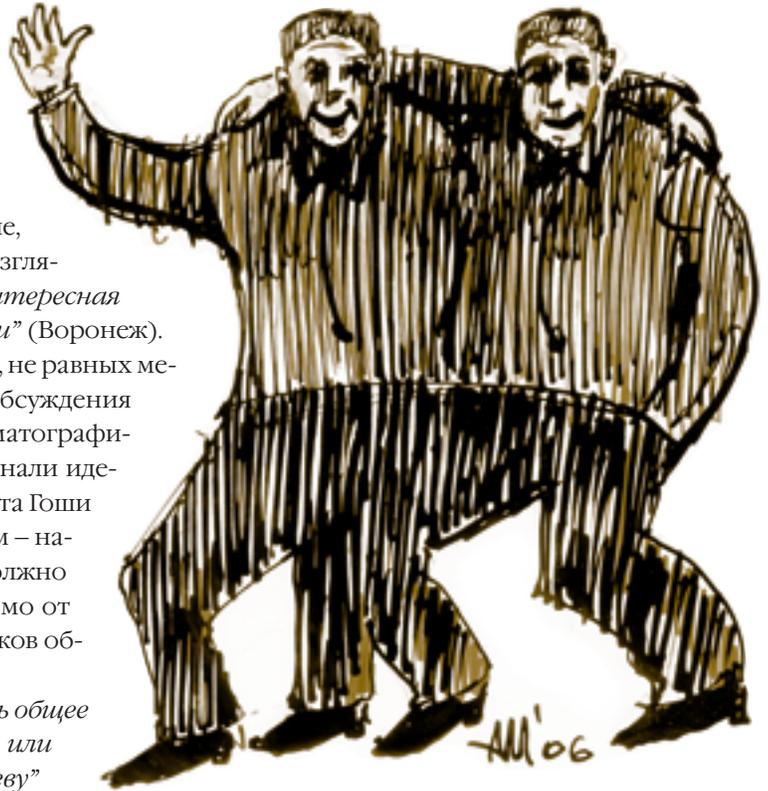
1-я участница: *Нет, не важно. Мы жили, например, я молодая была, мы на третьем этаже были – она на пятом этаже. Она жена военного, войну прошел, а у меня мама простая. И она общалась с нами, приходила к нам и рассказывала нам все это. И потом они уехали в Новосибирск к сыну, и она писала. И мы общались таким образом... с ней и душу изливали, и какие-то проблемы. И она чем-то подсказывала нам, и мы чем-то помогали. И совершенно разный статус был... у меня мама без образования, простая, господи боже – а она интеллигентная, жена военного, он полковник. Она совсем другая, грамотная... Разные они по уровню, но что-то было общее, она к ней тянулась, сама к ней ходила, не просто какую-то сплетню принести... Что-то объединяет.*

2-й участник: *Возможно, но вероятность этого меньше – дружба между.. Может быть все что угодно, но вероятность этого меньше.*

3-й участник: *Может, мама ваша просто пирожки пекла, а она...”* (ДФГ, Воронеж).

Любопытно, что автор приведенной выше истории предложила даже своего рода “теоретическое” ее обоснование; последнее, впрочем, является лишним поводом усомниться, что в подобных случаях уместно говорить о дружбе.

“Мне кажется, расслабляются люди. Отдыхают от того, что я такой умный. Получают удовлетворение, что на фоне этого чувствуют себя королем. Просто какую-то расслабинку в мир вроде нормальный, вроде мы все одинаковые...” (ДФГ, Воронеж).

В целом участники обсуждения, допуская возможность такой дружбы, считали ее, по выражению респондента из Воронежа, “маловероятной”.

“1-й участник: *Это очень трудно.*”

2-й участник: *Это скучно... Приходится напрягаться.*

3-й участник: *Это сложно*” (ДФГ, Москва).

“*Конечно, практически все должно быть общее, мировоззрение должно быть общее...*” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Дружба и служебно-деловые отношения

Совместима ли дружба – союз, не скрепленный ничем, кроме искреннего душевного влечения, – со служебными отношениями? По мнению большинства респондентов, совместима. При этом люди полагают возможной как дружбу между коллегами по работе, партнерами по бизнесу, так и дружеские отношения между начальником и подчиненным. Лишь каждый четвертый опрошенный считает, что дружба между людьми, связанными делами или иерархическими отношениями, невозможна. Противоположная точка зрения статистически гораздо более представительна: 65% говорят, что начальник и подчиненный могут дружить, 54% дают утвердительный ответ в отношении партнеров по бизнесу (в последнем случае высока доля затруднившихся с ответом – 20%, поскольку многие из респондентов плохо представляют себе подобную ситуацию).

Интересно, что дружбу между начальником и подчиненным чаще считают возможной люди, обладающие достаточно высоким уровнем образования, чтобы претендовать на статус “начальника” (71% в группах лиц со средним специальным и высшим образованием), в то время как респонденты, образование которых позволяет представить их скорее в роли подчиненных, чаще говорят о невозможности такой ситуации (31% – табл. 12).

Это смещение можно объяснить не только различием ракурсов, в которых реальные и потенциальные “начальники” и “подчиненные” рассматривают проблему “неравной дружбы”, но и спецификой той служебно-деловой среды, которая привычна для людей высоко- и низкообразованных. Высшее образование предполагает определенную автономию в работе и деловые отношения, построенные не столько на началах служебной иерархии и администрирования, сколько на квалификации и компетентности. В работе людей низкообразованных служебная вертикаль отношений выражена сильнее, такие люди обычно менее автономны в своей работе и чаще зависят от указаний начальства.

Аналогичным образом можно проинтерпретировать расхождения в восприятии неравной дружбы между людьми с разным уровнем материального достатка (обеспеченные граждане чаще бывают начальниками и чаще занимаются высококвалифицированным трудом, нежели малообеспеченные).

Табл. 12

% от групп (по столбцам)

	Население	Образование				Доход на члена семьи, руб.		
		ниже среднего	среднее общее	среднее специальное	высшее	до 2000	2000-3000	более 3000
Как Вы считаете, могут или не могут быть друзьями люди, один из которых начальник, а другой – его подчиненный?								
Могут	65	51	64	71	71	56	65	72
Не могут	25	31	26	21	24	32	24	20
Затрудняюсь ответить	9	17	9	7	5	9	10	7

При том что лишь каждый четвертый респондент считает дружеские и деловые отношения принципиально несовместимыми, 36% опрошенных знают случаи, когда дружба распадалась по причинам, связанным с работой (наиболее богатым опытом в этом вопросе отличаются люди средней возрастной категории – 43%). Впрочем, как правило, респонденты ссылаются здесь не на свой личный опыт (10%), а на случаи из жизни других людей (28%).

Представляет интерес ход обсуждения этой проблемы на фокус-группах. В общем мнения участников сводились к тому, что дружба совместима с такими служебными отношениями, которые не предполагают иерархии и подчинения. Наиболее приемлемая модель такого союза – дружба между коллегами. Исходя из принципа равенства позиций, участники готовы были допустить и дружбу между бизнес-партнерами, однако здесь существенным фактором коррозии дружеских отношений выступают материально-лические, прежде всего денежные, интересы.

“Дружба заканчивается, начинаются деловые отношения. Друг перестает быть другом, он просто деловой партнер” (ДФГ, Санкт-Петербург).

1-й участник: *Конечно, есть такие друзья в бизнесе, которые приходят и работают в связке: главный бухгалтер фирмы, все, друг друга они хорошо знают. Не знаю, друзья они или нет, но это здорово им помогает.*

2-й участник: *Чаще всего дело и открывают поначалу друзья, потому что ты должен доверять человеку.*

1-й участник: *Да, да, друзья, а потом, конечно...*

2-й участник: *...и под себя потом”* (ДФГ, Воронеж).

Модератор: *А где разграничение, в чем несовместимость деловых и дружеских отношений?*

1-й участник: *Деньги.*

2-й участник: *Просто бизнес – это ради себя, дружба – это ради другого, а посередине...*

3-й участник: *Оптимальный вариант, если два друга в разных фирмах, это хорошо. И желательно генеральных. То есть у того хорошо и у этого. А вот если они соединятся, то это все, до свидания”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

“У меня в молодости был друг – мы с ним вместе гуляли, пытались бизнес вместе сделать. Но в один прекрасный момент у меня дома пропали сбережения. Я долго думал и пришел к выводу, что это он сделал. Я его припер к стенке – он признался, деньги вернул, но после этого мы уже не стали дружить” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Дружба дружбой, а деньги врозь” (ДФГ, Москва).

1-й участник: *Например, два друга взяли, дело открыли...*

2-й участник: *Но в итоге поругались потом.*

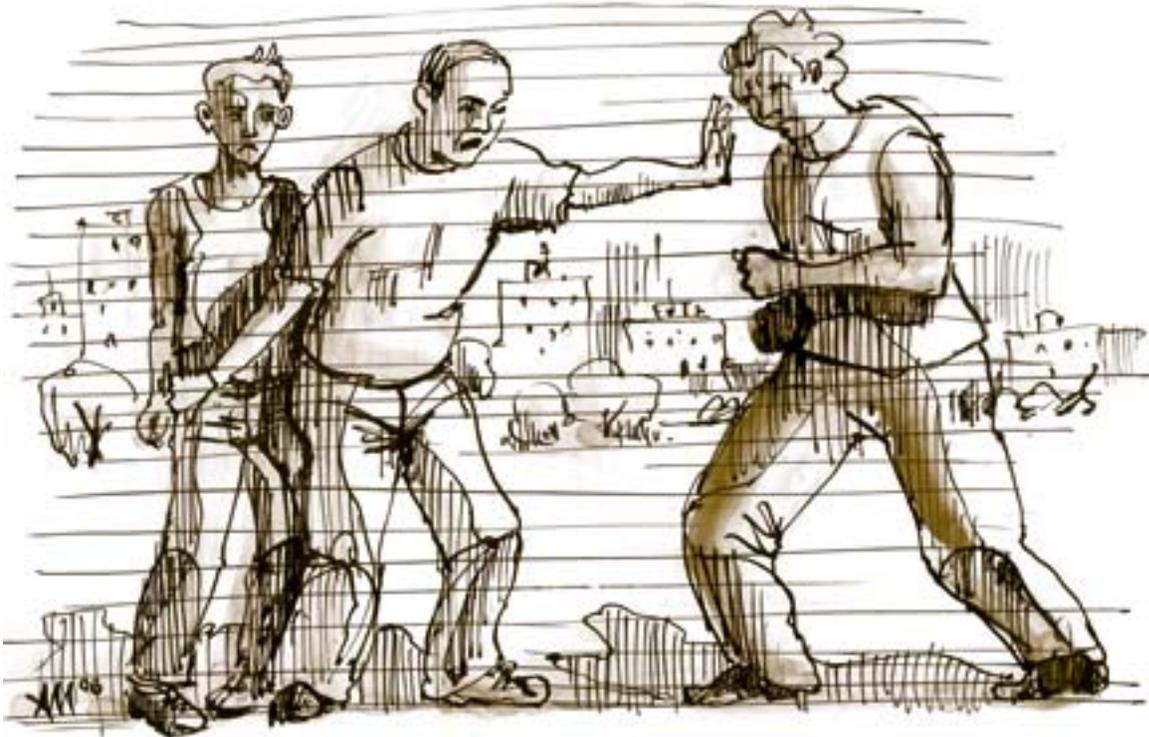
Модератор: *Это нормальный итог?*

2-й участник: *Это просто жизнь”* (ДФГ, Воронеж).

Что касается дружбы между начальником и подчиненным, то такая ситуация в большинстве случаев отклонялась участниками ДФГ как маловероятная.

“Друг не может быть начальником никогда. Когда два друга – и один начальником становится, это уже все” (ДФГ, Воронеж).

“...мы работали вместе, я был кладовщиком и он кладовщиком. Его поставили начальником смены – уже отношение другое. Даже дома уже общаться меньше стали. Потом он стал генеральным директором – вообще перестали общаться” (ДФГ, Воронеж).

“Вы знаете, ситуация развивалась буквально на моих глазах. Две девочки, подруги не разлей вода, учились вместе в школе, в институте. Потом пошли работать в аптеку. Они специально хотели работать вместе в одной аптеке. В результате двух лет совместной работы одну из девочек назначили в этой аптеке заведующей – дружба закончилась в этот же день” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Особая ситуация складывается, когда не иерархические отношения ломают дружеские, а, напротив, дружеские деформируют нормальное течение производственного процесса, предполагающее оценку качеств подчиненных по сугубо деловым критериям.

“Масса примеров было у меня на глазах... Когда начальник приглашал друга подчиненного, начинались панибратские отношения, потом разбор в коллективе: почему любимчики появляются? а мы чем хуже других? Начинается упадок дисциплины и работоспособности сотрудников, и все это сказывается потом на начальнике. Дилемма получается. Что делать? Либо увольнять весь коллектив – оставлять друга, либо увольнять друга – и строить заново с нуля дисциплину в коллективе” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Начальник может поддерживать просто хорошие отношения, но быть другом своему подчиненному – это нельзя. Вообще начальник обречен на одиночество в своем коллективе, либо он не начальник” (ДФГ, Санкт-Петербург).

На групповых дискуссиях звучало и более жесткое мнение, что вообще *“в коллективе быть друзьями нельзя”* (Воронеж), а деловые и дружеские отношения лучше не смешивать, даже если друзья находятся в равных служебных позициях. В осно-

ве этого мнения лежит не всегда отчетливо эксплицируемое понимание того, что дружеские и служебно-деловые отношения структурируются принципиально различным образом, имеют под собой разную мотивацию и нормы взаимоотношений. Можно выделить два аспекта этой общей идеи.

а) Деловые отношения, как правило, вплетены в соревновательный контекст по критериям материального вознаграждения, служебного роста, объема обязанностей и загрузки, что автоматически включает у людей мотивацию соперничества.

“Совместная работа мешает дружбе, потому что начинаются взаимные интересы и незаметное соперничество” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Мне кажется, что если люди становятся друзьями и коллегами по работе, это все до поры до времени. Люди разные – кто-то способен более, кто-то менее. И как только один из друзей получает более высокую должность или зарплату, дружба, как правило, прекращается в тот же миг. И нужно быть очень грамотными и очень тактичными людьми, причем обоим друзьям, чтобы эту дружбу сохранить. Чтобы этот разрыв на работе не повлиял на дружеские отношения” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“У меня пример... в принципе замечательнейшая была дружба, это как раз товарищи по работе. Сидели стол в стол – и не надоедали друг другу, отдыхали все праздники вместе, ездили на лыжах, на велосипеде, куда угодно. Это был друг, и я себе это именно так и представлял. Но потом начались проблемы лидерства, я немного тормознул, уступил, не показал, что дальше этому конкретному положению идти нельзя. Я уступал, уступал, и в результате после пятнадцатилетней замечательной дружбы все пошло крахом” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“А если взять офисные отношения, то хорошая дружба получается со смежным отделом, но никак не внутри своего коллектива. У них своя кухня – у нас своя. Опять же все завязано на деньгах, у них свои деньги, свои обязанности. Например, взять как у нас – отдел продаж или отдел рекламы, совершенно разные отделы, делить нечего” (ДФГ, Санкт-Петербург).

б) Деловые отношения предполагают четко определенные обязательства и нормы взаимоотношений, порой просто несовместимые со свободным и бескорыстным проявлением дружеской симпатии. Особенно это очевидно в сфере бизнеса, но аналогичное противоречие можно различить и в обычных отношениях коллег.

“...в бизнесе все основано на четкой деловой основе. Я вложил 50% – я получил 100%. Ты вложил столько – получил столько. Это бизнес, тут нет места дружбе. Если ты что-то проворонил – отвечай. А дружбе я последнее отдаю” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Дружба требует других качеств, чем работа. Дружба – это взаимопонимание, духовная близость, а на работе нужно быть дисциплинированным, хорошо выполнять свою работу. А это не совмещается” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Тонкая материя” дружбы

Анализ этих сюжетов подводит к заключению о хрупкости дружеских отношений, что явным образом противоречит мифу о “крепкой дружбе навеки”. Не имеющие под собой никаких скреп, кроме сердечного влечения, дружеские отношения часто распадаются в слишком “крепком растворе” житейских обстоятельств, связанных с работой, материальными интересами или семейными обязательствами.

Уже в высказываниях участников фокус-групп видно противоречие между высокими требованиями, предъявляемыми к дружбе, и реальными коллизиями дружеских отношений.

“Это человек, который по первому звонку, в любое время дня и ночи будет там, где я его попрошу”, – звучит на групповой дискуссии определение понятия “друг”, а немного позже тот же участник рассуждает:

“Есть такое выражение, что никто тебя так не кинет, как твой ближний друг. И это действительно так. Поэтому очень много потеряли друзей, я думаю, не только я, но и многие из присутствующих здесь...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Многие вспоминали, как их “кидали” лучшие друзья.

“Меня жизнь научила тому, что можно доверять только себе, и то не всегда. У меня друзей очень мало, потому что подставляют, к сожалению, нередко... к сожалению, кидали, многие” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В результате с возрастом у некоторых людей формируется житейски мудрое осторожное отношение к дружбе, стремление не подвергать ее испытаниям сложными обстоятельствами, деньгами, службой, любовью (последнее – особенно у женщин).

“...с возрастом отношение к дружбе меняется. Если по молодости отношение было максимальное, то есть я как сам – я так требовал и от других (я даже делал опыт в свое время с друзьями, специально накалял обстановку и посмотрел, как они себя ведут), то сейчас я стал бережнее, не хочу тревожить ни себя, ни друга лишним раз... Ценишь уже само то, что у тебя есть друг, что ты с ним за столько лет не поругался, что у вас сохранились теплые отношения” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“С другом я никогда бы не стал заниматься бизнесом... Сейчас такое время, что все мы живем под девизом «Обмани ближнего и возрадуйся». Может сложиться время, обстоятельство, место, где кто-то кого-то когда-то по деньгам может обмануть. Нужно ли это? Стоит ли дружбу ставить на кон ради денег? Я думаю, что нет” (ДФГ, Санкт-Петербург). ■

(Окончание – в следующем номере)

Литература

- Кон И.С. Дружба: Этико-психологический очерк. 3-е изд. М.: Политиздат, 1989.
- Крученкова Е. П. Принципы отношений мать-детеныш у млекопитающих: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук по специальности 03.00.08 — зоология. М.: МГУ, 2002.
- Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии / Лоренц К. Обратная сторона зеркала: Пер. с нем. / Под ред. А.В. Гладкого; Сост. А.В. Гладкого, А.И. Федорова; Послесловие А.И. Федорова. М.: Республика, 1998.
- Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.
- Плюснин Ю.М. Каких друзей мы себе выбираем? (Социобиология дружбы) // Природа. 1993. № 9.
- Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер: Пер. с англ. М.: ОАО “Изд-во «Экономика», 1999.
- Шмерлина И.А. “Физика” социальности // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 6.
- Эстинас А. Социальная жизнь животных: Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии. С-Пб: Типография Е.А. Евдокимова, 1989.
- Searle, J.R. The construction of social reality. New York: The Free Press, 1995.
- Searle, J.R. Consciousness and language. New York: Cambridge University Press, 2002.

Во второй части статьи:

- Дружба и фактор пространственной близости (“дружить – значит быть рядом”)
- “Быть рядом” в виртуальном мире: постановка проблемы
- Дружба и приятельство
- Мужская и женская дружба

В 90-годы прошлого века в России наряду с прочими рынками возник рынок оккультных услуг. Это один из наиболее свободных, если не самый свободный рынок в нашей стране – как в силу отсутствия выраженных тенденций к монополизации, так и из-за слабости (чтобы не сказать – полного отсутствия) государственного контроля и регулирования он функционирует, кажется, едва ли не в идеальном соответствии с моделью свободной конкуренции. Составить самое общее, ориентировочное представление об ассортименте услуг, предлагаемых на этом рынке, о способах позиционирования его участников и интенсивности конкуренции сравнительно просто – достаточно просмотреть соответствующие рекламные объявления в любом многотиражном издании¹.

Г. Кертман

И тайное знание, и явный обман (имидж рынка оккультных услуг в России)

Гораздо сложнее выяснить параметры реального и потенциального спроса (мало-мальски достоверной статистики тут быть не может). Для этого необходимо проанализировать мотивации потребительского поведения россиян, обращающихся к оккультным услугам, понять, какие социальные и социокультурные факторы стимулируют, а какие – препятствуют обращению к ним, как воспринимается реклама этих услуг и т. д. Впрочем, договоримся сразу: опрос ФОМа², результаты которого представлены ниже, – не маркетинговое исследование. И хотя в фокусе нашего внимания будет именно отношение россиян к сегодняшнему рынку оккультных услуг, те, кто дочитает этот текст до конца, не получат исчерпывающих ответов на вопросы о предельной емкости данного рынка и перспективах его развития.

Начать, впрочем, придется с представлений наших сограждан о действенности оккультных практик как таковых: ведь ясно, что вера в их эффективность является значимой (пусть и не абсолютно необходимой, как мы вскоре убедимся) предпосылкой обращения к соответствующим услугам. Согласно данным опроса, 32% россиян верят, что *“на судьбу или здоровье человека можно повлиять с помощью колдовства, магии”*, не верят в это – 58% (остальные затрудняются

¹ Все рекламные объявления, иллюстрирующие данную статью, взяты из одного номера еженедельника “7 дней”. Имена, номера телефонов и электронные адреса рекламодателей не приводятся.

² Общероссийский опрос населения 29–30 октября 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

с ответом)³. Но фактически доля верящих в действенность оккультных практик, скорее всего, несколько выше. Дело в том, что какого-либо общепринятого, общеизвестного термина, который “покрывал” бы все разновидности таких практик, не существует. Респондент может признавать, скажем, эффективность “заговора” знахарки из сибирской деревни или экстрасенсорного воздействия на организм человека, но не считать эти феномены проявлениями колдовства или магии (подобные коллизии встречались, в частности, на фокус-группах). В какой-то мере этому способствует, кстати, то, что сами представители цеха оккультных услуг в рекламных объявлениях зачастую не только акцентируют внимание на уникальности, эксклюзивности тех практик, которыми они, по их утверждению, владеют, но и всячески дистанцируются от тех, кто применяет иные оккультные техники.

Женщины верят в колдовство и магию почти вдвое чаще, чем мужчины: если среди первых 40% считают, что с их помощью можно повлиять на судьбу или здоровье человека (не верят в это – 50%), то среди вторых – 23% (против 68%). Возрастные различия менее ощутимы, но стоит отметить, что среди молодых респондентов (до 35 лет) несколько больше верящих в действенность колдовства и магии, чем среди относительно пожилых (от 55 лет): 35 и 26% соответственно⁴.

Отношение к колдовству и магии очень слабо варьируется в зависимости от места жительства респондентов: соотношение верящих и не верящих в них в селах, малых и крупных городах почти одинаково. Заметно выделяются на общем фоне лишь жители столицы: три четверти москвичей (74%) решительно заявляют, что не верят в колдовство и магию, и только 23% – что верят.

Вместе с тем обнаруживается весьма сильная корреляция между позицией респондента по этому вопросу и его материальным положением: среди тех, чей ежемесячный доход ниже 1500 рублей на члена семьи, верят в колдовство и магию 43% и не верят 51% опрошенных, среди тех, у кого доход превышает 3000 рублей, – 25 и 68% соответственно⁵.

Особо следует подчеркнуть, что фактор образования тут вообще никакой роли не играет: распределение ответов на вопрос о вере в действенность магии и колдовства среди респондентов с общим и средним специальным образованием, среди не окончивших среднюю школу и получивших высшее образование оказалось практически одинаковым.

Вьяснив, какие социально-демографические характеристики влияют, а какие – не влияют на склонность россиян признавать и отрицать эффективность оккультных практик, обратимся к представлениям самих участников опроса о том, какие люди верят, а какие не верят в их действенность. Респондентам были заданы соответствующие открытые вопросы, и на первый из них – о верящих, что на судьбу

³ В то, что “судьбу человека, его будущее можно узнать с помощью ясновидения, гадания, магии”, россияне верят реже: 23 против 70% заявивших, что они в это не верят. Среди верящих в возможность *повлиять* на судьбу человека магическими средствами многие (36% этой группы) полагают, что *узнать* эту судьбу аналогичными средствами невозможно; в то же время среди тех, кто в *воздействии* колдовства, магии не верит, совсем мало (5% этой группы) считающих, что *вьяснить* будущее подобным образом возможно.

⁴ Когда речь заходит о возможности *узнать* судьбу человека с помощью ясновидения, гадания, магии, возрастные различия почему-то становятся еще более заметными: в такую возможность верят 29% молодых и 15% пожилых участников опроса.

⁵ Данные о доходах нельзя воспринимать “буквально”: респонденты весьма склонны “прибедняться”, отвечая на соответствующий вопрос. Однако, как показывает опыт исследований, “прибедняются” они более или менее пропорционально реальным доходам, и поэтому сама зависимость – чем состоятельнее респондент, тем меньше он склонен верить в действенность оккультных практик – сомнений не вызывает.

БАБУШКА ЯСНОВИДЯЩАЯ, ЦЕЛТЕЛЬНИЦА, ПРЕДСКАЖЕТ СУДЬБУ ПО ДРЕВНЕРУКОПИСНОЙ КНИГЕ, СТАРИННЫМ КАРТАМ, ЛИНЬЯМ РУКИ. СНИМЕТ ПОР-У, ВЕРНЕТ МУЖА, СОЕДИНИТ СУДЬБУ.

● СТАРЫЙ КОЛДУН ОСУЩЕСТВИТ ЛЮБОЕ ЖЕЛАНИЕ... ДРУГИЕ ТОЛЬКО ОБЕЩАЮТ, ОН РЕАЛЬНО ПОМОГАЕТ...

ТИМОФЕЕВА ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА. Верну любимого, найдя крепко приворожу мужа (РЕЗУЛЬТАТ СРАЗУ, В ДЕНЬ ПРОВЕДЕНИЯ ОБРЯДА). Навсегда устрою соперницу. Результат – в ВИСЬЬ мужа к любовнице. РАБОТА ВЕДЕТСЯ ОФИЦИАЛЬНО, государственная регистрация № 77-19-8953, фиксированные ПИСЬМЕННАЯ ГАРАНТИЯ. ВЫДАЮТСЯ ЧЕКИ. На все обряды дается ОПЫТ БОЛЕЕ 20 ЛЕТ.

● СЕЙЧАС Вы читаете эти объявления и думаете, к кому обратиться. Приходите ко мне, я Вам действительно помогу. Ясновидение, гадание.

● Гадание на кофе. Приворот. Снятие порчи, глаза, помощь в бизнесе.

и здоровье человека можно повлиять с помощью колдовства, магии, – так или иначе ответили 64% опрошенных.

Чаще всего в высказываниях участников опроса звучали два мотива. Примерно четверть ответивших (17% от всех респондентов) характеризовали верящих в колдовство и магию как слабых, неуверенных в себе людей.

“Люди со слабым характером”; “слабовольные”; “кто не надеется на свои силы”; “неуверенные в себе”; “с заниженной самооценкой”; “слабые духом”; “люди, неуверенные в своих силах”; “слабые люди” (ответы на открытый вопрос).

Почти столь же часто (15%) верящие в действенность оккультных практик описывались как люди, оказавшиеся в беде, в тупике, в трудной жизненной ситуации.

“Люди с неразрешимыми проблемами”; “кто в беде”; “кому не на что больше надеяться”; “невезучие”; “отчаявшиеся люди”; “несостоявшиеся”; “у кого безвыходное положение”; “у кого от бессилия руки опускаются”; “люди, которым не помогли ни государство, ни родные”; “запуганные жизнью”; “наполовину отчаявшиеся”; “несчастные”; “если совсем все плохо и нет выхода” (ответы на открытый вопрос).

Довольно многие (8%) называли этих людей внушаемыми, излишне впечатлительными:

“Очень доверчивые, которых легко обмануть”; “наивные”; “легковерные”; “зависимые от чужого мнения”; “эмоциональные, подверженные стрессам”; “внушаемые, ведомые”; “кого можно одурачить”; “которые психологически уязвимы” (ответы на открытый вопрос).

Назовем еще несколько характеристик, приписываемых тем, кто верит в колдовство, магию: люди с психическими отклонениями – 3% (*“ненормальные”; “больные, у которых нарушена психика”; “психи”; “психически неуравновешенные”*), глупцы – 3% (*“люди с низким интеллектом”; “недалекие”; “глупые люди”; “дураки”*), необразованные – 2% (*“малограмотные”; “темные, наивные”; “необразованные”; “серые, отсталые”*), обездоленные – 2% (*“обиженные судьбою”; “кто очень нуждается”; “которые ничего в жизни не видели”; “у которых жизнь не удалась”*), а также суеверные (2%), мнительные (2%), бездельники (1%) и т. д.

Таким образом, в подавляющем большинстве реплик люди, верящие в колдовство и магию, предстают аутсайдерами, неудачниками, “слабаками”, жертвами обстоятельств. Иногда о них говорят с явным пренебрежением, иногда – со столь же явным сочувствием, но за всем многообразием интонаций отчетливо слышна главная тема: тема слабости, социальной неконкурентоспособности.

Когда же речь заходит о тех, кто в колдовство и магию не верит (на соответствующий открытый вопрос ответили 58% опрошенных), доминирует противоположная тема – силы, успешности. Более трети респондентов, так или иначе охарактеризовавших этих людей, говорили о них как о сильных, уверенных в себе, самостоятельных.

“Решиительные, волевые люди”; “сильные духом”; “кого жизнь не сломает никогда”; “ответственные, уверенные в себе”; “люди, которые знают, что из всех ситуаций есть выход”; “кто живет своим умом”; “волевые, сильные характером”; “которые сами делают свою судьбу”; “у которых есть стержень”; “целеустремленные”; “верящие в свои силы”; “в себе уверенные, знающие, что делать в трудную минуту”; “хозяева своей судьбы” (ответы на открытый вопрос; 22%).

Довольно часто эти люди описывались как умные, здравомыслящие.

“Разумные, с широким кругозором”; “здравомыслящие”; “трезво оценивающие действительность”; “умные”; “кто думает головой” (ответы на открытый вопрос; 6%).

● ЯСНОВИДЕНИЕ С АНАЛИЗОМ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО, БУДУЩЕГО.
Настоящая деревенская магия. БЕЗ ОБМАНА.

● СПАСИ СВОЮ ПЕЧЕНЬ! Узнав свой приговор, поторопись обратиться к ЦЕЛИТЕЛЬНИЦЕ ТАТЬЯНЕ. Она вернет здоровье и жизнь!

● Потомственная донская ВЕДУНЬЯ. Приворожу. Заговорю от одиночества, невезенья, безденежья. Отворожу. Отважу лиходея. Я ПОМОГЛА МНОГИМ — ПОМОГУ И ТЕБЕ!

● ВУДУ-ПРИВОРОТ. ПОЛОВАЯ ЗАВЯЗКА

● Я ЗНАЮ о Вашей проблеме все! ВЕРНУ любовь. ИЗБАВЛЮ от соперников. СОХРАНЮ семью. РЕЗУЛЬТАТ? Только ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ! Все обещают — я делаю!

Не реже – как благополучные, успешные, физически здоровые.

“У кого все хорошо”; “твердо стоящие на ногах”; “удовлетворенные жизнью, обеспеченные”; “перспективные, удачливые”; “которые физически и душевно здоровы”; “благополучные, богатые”; “успешные люди, у которых все в порядке” (ответы на открытый вопрос; 6%).

Еще одна столь же распространенная версия – материалисты, рационалисты.

“Которые живут реальной жизнью”; “реалисты”; “атеисты”; “которые реально смотрят на мир”; “неверующие”; “прагматики, материалисты”; “рационалисты”; “реалисты, которые сами свою судьбу делают” (ответы на открытый вопрос; 6%).

В числе менее распространенных версий звучали наряду с прочими и такие: психически здоровые, нормальные – 3% (“с устойчивой психикой”; “трезвые, нормальные люди”; “здоровые психически”; “нормальные, кто дружит с головой”), образованные – 2% (“с высоким интеллектом, оптимисты”; “современные, грамотные люди”), богатые, состоятельные – 2% (“которые много получают”; “новые русские”; “олигархи, богачи”), серьезные, занятые – 1% (“те, кто много работает”; “серьезные, настоящие люди”; “профессионалы”; “люди, у которых есть дело”) и т. д.

Как видим, налицо совершенно отчетливая бинарная оппозиция: верящие в колдовство и магию представляются большинству наших соотечественников слабыми, неуверенными, неконкурентоспособными, отсталыми; не верящие – сильными, прочно стоящими на ногах, успешными, идущими в ногу со временем. Столь недвусмысленная конфигурация стереотипов массового сознания стимулирует скорее утаивание веры в действенность оккультных практик, нежели приписывание такой веры себе. Более “престижной”, социально приемлемой позицией оказывается скептицизм в отношении подобных практик. И если в этой ситуации каждый третий участник опроса признает, что верит в действенность колдовства и магии, то едва ли у нас есть основания подозревать таких людей в конформизме, следовании социальной моде. Скорее можно предположить, напротив, что среди заявляющих о неверии в оккультные практики и в особенности – затрудняющихся ответить на вопрос, верят ли они в них (а таковых, напомним, 10%), “скрываются” люди, стесняющиеся признаться в том, что такая вера им не чужда.

На вопрос “Обращались ли Вы лично когда-нибудь за помощью (советом) к гадалке, экстрасенсу, колдуну, шаману, магу, астрологу и т.п.?” утвердительно ответили 18% респондентов. В свете сказанного выше нетрудно догадаться, что женщины обращались к чародеям чаще, чем мужчины (23 и 12% соответственно), молодые – чаще относительно пожилых (20 и 14%), самые бедные – чаще сравнительно состоятельных (23 и 14%). При этом среди тех, кто верит в действенность колдовства и магии, обращался к ним каждый третий (34%), а среди не верящих – 9%.

Вопрос о личном опыте обращения к тем, кто предоставляет различные оккультные услуги, в этой же формулировке задавался ФОМом восемью годами ранее, в октябре 1997 года⁶, и тогда 23% опрошенных сказали, что обращались к ним за помощью или советом. Вряд ли доля имеющих соответствующий опыт действительно ощутимо сократилась: ведь, как мы видели, молодые люди обращаются к оккультным услугам несколько чаще, чем пожилые, следовательно – процесс смены

⁶ Общероссийский опрос населения 18–19 октября 1997 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Октябрь 1997 года	Октябрь 2005 года
Вызывают ли у Вас интерес публикации и телепередачи, связанные с различными загадочными, аномальными явлениями (НЛО, телепатия, экстрасенсорика, магия, астрология и т. д.)?		
Вызывают	57	48
Не вызывают	39	48
Затрудняюсь ответить	4	3

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Население	Возраст, лет		
		18-35	36-54	55 и старше
Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность в будущем обратиться за помощью, советом к гадалке или к астрологу, или к колдуну, или к шаману, или к магу и т.п.?				
Допускаю	21	28	21	11
Исключаю	64	58	63	72
Затрудняюсь ответить	15	15	16	16

поколений не может в относительно короткие сроки привести к таким последствиям. Скорее, дело тут в общем снижении интереса к паранормальным явлениям: если в 1997 году интересующихся ими было вдвое больше, чем не интересующихся, то в 2005 году тех и других стало поровну (табл. 1).

Естественно предположить поэтому, что снижение доли заявляющих о личном опыте обращения к оккультным услугам обусловлено тем, что некоторые из респондентов забыли о каких-то эпизодах из своего прошлого, а некоторые – не хотят о таких эпизодах вспоминать. Но, так или иначе, данные свидетельствуют о некотором снижении популярности оккультных услуг в сравнении с 90-ми годами.

Между тем большинство респондентов, заявляющих сейчас, что они обращались за помощью или советом к представителям оккультного сообщества – 59% этой группы, – говорят, что были удовлетворены результатом своего обращения к последним. Недовольных вдвое меньше – 29% данной группы (остальные затрудняются оценить результаты обращения).

Сегодня допускают для себя возможность обратиться за советом или помощью к чародеям 21% россиян, причем среди тех, кто уже обращался к ним, – 53%, а среди тех, кто этого не делал, – 14%. Отметим, что распределение ответов на вопрос о гипотетической возможности обращения к оккультным услугам более всего варьируется в зависимости от возраста респондентов (табл. 2).

В каких случаях, с какими проблемами наши сограждане прибегают или считают возможным прибегнуть к помощи оккультного сообщества? Чтобы выяснить это, мы составили перечень возможных причин обращения к оккультным услугам, отгалкиваясь от спектра предложений, циркулирующих сегодня на соответствующем рынке. Одинаковая карточка была предъявлена как тем, кто уже пользовался этими услугами, так и тем, кто допускает для себя такую возможность (многие, следовательно, отвечали дважды); респонденты могли отметить любое число позиций (табл. 3).

Как видим, безоговорочно доминируют мотивы, связанные со здоровьем. Абсолютное большинство как обращавшихся, так и допускающих возможность обращения к оккультным услугам прямо выделили эту позицию. Но ясно, что и те, кто

Табл. 3

% от групп (по столбцам)

По какому поводу, с какой проблемой Вы обращались за помощью к гадалке, экстрасенсу, колдуну, шаману, магу, астрологу и т. п.? (вопрос обращающимся)		
В каких случаях, ситуациях Вы могли бы обратиться за помощью к гадалке, экстрасенсу, колдуну, шаману, магу, астрологу и т. п.? (вопрос допускающим возможность обратиться)		
Карточка, любое число ответов		
	обращавшиеся [❖]	допускающие возможность обратиться ^{❖❖}
Доли групп в населении, %	18%	21%
Угроза жизни для Вас и Ваших близких	9	41
Проблемы со здоровьем у Вас или Ваших близких	53	58
Для достижения успеха в карьере, бизнесе	2	6
Материальные и жилищные проблемы	7	8
Проблема алкоголизма, наркомании, касающаяся Вас или Ваших близких	3	8
Жизненный успех, благополучие детей, возможность повлиять на их будущее	3	8
Месть врагам, нейтрализация недоброжелателей	1	2
Тяжелое душевное состояние, депрессия, другие психологические проблемы у Вас или у Ваших близких	7	11
Для повышения собственной внешней, сексуальной привлекательности	0	0
Безответная любовь, помощь в замужестве / женитьбе	3	3
Для нормализации отношений с супругой / супругом, сохранения семейного благополучия	7	4
Для предсказания будущего (своего, своих близких)	9	8
Для раскрытия в себе новых духовных, психических или физических возможностей	0	4
Для воскрешения умерших близких	0	1
Просто так, для интереса	16	11
По другому поводу / в другой ситуации	4	1
Затрудняюсь ответить	2	6
❖ утвердительно ответившие на вопрос "Обращались ли Вы лично когда-нибудь за помощью (советом) к гадалке, экстрасенсу, колдуну, шаману, магу, астрологу и т. п.?"		
❖❖ утвердительно ответившие на вопрос "Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность в будущем обратиться за помощью, советом к гадалке, или к астрологу, или к колдуну, или к шаману, или к магу и т. п.?"		

говорит об обращении к ним в связи с угрозой для жизни, имеют в виду главным образом не ситуации, когда им или их близким может угрожать насильственная смерть, а именно смертельные заболевания⁷. Кроме того, респонденты довольно часто упоминают проблемы алкоголизма и наркомании, а также состояние депрессии. Очевидно, таким образом, что большинство участников опроса воспри-

⁷ При обсуждении этого сюжета на фокус-группах (25 октября 2005 года – в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже) участники дискуссий говорили о допустимости для них обращения к оккультным практикам прежде всего именно в ситуациях, сопряженных с неизлечимыми заболеваниями.

нимают мир оккультных практик прежде всего как альтернативу системе здравоохранения, то есть как нетрадиционную медицину – по крайней мере в практическом, “прикладном” плане.

Тут следует оговориться: подобное восприятие, конечно, имеет под собой определенные основания. Хотя сфера применения оккультных практик далеко не ограничивается проблемами здоровья, а арсенал средств нетрадиционной медицины – оккультными техниками, в тех случаях, когда эти техники используются в целительстве, разграничить данные институты невозможно. Но если многие россияне склонны полностью отождествлять оккультные практики с нетрадиционной медициной (а материалы фокус-групп дают определенные основания для такого предположения), то не исключено, что авторитет последней в известной мере способствует легитимации более “экзотических” оккультных практик⁸.

Вторым по частоте упоминаний мотивом обращения к оккультным услугам оказывается, судя по данным опроса, любопытство. Причем не столько стремление узнать свое будущее или будущее близких – эта тема звучит значительно реже, – сколько довольно легкомысленное, надо полагать, желание увидеть колдовство “в деле” (“*просто так, для интереса*”).

Не многие ищут или полагают возможным искать оккультной помощи в решении материальных, жилищных проблем, в продвижении по службе, в обеспечении семейной гармонии и благополучия детей. Причем заметим: респонденты значительно чаще допускают принципиальную возможность обратиться к магическим средствам для блага своих детей, а также ради деловых успехов, чем реально обращаются за помощью в этих вопросах к тем, кто предлагает соответствующие услуги. А вот по вопросам нормализации отношений в семье опрошенные, напротив, чаще действительно обращаются к чародеям, чем допускают такую возможность. Позволим себе предположить, что идея прибегнуть к их помощи в борьбе с семейными неурядицами многим представляется недостойной, неэтичной – но в действительности критической ситуации, когда иные средства не помогают, допустимой.

Еще реже наши сограждане, судя по данным опроса, склонны обращаться за оккультной помощью при неразделенной любви. И уж совсем редко – за поддержкой в борьбе с врагами, недоброжелателями (впрочем, не исключено, что некоторые и допускают подобную мысль, но делиться ею с интервьюером не спешат). Решительно непопулярна идея воспользоваться магическими средствами для повышения собственной привлекательности.

Особо стоит подчеркнуть, что 4% из числа допускающих для себя возможность обратиться за помощью или советом к магам, колдунам и т. д. (то есть примерно 1% от всех опрошенных) называют в числе вероятных поводов такого обращения стремление к “раскрытию в себе новых духовных, психических или физических возможностей”. Иначе говоря – допускают мысль о самосовершенствовании посредством оккультных практик, то есть фактически (сознают они это или нет – другой вопрос) о том, чтобы не просто воспользоваться какой-либо оккультной услугой в качестве потребителя, а самим сделать определенный шаг к освоению тех или иных оккультных техник. Но никто из участников опроса, ранее обращавшихся за оккультной помощью, данным мотивом не руководствовался.

⁸ В ходе опроса, проведенного ФОМом 20–21 июля 2002 года, на вопрос: “Вам приходилось или не приходилось прибегать к услугам нетрадиционной медицины (народные целители, врачи-травники, экстрасенсы и т. д.)?” – утвердительно ответили 26% респондентов; следовательно, с нетрадиционной медициной россияне непосредственно сталкиваются несколько чаще, чем с перечисленными в аналогичном вопросе разновидностями оккультных практик.

НЕ ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ПРИВОРОТАМИ!!! ЭТО ОПАСНО!!! УНИКАЛЬНЫЙ И НЕВЕРОЯТНО ДЕЙСТВЕННЫЙ ВОЗВРАТ ЛЮБИМЫХ БЕЗ ВРЕДА ДЛЯ ОБОИХ. ДОБРОЛЮБОВА АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА проводит ЯСНОВИДЕНИЕ, ГАДАНИЕ.

БАБУШКА ЯСНОВИДЯЩАЯ, ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. ПРЕДСКАЖЕТ СУДЬБУ ПО ДРЕВНЕРУКОПИСНОЙ КНИГЕ, СТАРИННЫМ КАРТАМ, ЛИНИЯМ РУКИ. СНИМЕТ ПОРЧУ, ВЕРНЕТ МУЖА, СОЕДИНИТ СУДЬБЫ.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬНИЦА ТАЙНОГО ЗНАНИЯ СТАРИННОГО РОДА РУБЛЕВА АННА АНДРЕЕВНА. ВЕРНУ МУЖА, СОХРАНЮ ВАШУ СЕМЬЮ, ИЗБАВЛЮ ОТ СОПЕРНИЦЫ – НАВСЕГДА (РЕЗУЛЬТАТ ПОЧУВСТВУЕТЕ СРАЗУ). СНИМУ ПОРЧУ, СГЛАЗ, НЕВЕЗЕНИЕ. ПОМОЩЬ В БИЗНЕСЕ. РЕШУ ВАШУ ПРОБЛЕМУ – РАЗ И НАВСЕГДА! РАБОТАЮ СО СЛОЖНЫМИ СЛУЧАЯМИ. ОФИЦИАЛЬНАЯ ПИСЬМЕННАЯ ГАРАНТИЯ.

СТАРИЙ КОЛДУН ОСУЩЕСТВИТ ЛЮБОЕ ЖЕЛАНИЕ... ДРУГИЕ ТОЛЬКО ОБЕЩАЮТ, ОН РЕАЛЬНО ПОМОГАЕТ...

Составив определенное представление об иерархии мотивов, влекущих часть наших сограждан на рынок оккультных услуг, рассмотрим теперь доводы тех, кто исключает для себя возможность обращения к таким услугам. Но прежде обратим внимание на то, что среди респондентов, которые верят в действенность колдовства и магии, доли допускающих и исключаяющих такую возможность равны: по 42% от этой группы (табл. 4).

Вместе с тем 9% из числа не верящих, что колдовством, магией можно повлиять на судьбу или здоровье человека, допускают для себя возможность обратиться к оккультным услугам. Тут, впрочем, ничего удивительного нет: во-первых, мотивом такого обращения может, как мы видели, быть “чистое” любопытство; во-вторых, можно не верить в действенность магических средств, но при этом быть, скажем, адептом астрологии (в вопросе наряду с прочими представителями оккультного цеха упоминаются и астрологи); в-третьих, если наиболее распространенным мотивом обращения к оккультным услугам являются тяжелые заболевания, то понятно, что некоторые, даже не веря в оккультные практики, предпочитают не зарекаться – в критической ситуации и закоренелые скептики хватаются за любую соломинку.

Но, так или иначе, почти две трети участников опроса (64%) определенно исключают для себя возможность обратиться за помощью или советом к тем, кто занимается оккультными практиками, причем некоторые из них, как мы знаем, в действенность таких практик верят. Всем этим респондентам был задан открытый вопрос, почему они отрицают такую возможность, и подавляющее большинство из них – 58% от всех опрошенных – так или иначе на него ответили.

Чаще всего участники опроса заявляли о своем неверии в колдовство, гадание и т. д. “Я не верю в это все”; “это ерунда”; “считаю, что это пустое”; “не верю в колдовство”; “я это не признаю”; “все это чушь”; “не верю в гадания, это обман”; “потому что это все – бабушкины сказки”; “глупость это все”; “не верю ни в какую магию”; “как можно верить в эту чушь?” (ответы на открытый вопрос; 23%).

Однако далеко не все высказывания, объединенные в эту, самую обширную, группу (почти 40% от числа ответивших на вопрос), столь определенны и однозначны, как процитированные здесь. Абсолютное большинство составивших ее реплик предельно лаконичны: “не верю”; “не верю в это”. Но чему именно не верят авторы этих реплик: представителям оккультного цеха, исполнителям (как К. Станиславский, чье знаменитое восклицание они воспроизводят) или оккультным практикам как таковым? С равной вероятностью можно допустить и то, и другое: человек, заявляющий “не верю” в ответ на вопрос, почему он не будет обращаться к чародеям, может полагать обманом, фикцией всю совокупность эзотерических

Табл. 4

% от групп (по столбцам)

	Население	Вы верите или не верите в то, что на судьбу или здоровье человека можно повлиять с помощью колдовства, магии?		
		верю	не верю	затрудняюсь ответить
Доли групп в населении, %	100	32	58	10
Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность в будущем обратиться за помощью, советом к гадалке, или к астрологу, или к колдуну, или к шаману, или к магу и т. п.?				
Допускаю	21	42	9	20
Исключаю	64	42	79	45
Затрудняюсь ответить	15	15	12	35

учений, техник, ритуалов, присущих миру оккультных практик (как те участники опроса, высказывания которых приведены выше), но может и верить в эффективность этих практик в принципе, одновременно считая обманщиками или недоучками тех, кто предлагает оккультные услуги на соответствующем рынке. Поэтому включение этих лапидарных высказываний в данную группу до известной степени произвольно; не имея прямых свидетельств того, что неверие здесь адресовано исполнителям, мы интерпретировали его как адресованное оккультным практикам в целом, последовав принципу: когда равно допустимы несколько трактовок высказывания, следует предпочитать самую простую интерпретацию.

Однако вторую по величине группу ответов на открытый вопрос составляют реплики, авторы которых объясняют нежелание обращаться к различным оккультным услугам именно тем, что считают предоставляющих такие услуги жуликами и шарлатанами:

“Это болтовня, это проходимцы и жулики”; “трудно найти среди них человека, который не обманывает”; “они мошенники, страшно к ним обращаться”; “очень много среди них шарлатанов”; “наврут и деньги сдерут”; “я их терпеть не могу”; “в основном не доверяю людям, которые этим занимаются”; “я считаю, что кругом шарлатаны”; “это шарлатанство в большинстве”; “не верю, их очень много”; “потому что этим занимаются в основном мошенники”; “считаю, что не смогу попасть к настоящему, а к шарлатану – не хочу” (9%).

Обратим внимание: в ряде реплик отчетливо слышится мысль, что в этой орде жуликов и проходимцев иногда попадаются и честные мастера своего дела (а значит – практики в принципе могут быть действенными); вот только обнаружить их трудно, поскольку “в основном”, “в большинстве” предлагают такие услуги шарлатаны.

Примыкают к этой группе и относительно многочисленные и почти всегда очень лаконичные ответы, в которых выражается недоверие колдунам, гадалкам, магам и т. д., – но обвинений в жульничестве не содержится.

“Не верю тем, которые занимаются этим ремеслом”; “не верю им”; “я не верю магам и т. д.”; “я не верю этим людям”; “не верю гадалкам и магам” (ответы на открытый вопрос; 5%).

Тут мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной описанной выше. Человек, заявляющий, что он не верит “этим людям”, может полагать, что все их “ремесло” изначально основано на обмане, что магия, гадание, колдовство – это мистификация “по определению”, но может и верить в реальность этих феноменов, одновременно считая тех, кто предлагает магические услуги, имитаторами и мошенниками. При этом однозначно, недвусмысленно здесь выражено именно недоверие исполнителям, и поэтому данные высказывания выделены в отдельную группу.

Относительно велики по объему еще две группы суждений, которые могут быть истолкованы как две версии одной позиции. Одни респонденты просто говорят, что не видят нужды, необходимости обращаться к оккультным услугам, другие – что считают такое обращение недостойным, проявлением слабости и неверия в свои силы.

“Не считаю нужным”; “не хочу, не желаю обращаться к ним”; “ни к чему это”; “мне незачем гадать”; “они мне не нужны, я про себя сам все знаю”; “никогда до такого не опускаюсь”; “мне их помощь не нужна” (ответы на открытый вопрос; 5%).

“Я могу все вопросы решить самостоятельно”; “только на себя надо надеяться”; “должен быть свой разум”; “человек сам себе хозяин: как решит, так и будет”; “верю в себя”; “сама привыкла справляться”; “человек должен полагаться на себя”; “свою судьбу решаю сам” (ответы на открытый вопрос; 4%).

ОРЛОВА ЛИДИЯ АНДРЕЕВНА. Восстановление супружеских и любовных отношений по памяти (**ВАШ ЛЮБИМЫЙ ДУМАЕТ ТОЛЬКО О ВАС!**). Психологический приворот (**МУЖЧИНА СТАНОВИТСЯ ПОЛНОСТЬЮ ЗАВИСИМ ОТ ВАШИХ ПОЖЕЛАНИЙ, КАПРИЗОВ!**). Любовный приворот (**МУЖЧИНА ПОЖЕЛЕТ ЗАНИМАТЬСЯ ЛЮБОВЬЮ ТОЛЬКО С ЖЕНЩИНОЙ, КОТОРАЯ ЕГО ПРИВОРОЖИЛА!**). Отворот любовницы от мужа (**ЗА 1 ДЕНЬ – НАВСЕГДА!**). ГОС. РЕГИСТРАЦИЯ. ЧЕКИ.

БАБУШКА ЯСНОВИДЯЩАЯ. СТАРИННОЕ ГАДАНИЕ. Возврат мужа, любимого, снятие порчи, везение в бизнесе. м. «Сокол»

СВЕРХСИЛЬНАЯ МАГИЯ.

ВАСИЛЬЕВА МАРИЯ ЭДУАРДОВНА — опыт работы 19 лет. Решение любых проблем независимо от сложности и срока давности. 100% возврат любимого мужа. Без грехе и вреда здоровью! **ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ – В ДЕНЬ ОБРАЩЕНИЯ.** Сильнейший отворот — до ПОЛНОГО ОТВРАЩЕНИЯ между мужем и любовницей! **ЗА 1 ДЕНЬ! НАВСЕГДА — ОБРЯД СНЯТЬ НЕЛЬЗЯ!!!** Ежедневно.

Некоторые участники опроса признаются, что исключают для себя возможность обратиться к помощи магов, гадалок или колдунов потому, что боятся негативных последствий.

“Страх перед этим”; “от этого будет больше вреда, если это действительно действует”; “человек, который гадает или колдует, может забирать энергию”; “можно навредить”; “боюсь их”; “это к хорошему не приведет” (ответы на открытый вопрос; 3%).

Другие говорят, что это противоречит их религиозным убеждениям и вообще – не богоугодное дело.

“Для христианки это неприемлемо”; “не позволяет православная религия”; “это бесовские силы, против православия, портят душу человека”; “по религии ислама это запрещается”; “это грех” (ответы на открытый вопрос; 3%).

Иные мотивы звучат редко, но два из них мы все же отметим. Некоторые респонденты не просто заявляют о неверии в магию и т. д. (как те, чьи ответы составили первую из описанных здесь групп), а декларируют – не без пафоса – свой рационализм, материализм.

“Это все абсурдно, я материалист”; “мы материалисты”; “я не верю в потусторонние силы”; “у меня техническое образование”; “я партийный” (ответы на открытый вопрос; 1%).

Другие же заявляют о доверии к врачам, как бы иллюстрируя сказанное выше о тенденции воспринимать мир оккультных практик как альтернативу системе здравоохранения.

“А врачи для чего тогда?”; “лучше в больницу сходить”; “я верю ученым, врачам”; “только в поликлинику иду”; “верим медицине” (ответы на открытый вопрос; 1%).

В целом, таким образом, основные мотивы, побуждающие наших сограждан отвергать для себя возможность обращения к различным оккультным услугам, состоят в неверии в действенность оккультных практик как таковых, недоверии к тем, кто предлагает соответствующие услуги, и убеждении, что прибегать к их помощи недостойно, опасно или грешно.

Две трети участников опроса (67%) заявляют, что никогда не читают в СМИ объявлений с предложениями услуг гадалок, экстрасенсов, колдунов, шаманов, магов и т. д.; 24% – что читают такие объявления редко, и только 7% – что делают это часто. При этом доля постоянных читателей рекламных объявлений такого рода очень слабо варьируется от одной социально-демографической группы к другой⁹. Однако мнение о практических умениях рекламодателей в оккультной сфере россияне, как правило, имеют, и мнение это обычно весьма нелестное: 9% опрошенных (6% мужчин и 12% женщин) считают, что “большинство людей, публикующих объявления с предложением магических услуг”, в действительности обладают “особыми магическими способностями”, а 70% – что не обладают.

Тех, кто отрицает наличие подобных способностей у большинства предлагающих оккультные услуги, спросили, верят ли, по их мнению, сами эти рекламодатели в свои способности или сознательно обманывают потенциальных потребителей. Версию о самообмане поддержали 4% респондентов, о сознательном жульничестве – 57%; остальные затруднились строить какие-либо предположения на этот счет.

⁹ За одним странным исключением: почему-то реклама оккультных услуг чрезвычайно популярна на Дальнем Востоке – в Дальневосточном федеральном округе ее часто читают 27% опрошенных.

ВСЯ МАГИЯ от приворота до порчи. Обсуждаем на форуме
именем — РЕАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ!

НАСТОЯЩЕЕ ВУДУ — МГНОВЕННЫЙ ПРИВОРОТ.

АДОНИС — СТАРЕЙШЕЕ ЕДИНСТВЕННОЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЕ ГОСУДАРСТВОМ УЧРЕЖДЕНИЕ ПАРАПСИХОЛОГИИ, БИОЭНЕРГЕТИКИ. БЕСПЛАТНО ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ, ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА, АУРАСТАНЦИЯ, СВЕРХОМОЩНЫЕ БЫСТРОДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛЮБОВНЫЕ ОБРЯДЫ 1000 РУБЛЕЙ, ВЫСОКОПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СНИЖЕНИЕ ПОРЧИ 500, СВЕРХЭФФЕКТИВНЫЕ БИЗНЕС-РИТУАЛЫ 1500, ТАЛИСМАНЫ 500, ЗАЩИТА 600, ПРЕДСКАЗАНИЕ СУДЬБЫ, ГАРАНТИРОВАННОЕ РЕШЕНИЕ СЛОЖНЕЙШИХ ПРОБЛЕМ.

ВЕДЬМА.

ПОТОМСТВЕННАЯ ЯСНОВИДЯЩАЯ, МАГ ВЫСШЕЙ КАТЕГОРИИ ПОСВЯЩЕНИЯ ЛУНЕВА КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (опыт работы 20 лет). ВЕРНУ МУЖА В СЕМЬЮ ЗА 1 СЕАНС — НАВСЕГДА (АВТОРСКАЯ МЕТОДИКА). УНИЧТОЖУ ЛЮБОВНУЮ СВЯЗЬ НА СТОРОНЕ (МГНОВЕННО — НАВСЕГДА). СДЕЛАЮ ПОЛОВИНУ ЗАВЯЗКУ НА СРОК — ПО ЖЕЛАНИЮ (ОТВРАЩЕНИЕ ПРИ МЫСЛИ ОБ ИЗМЕНЕ!). ПОЖИЗНЕННАЯ ГАРАНТИЯ НА ВСЮ РАБОТУ.

Табл. 5

% от групп (по столбцам)

	Насе- ление	Вы верите или не верите в то, что на судьбу или здоровье человека можно повлиять с помощью колдовства, магии?		
		верю	не верю	затрудняюсь ответить
Доли групп в населении, %	100	32	58	10
Как Вы считаете, большинство людей, публикующих объявления с предложением магических услуг, в действительности обладают или не обладают особыми магическими способностями?				
Обладают	9	16	6	9
Не обладают	70	67	75	49
Затрудняюсь ответить	21	17	20	42

Табл. 6

% от групп (по столбцам)

	Насе- ление	Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность в будущем обратиться за помощью, советом к гадалке или к астрологу, или к колдуну, или к шаману, или к магу и т.п.?		
		допускаю	не допускаю	затрудняюсь ответить
Доли групп в населении, %	100	21	64	15
Как Вы считаете, большинство людей, публикующих объявления с предложением магических услуг, в действительности обладают или не обладают особыми магическими способностями?				
Обладают	9	18	7	6
Не обладают	70	65	73	62
Затрудняюсь ответить	21	18	19	32

Следует отметить, что некоторые участники опроса, заявляющие о своем неверии в то, что на судьбу или здоровье человека можно повлиять с помощью колдовства, магии (6% этой группы), признают вместе с тем за большинством публикующих объявления об оккультных услугах “особые магические способности”. Это, похоже, подтверждает наше предположение, что среди тех, кто декларирует неверие в действенность оккультных практик, попадаются люди, скрывающие не столь скептическое отношение к этим практикам. Но интереснее другое: лишь каждый шестой из числа верящих в действенность последних готов согласиться с тем, что большая часть людей, предлагающих оккультные услуги, действительно обладает “особыми магическими способностями” (табл. 5).

Боле того, даже среди тех, кто допускает для себя возможность прибегнуть к таким услугам, только 18% верят в особые способности большинства людей, которые публикуют рекламные объявления с соответствующими предложениями, тогда как 65% – определенно не верят (табл. 6).

Иначе говоря, подавляющее большинство потенциальных потребителей оккультных услуг воспринимают рекламу этих услуг в СМИ с абсолютным недоверием.

Критически мыслящий читатель может здесь усмехнуться: тоже мне новость! Разве неизвестно, что россияне не склонны доверять рекламе в СМИ? Это, конечно, верно, но оккультные услуги – особый случай. Ведь если мы скептически воспринимаем описание зубной пасты или йогурта в рекламном ролике, то наш скепсис распространяется лишь на попытки доказать превосходство данной пасты или данного йогурта над другими товарами этой же группы. Сомнений же в том, что первой можно чистить зубы (и они действительно станут чище), а второй – употребить в пищу, у большинства зрителей, надо полагать, не возникает. Когда же потенциальный потребитель оккультных услуг считает, что большинство рекламодателей

не обладают “особыми магическими способностями”, он не просто подвергает сомнению *качество* их сеансов, а отрицает *саму возможность* получить искомое от большей части тех, кто такие услуги предлагает (пусть даже и не на уровне высших стандартов), – при том, что в действительности оккультных практик и, соответственно, в существовании людей, способных помочь ему магическими средствами, он нимало не сомневается. Это, согласитесь, принципиально другая ситуация.

Чтобы разобраться в ней, обратимся к тому, как обсуждался этот сюжет на фокус-группах. Но прежде отметим, что дискуссии на фокус-группах отнюдь не отличались особой остротой. Казалось бы, обсуждение такой темы должно сопровождаться ожесточенными спорами между “рационалистами” и “мистиками”. Таковых, однако, не было, несмотря даже на то, что по ходу обсуждения участниками фокус-групп было рассказано великое множество любопытных историй, происходивших с ними или их близкими, – как о случаях чрезвычайно точных предсказаний¹⁰ и излечений, достигнутых магическими средствами¹¹, так и об эпизодах совершенно очевидного жульничества со стороны людей, объявляющих себя колдунами, экстрасенсами и т. д. Однако никто из респондентов не пытался делать из этих фактов далеко идущие выводы: интерпретировать их как свидетельства тотальной эффективности либо, напротив, тотальной несостоятельности оккультных практик.

Вообще, фактически никто из участников дискуссий не демонстрировал радикальный скептицизм в отношении подобных практик как таковых – то есть не отвергал категорически саму возможность предсказания будущего или воздействия на судьбу или здоровье человека магическими средствами. Более того, некоторые говорили, что такая категоричность недопустима в принципе.

“Понимаете, если ничему не верить, то и наука бы не развивалась. Тот не развивается, кто ничему не верит. Поэтому говорить, что этого не может быть, потому что не может быть никогда, – это не подход. Клюбным явлениям, включая и эти тоже” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Скептицизм проявлялся либо в констатации собственного неверия¹², либо в попытках предложить по возможности “материалистические” объяснения соответствующих феноменов. Например, такие.

“Мне кажется, что ясновидение – это просто прорыв каких-то информационных полей, которые нам неизвестны. Они пока не расшифрованы – может, еще 100–200 лет пройдет...” (ДФГ, Воронеж).

“...человека можно настроить и изменить не только, как говорится, его – и здоровье ему поднять, и с пути истинного сбить, грубо говоря... То есть у него будет подключаться немножко другая жилка, как говорится, в его мозговой системе, и он будет двигаться уже абсолютно в другом направлении... То есть как мы можем воздействовать на обыкновенную машину, которая работает, так же можно воздействовать на организм человека и на его мозг” (ДФГ, Москва).

Вместе с тем все участники фокус-групп были вполне единодушны во мнении, что рассчитывать на получение оккультных услуг от людей, размещающих соответствующие рекламные объявления в СМИ, нельзя, поскольку подавляющее большин-

¹⁰ Для примера: московская пенсионерка (61 год) рассказывает, что когда она была 18-летней студенткой, ей было предсказано, что она родит двоих детей и не получит высшего образования. Она четырежды без особых усилий поступала в разные вузы, училась в них по два-три года, но ни один из них не окончила. А две ее дочери занимаются магией (одна – белой, другая – черной), и респондентка, кстати, очень по этому поводу переживает.

¹¹ О них, в частности, говорил пожилой медик, заведующий отделением крупной клиники в Санкт-Петербурге, в целом весьма настороженно относящийся к целителям.

¹² При этом, как правило, делались оговорки: респонденты смиренно признавали себя недостаточно компетентными в данной области или подчеркивали, что допускают возможность пересмотра своей точки зрения.

ство предлагающих такие услуги – жулики и аферисты. Но вот что принципиально важно: при всем недоверии, которое вызывает их деятельность у респондентов, последние склонны видеть за спинами этой сомнительной публики редкие фигуры истинных мастеров оккультных практик, которые из скромности или из гордости не стремятся слишком активно оповещать мир о своих способностях.

“Есть и настоящие люди, кто практикует магию, профессионалы в этом, но в большинстве случаев – особенно вот эта реклама – я считаю, что это все шарлатаны. Для заработка денег” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Из десяти человек один только путевый экстрасенс, а все остальные делают видимость и типа того” (ДФГ, Воронеж).

“Модератор: Уже говорили о том, что бывают всякие там рекламы, объявления про всех этих там целителей, гадалок, там, шаманы, колдуны все вот эти – много разных объявлений. Вот какое к ним вообще отношение, к этим объявлениям?”

1-й участник: Шарлатаны.

1-я участница: Негативное. И шарлатанство.

2-я участница: Шарлатанство.

1-я участница: Все настоящие и все вот, которые действительно дают полезное или не полезное, они никогда себе рекламу не дадут” (ДФГ, Москва).

“1-й участник: ...может быть, из сотни и тысячи этих целителей есть кто-то, кто действительно обладает этими знаниями и умениями, и вот он теряется на этом фоне! А это должно развиваться, если это есть. А из-за этого наплыва это теряется.

1-я участница: А у меня есть впечатление, что те, кто действительно может что-то делать, объявлений не дают.

2-я участница: Не дают, конечно.

1-я участница: Их услугами пользуется определенный узкий круг людей, свой круг, а те, кто во всех газетах, одни и те же Валентины, Властимины, бабушки и так далее...

1-й участник: Вот если бы этого наплыва не было, то этот человек мог бы использовать свои возможности и знания более широко. А так: «Ну, я же не такой», и они, как правило, скромные, застенчивые” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Похоже, что взаимная толерантность “рационалистов” и “мистиков” (а по ходу дискуссий различия между ними проступали достаточно отчетливо) держится именно на том, что первые при всем скептицизме в отношении мира оккультных практик в целом признают существование редких обладателей тех или иных особых способностей в качестве “исключения”¹³, а вторые этим вполне удовлетворяются, поскольку и сами считают таковых меньшинством – в сравнении с имитаторами, доминирующими на рынке оккультных услуг. Представляется вполне вероятным, что эта компромиссная интерпретационная схема “работает” и за пределами “лабораторных” ситуаций групповых дискуссий, в обществе, предотвращая лобовое противостояние двух мировоззрений.

Кстати, на фокус-группах одни и те же респонденты нередко демонстрировали чрезвычайно причудливые формы синтеза “рационалистических” и “мистических” установок. Приведем лишь один пример – два высказывания 44-летней учительницы из Воронежа. В контексте разговора о том, должно ли государство

¹³ Вот, например, как отвечает одна из явных “рационалисток” на вопрос о возможности предсказания судьбы: “Даже не знаю, можно или нельзя. Я об этом никогда не думала. Возможно, кто-то обладает какими-то... но на самом деле это крайне редко – по-настоящему” (ДФГ, Санкт-Петербург).

каким-то образом вмешиваться в происходящее на рынке оккультных услуг, она заявляет:

“...государство должно заниматься просвещением. Вы знаете, что за последние 10–15 лет, когда мы вот с этой перестройкой столкнулись, уровень образованности нашего общества резко упал. Образованный человек, который, так сказать, имеет что-то в голове, имеет какое-то суждение, он подумает прежде – куда идти, зачем идти и что требовать. А если человек необразованный, ему что скажут... Он как толпа, вот он и пойдет”.

А чуть раньше – излагает свое собственное отношение к оккультным практикам:

“Но если говорить о черной магии, то я к ней отношусь очень отрицательно. А вот белая магия, которую используют наши бабки-знахарки, которые помогают людям (в плане – вылечивают там детей, что-то там заговорить, грызку зашептать или зуб больной зашептать), и причем эти бабульки являются такими хранителями народных традиций – я к этому очень положительно отношусь” (ДФГ, Воронеж).

Отметим, что и эта респондентка, и некоторые другие участники фокус-групп рассказывали о том, как они или их близкие искали (с переменным успехом) тех, кто мог бы помочь им оккультными методами, “в глубинке”. Мнение, что обладателей соответствующих умений можно обнаружить главным образом вдали от суетных мегаполисов, вообще высказывалось довольно часто.

“1-я участница: но опять-таки они где-то в глубинке...”

2-я участница: Да, они в деревне” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Бабушки на деревнях стараются помочь все-таки. А вот эти вот гадалки и прочие – это просто выкачивание денег, я считаю, натуральное” (ДФГ, Воронеж).

Иногда респонденты еще более радикальным способом противопоставляют истинных обладателей особых способностей шарлатанам, заявляя, что первых более не осталось, хотя в прошлом они были.

“...<в средневековье> были люди со сверхчувствительностью. То есть у человека в мозгу были тоже нервные окончания, которыми он воспринимал температуру, – так же, как пресмыкающиеся. Они же на тепло реагируют, и очень тонко и далеко! Собаки различают многие особенности запахов. Видимо, и у людей было что-то. И вот эти люди – это уже описано и доказано, что они обладали колоссальной сверхчувствительностью. Но их всех уничтожили!” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“А мне кажется, сейчас уже нет тех вот. Раньше – да, вот насколько я знаю, что раньше все-таки были целители...” (ДФГ, Москва).

Впрочем, тут имеет место определенное лукавство: первый из процитированных респондентов, упоминавший выше петербургский медик, судя по другим высказываниям, определенно не исключает того, что люди со “сверхчувствительностью” пусть изредка, но встречаются и сейчас, а вторая респондентка, женщина средних лет, уверяя, что целителей, которые были “раньше”, уже нет, вообще имеет в виду времена совсем недавние и ссылается на собственный опыт.

“Я из деревни вообще сама, из такой деревни, где вот этого колдовства очень много было. И я знала очень: и лечили, и колдовали, и также привораживали мужчин к себе, вот было...” (ДФГ, Москва).

Ясно, пожалуй, что когда эта респондентка говорит: “сейчас уже нет тех вот”, она не имеет в виду, что все обитатели ее малой родины начисто разучились колдовать и привораживать – она просто находит такую форму противопоставления “мастеров” и “имитаторов”.

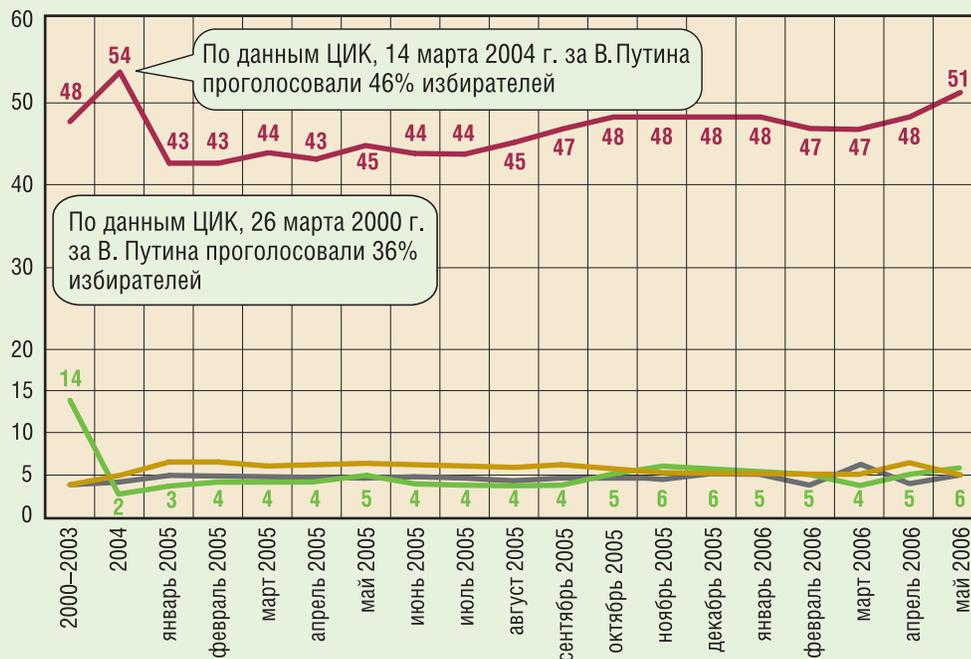
Окончание см. на стр. 73 →

Электоральные рейтинги

Еженедельные опросы населения. 2000–2006 годы. Выборка: 3000 человек

Данные в % от населения

Политики

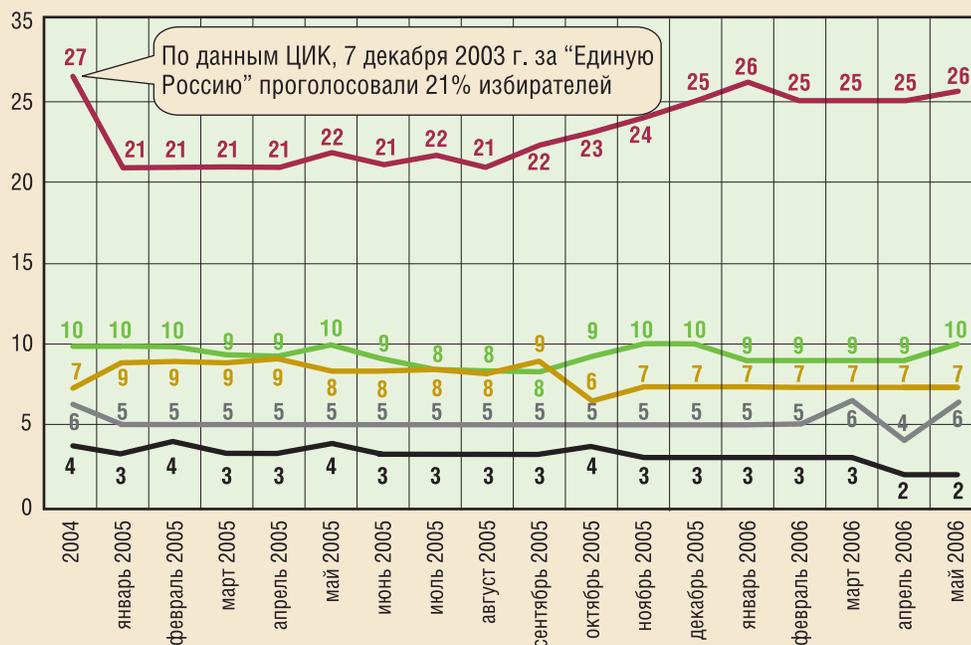

Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоятся выборы президента с участием перечисленных политиков. За кого из этих политиков Вы бы проголосовали? (Карточка, один ответ)

Приведены рейтинги политиков, составляющие не меньше 2%.

Политические партии

Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную думу, то за какую из перечисленных партий Вы бы скорее всего проголосовали? (Карточка, один ответ)

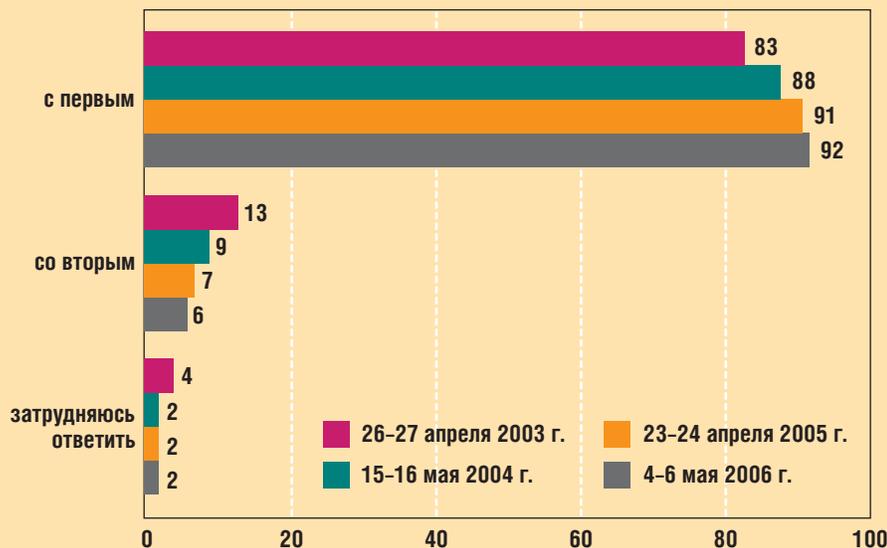
Приведены рейтинги партий, составляющие не меньше 2%.

Великая Отечественная война. Память о войне

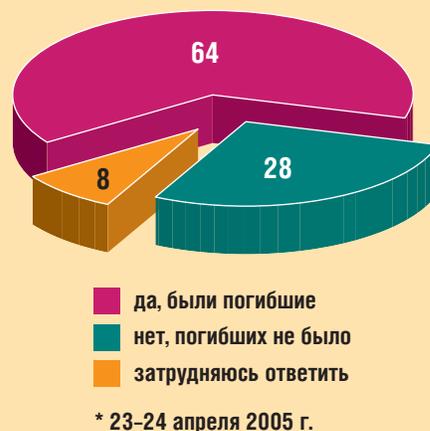
Опросы 4–6 мая 2006 г., 23–24 и 16–17 апреля 2005 г., 15–16 мая 2004 г. и ранее. Выборка: 1500 человек

Данные в % от населения

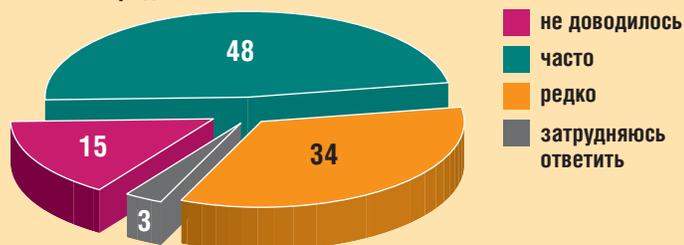
Для одних людей 9 Мая — особый день, важный, значимый. Для других 9 Мая не является особенным, важным, значимым днем. Если говорить о Вас лично, какая позиция Вам ближе — первая или вторая?

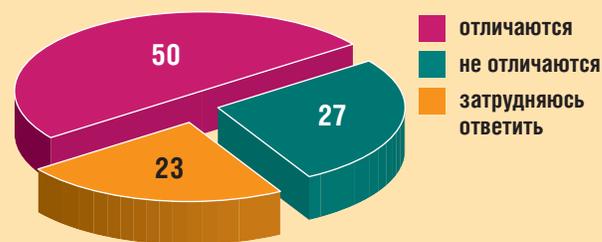
Скажите, пожалуйста, кто-нибудь из Вашей семьи, из родственников погиб во время Великой Отечественной войны, или погибших не было?*

Скажите, пожалуйста, Вам доводилось или не доводилось разговаривать о войне с людьми, прошедшими Великую Отечественную войну? И если доводилось, то это было часто или редко?*

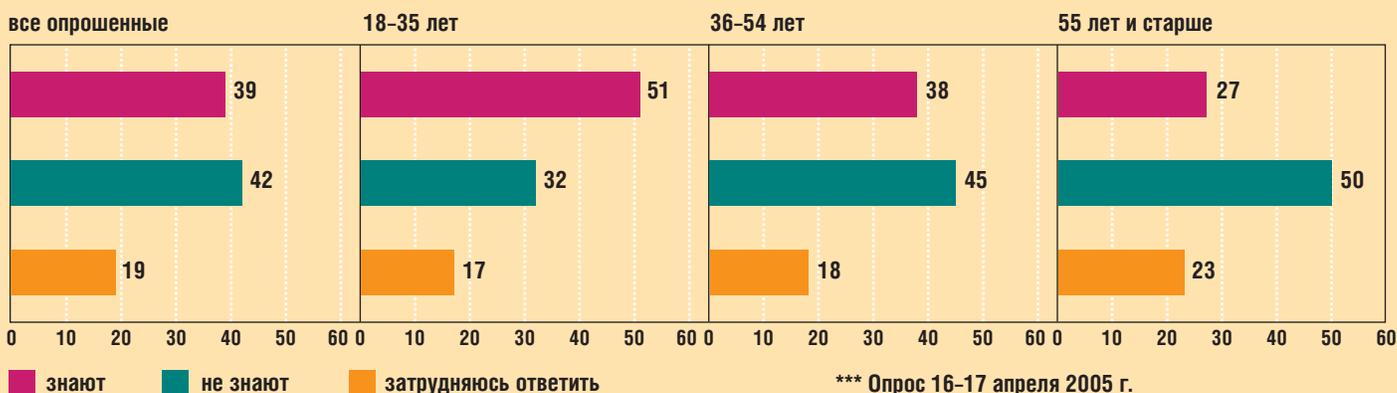

Как Вы считаете, отличаются или не отличаются рассказы людей, прошедших Великую Отечественную войну, от того, как сегодня рассказывают о войне российские газеты, радио и телевидение?*

** 15–16 мая 2004 г.

По вашему мнению, большинство немцев, родившихся и выросших после войны, знают или не знают правду о Второй мировой войне?***

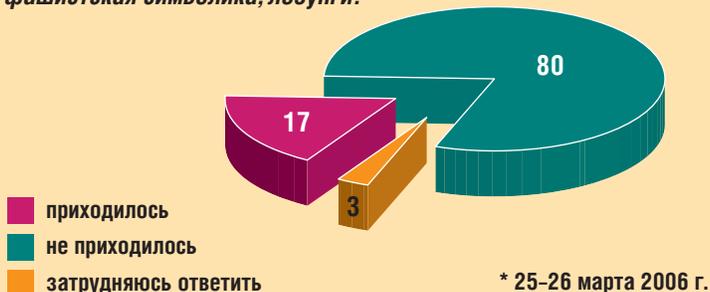

Фашизм вблизи

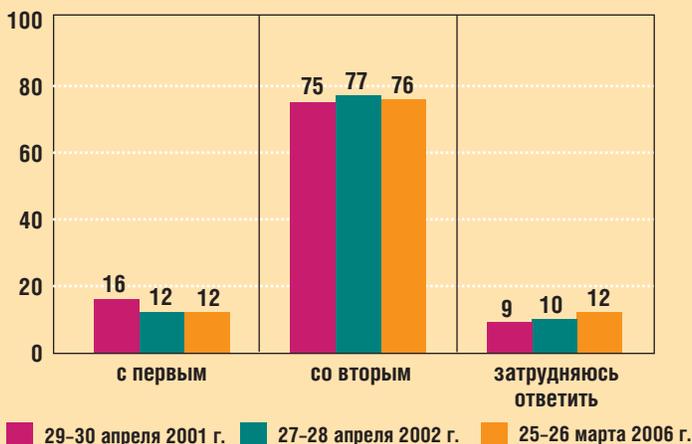
Опросы 25–26 марта 2006 г., 27–28 апреля 2002 г., 29–30 апреля 2001 г. Выборка: 1500 человек

Данные в % от населения

Вам приходилось или не приходилось видеть там, где Вы живете, в Вашем городе (поселке, селе) листовки, брошюры, в которых излагаются фашистские взгляды, используется фашистская символика, лозунги?*

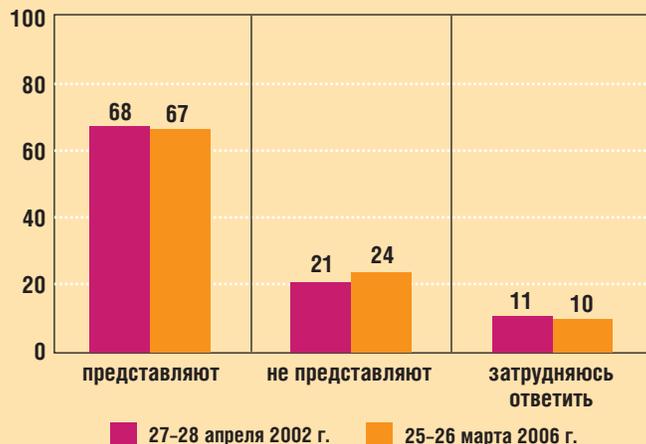
Одни считают, что в фашизме как в системе взглядов есть некоторые положительные идеи. Другие считают, что в фашизме нет ничего положительного. С каким мнением — с первым или вторым — Вы согласны?

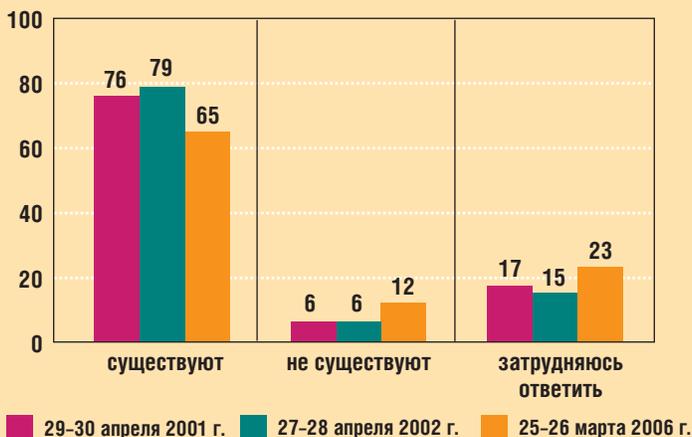
Там, где Вы живете, в Вашем городе (поселке, селе) есть люди с фашистскими взглядами или их нет? И если есть, то их много или мало?*

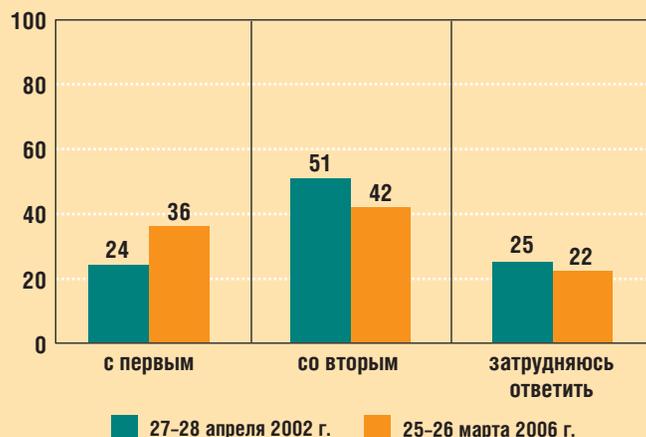
Как Вы считаете, сегодня сторонники фашистских взглядов представляют или не представляют реальную опасность для общества?

Как Вы полагаете, сегодня в России существуют или не существуют организации, которые придерживаются фашистских взглядов?

Одни считают, что российские власти борются с фашистскими организациями. Другие полагают, что власти закрывают глаза на деятельность фашистских организаций. С каким мнением — с первым или вторым — Вы согласны?

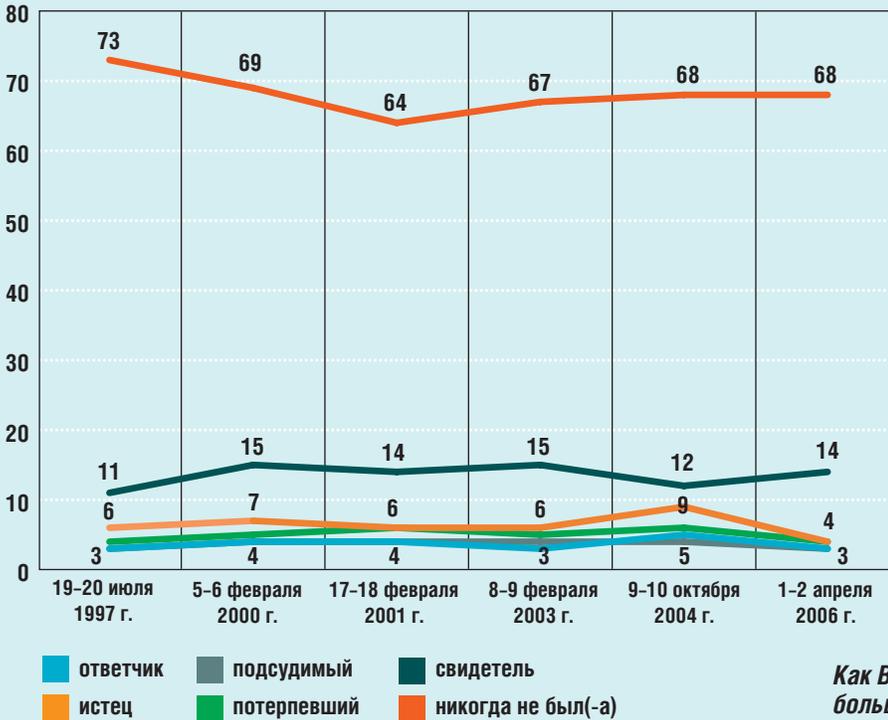
Суд обычный и суд присяжных

Опросы 1-2 апреля 2006 г., 9-10 октября 2004 г., 8-9 февраля 2003 г. Выборка: 1500 человек

Данные в % от населения

Скажите, пожалуйста, были ли Вы когда-нибудь участником судебного разбирательства? Если да, то в каком качестве?

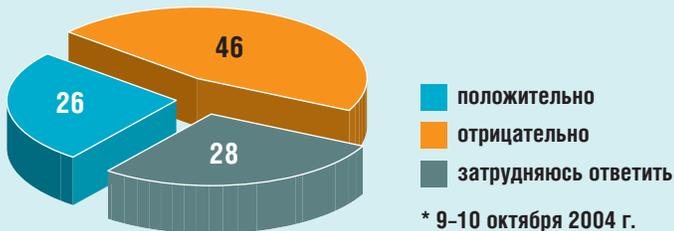
(Карточка, любое число ответов)

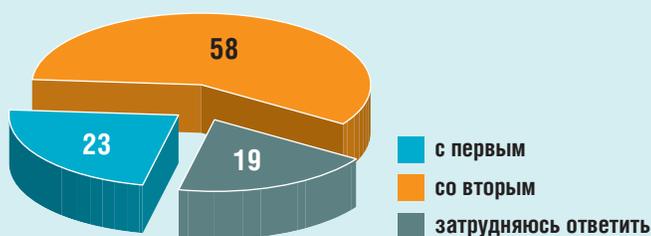
Одни считают, что суд в России руководствуется в своих решениях только законом. Другие считают, что суд в России в своих решениях руководствуется не только законом, но и другими обстоятельствами. С каким мнением – с первым или вторым – Вы согласны?

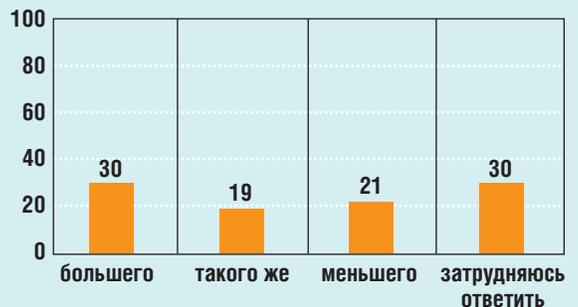
Как Вы в целом оцениваете деятельность российских судов и судей – положительно или отрицательно?*

Одни считают, что возможность попасть в число присяжных должен иметь любой взрослый человек. Другие считают, что не все должны иметь возможность попасть в число присяжных. С каким мнением – с первым или вторым – Вы согласны?*

Как Вы думаете, суды присяжных заслуживают большего доверия, чем суды, в которых решение о виновности или невиновности подсудимого выносит судья, меньшего или такого же доверия?

А лично Вы хотели бы или не хотели бы попасть в число присяжных заседателей?*

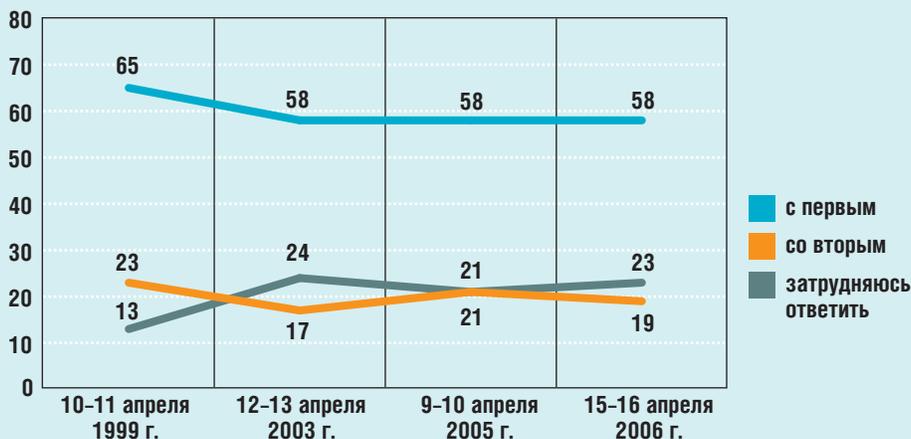

Отношение к В. И. Ленину

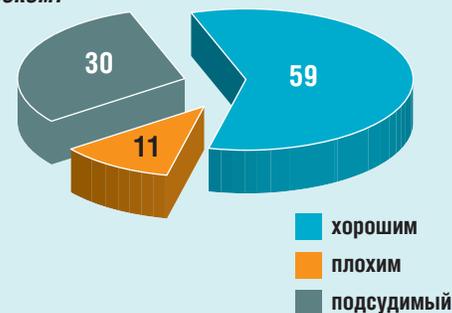
Опросы 15-16 апреля 2006 г., 9-10 апреля 2005 г. и ранее. Выборка: 1500 человек

Данные в % от населения

Сегодня высказываются разные точки зрения о В. И. Ленине. Одни считают, что он сыграл положительную роль в истории России, другие — что отрицательную. С каким мнением — с первым или вторым — Вы согласны?

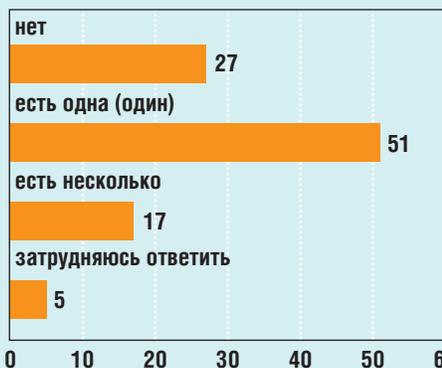
А если говорить о В. И. Ленине как о человеке — как Вам кажется, он был хорошим или плохим человеком?*

В последние годы в газетах, на радио и телевидении вам встречалась или не встречалась информация о В. И. Ленине? И если да, то она была, по Вашему мнению, объективной или необъективной?*

Скажите, пожалуйста, в Вашем городе (селе, поселке) есть ли улица В. И. Ленина, проспекты или переулки его имени? И если есть, то одна (один) или несколько?***

Скажите, пожалуйста, в Вашем городе (селе, поселке) есть ли памятники В. И. Ленину, его бюсты? И если есть, то один или несколько?***

** 9-10 апреля 2005 г.

* 15-16 апреля 2005 г.

Время от времени обсуждается вопрос о захоронении тела В. И. Ленина. А Вы лично — за захоронение тела Ленина или против захоронения?

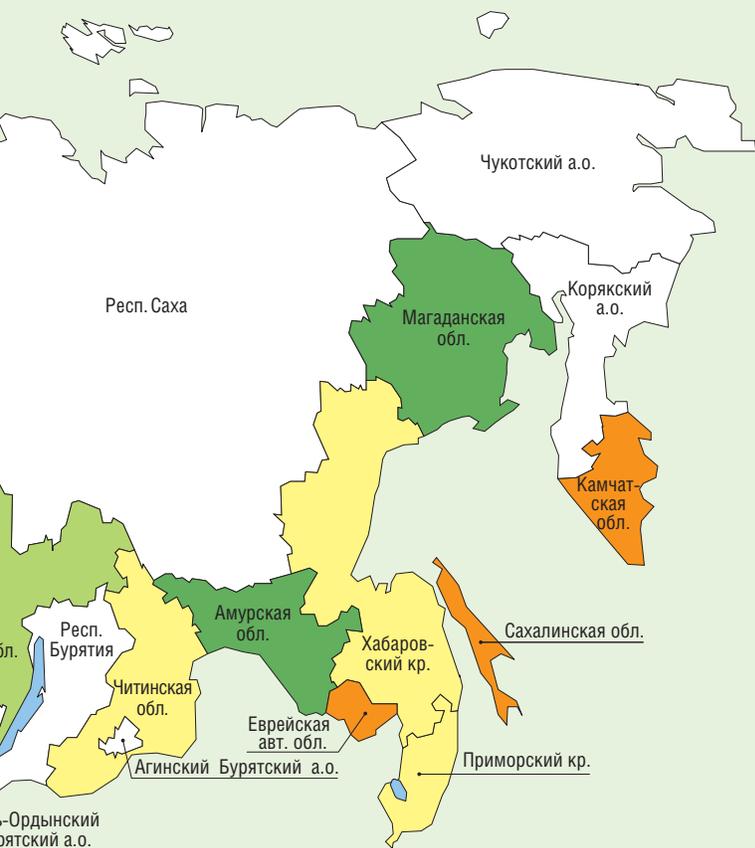

Постоянные потребители медицинских услуг

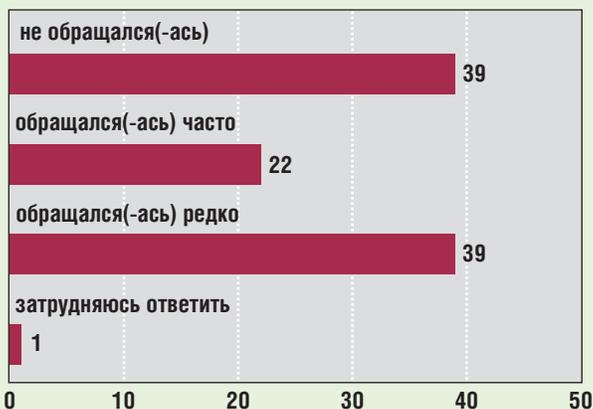

Доля от числа опрошенных, %	
	менее 19
	от 19 до 21
	от 21 до 22
	от 22 до 24
	24 и более
	опрос не проводился

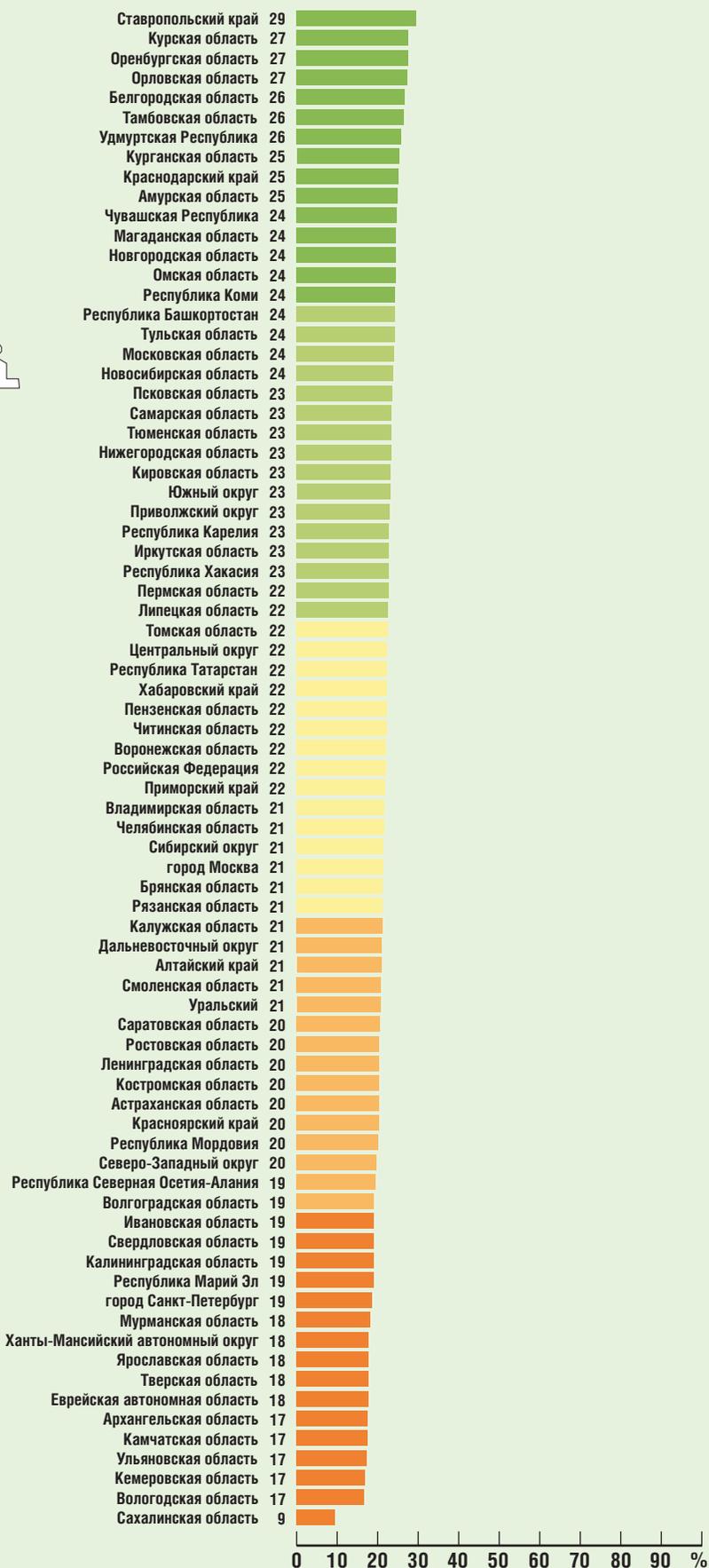
**Опрос 10–28 февраля 2006 г.
Выборка: 34 500 человек**

**Скажите, пожалуйста, за последний год
Вы обращались или не обращались к врачам?
И если обращались, то часто или редко?
(% от населения России)**

**За последний год часто обращались к врачам
(всего по выборке 60%)**

Художественные вкусы россиян. Живопись

Опрос 2–5 мая 2006 г. Выборка: 1500 человек

Данные в % от населения

Какие из видов искусства Вам интересны?
(Карточка, любое число ответов)

Скажите, пожалуйста, есть или нет у Вас дома на стенах картины или репродукции картин?

Скажите, пожалуйста, Вы бывали или не бывали в картинных галереях (художественных музеях)? И если бывали, то когда в последний раз это было?

Есть ли у Вас любимый художник или художники? И если есть, то назовите, пожалуйста, его (их)*
(Открытый вопрос)

В каких картинных галереях, художественных музеях Вы бывали?*

* % от числа заявивших, что они бывали в картинных галереях, художественных музеях.

* Указаны художники, набравшие не менее 1% ответов.

→ *Окончание статьи.*

Считая истинное владение оккультными практиками редким даром и отказывая в нем тем, кто рекламирует свои возможности в СМИ, участники фокус-групп, как правило, довольно решительно заявляют, что искать истинных обладателей этого дара следует по знакомству, по рекомендациям, а не по объявлениям, и что они в случае необходимости поступали бы именно так.

“1-й участник: *Кто наделен таким крутым даром, он не даст объявление.*”

1-я участница: *Он не даст объявление, я тоже так считаю.*

2-й участник: *Почему?*

2-я участница: *К нему народная тропа.*

1-й участник: *Да.*

1-я участница: *Там уже по сарафанному радио”* (ДФГ, Воронеж).

“Модератор: *Если бы была такая ситуация, что вы готовы обратиться к таким людям, как бы вы стали искать такого человека?*”

1-й участник: *В основном по знакомству.*

1-я участница: *Да.*

2-я участница: *В основном в деревнях, где еще сохранились старые традиции, знахарство.*

Модератор: *Ну а как бы вы стали искать такого человека?*

1-й участник: *Через знакомых людей.*

2-я участница: *У знакомых.*

1-я участница: *Спрашивать – может быть, кто-то слышал, кто-то знает. Только через знакомых”* (ДФГ, Воронеж).

“Только через знакомых” (ДФГ, Москва).

“Модератор: *...предположим, тоже какая-то там тяжелая ситуация с кем-то из близких – и кто-то Вам сказал из знакомых, например, что ему помогли в такой ситуации, допустим. Так Вы что, Вы бы пошли к целителю?*”

Участница: *Да, если кто скажет, то пойду, да.*

Модератор: *Пошли бы?*

Участница: *Да. Только не по газете, не по объявлению.*

Модератор: *А по объявлениям?*

Участница: *Нет.*

Модератор: *По объявлениям – нет?*

Участница: *По газете – нет, только кто сам.*

Модератор: *Почему?*

Участница ДФГ: *Ну, потому что реклама – чтобы деньги зарабатывать, реклама – чтобы себе наживаться”* (ДФГ, Москва).

Обратим внимание на последний мотив. Он, надо сказать, проходит через рассуждения участников фокус-групп красной нитью: само наличие материальной заинтересованности у тех, кто предлагает оккультные услуги, воспринимается многими как неопровержимое доказательство того, что реальной помощи от этих людей ждать не следует. Эта мысль звучала уже в ряде приведенных выше высказываний. Вот еще одно.

“*Мне кажется, что этих людей единицы, которые могут помочь, подсказать, а больше шарлатанов. Я много видел людей, которые берут деньги, но он не хочет помочь, это не от души идет, он стремится только получить деньги”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Некоторые, противопоставляя истинных мастеров оккультных практик неистинным, говорят о том, что первые никогда не берут за свою работу деньги – под угрозой утраты соответствующих способностей.

НАСТОЯЩАЯ КОЛДУНЬЯ. ДЕНЕГ НЕ БЕРЕТ.

САМЫЙ БЫСТРЫЙ, БЕЗГРЕШНЫЙ И СИЛЬНЫЙ ПРИВОРОТ (эксклюзив). Древнейшие ПРОВЕРЕННЫЕ методы без фотографии. Ваш шанс обрести СЧАСТЬЕ.

КОРОНОВАННАЯ И ПОСВЯЩЕННАЯ В ВЫСШУЮ ЦЕРЕМОНИАЛЬНУЮ МАГИЮ МИЩЕРСКАЯ ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. РЕШЕНИЕ ЛЮБОВНЫХ И СЕМЕЙНЫХ ПРОБЛЕМ ЛЮБОЙ СЛОЖНОСТИ. УСТРАНЕНИЕ СОПЕРНИЦЫ. ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ РОДОВОГО ПРОКЛЯТИЯ, КРЕСТА ОДИНОЧЕСТВА, ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО КОЛДОВОМ. АБСОЛЮТНАЯ КАРИСМАТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА. М. «Смоленская». РЕЗУЛЬТАТ СО ДНЯ ОБРАЩЕНИЯ.

КОЛОССАЛЬНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО над магией — ЗЗОТЕРИКА! Разжигание ВЗАИМНОЙ ЛЮБВИ БЕЗ ПРИВОРОТОВ, возрождение отношений, прекращение измен... Станьте хозяином положения!

1-я участница: *Существует мнение такое, что лечить людей и помогать людям за деньги нельзя. Вот если кто делает это за деньги, у того ничего не получается, да еще и дар пропадает.*

2-я участница: *Это бабушки.*

3-я участница: *Это бабушки.*

1-я участница: *Поэтому вот бабушки в деревне: «Чего не жалко. Вот я тебе помогу, а ты мне, милая, принесешь, чего тебе не жалко». И поэтому тащат им и кур, и кусочек мяса, и яичек, и еще чего-то, а денег она никогда не возьмет. И тогда помощь действительно реальная. А если это деньги...» (ДФГ, Воронеж).*

1-й участник: *И они никогда, я знаю, в очень редких случаях берут денежку, и только продуктами вот, какими-то услугами...*

2-й участник: *Да.*

1-я участница: *Да, только продуктами.*

1-й участник: *У них что-то с денежными знаками...*

Модератор: *То есть деньги не берут?*

1-й участник: *То есть можно что-то дать человеку, а в плохую минуту он просто продаст эту вещь. Ну там вот да, они денежные знаки...*

Модератор: *Не берут деньги?*

1-я участница: *Нет, не берут» (ДФГ, Москва).*

Но и безотносительно к представлению о том, что получение денежного вознаграждения лишает чародеев их магической силы, уже само по себе отождествление оккультных услуг с бизнесом является для очень многих респондентов решающим доводом в пользу недоверия к тем, кто такие услуги предоставляет. Очень показательна в этом плане первая реакция 47-летней воспитательницы из Воронежа на вопрос модератора о том, как она относится к рекламным объявлениям «колдунов, гадалок и прочих» в СМИ.

«Модератор: *Как Вы к таким объявлениям относитесь?*

Участница ДФГ: *Отрицательно.*

Модератор: *Почему?*

Участница ДФГ: *Да потому, что это бизнес. Это не работа, это не лечение» (ДФГ, Воронеж).*

Казалось бы – приговор окончательный и обжалованию не подлежащий.

Однако несколько позже та же самая респондентка произносит следующий монолог:

«Но с другой стороны, если разобраться, у него такая же работа, как и у остальных. Он, как может, зарабатывает себе деньги. Кто-то на толпе торгует, кто-то еще что-то делает. Это бизнес в принципе практически, как мы уже выяснили. Мы уже говорили, что на десяток только один может быть хороший, а остальное – это бизнес. Каждый, как может, зарабатывает деньги» (ДФГ, Воронеж).

Фактически идентификация работы на рынке оккультных услуг в качестве *бизнеса* однозначно предопределяет недоверие к этой работе, и вместе с тем – в известной мере служит ее оправданием, поскольку бизнес представляется респондентке занятием, «по определению» подразумевающим обман клиента. Предположение о возможности иного, честного бизнеса ее не посещает: если в действенность оккультных практик она в принципе верит (и неоднократно говорит об этом по ходу дискуссии), то в возможность

бизнеса, который не был бы основан на обмане, – нет. И это для нее столь очевидно, что и возмущения не вызывает. Причем такая логика восприятия оккультных услуг – отказ в доверии при одновременном оправдании как следствие отождествления этих услуг с бизнесом – характерна отнюдь не только для данной респондентки. Наиболее ярко свидетельствует об этом следующий выразительный диалог, состоявшийся в Воронеже (в нем слышен и голос только что процитированной респондентки – это 1-я участница), но нечто подобное говорилось и на других дискуссиях.

“Модератор: *А что это за люди? Их можно как-то охарактеризовать?*”

1-й участник: *Шарлатаны.*

1-я участница: *Нет, не то что шарлатаны.*

2-я участница: *Это просто бизнесмены. Как можно их охарактеризовать?*

1-я участница: *Он выбрал себе свой бизнес, он зарабатывает на этом себе деньги.*

1-й участник: *Он одурачивает людей и получает при этом деньги.*

1-я участница: *Да не то что одурачивает, мы же идем туда сами.*

1-й участник: *А я и говорю, кто хочет, тот и идет.*

1-я участница: *Кто хочет, тот идет, кто не хочет, тот не идет.*

2-й участник: *Нормальный человек”* (ДФГ, Воронеж).

Итак, наши соотечественники весьма скептически и вместе с тем довольно снисходительно относятся к оккультному сообществу, активно рекламирующему свои возможности в СМИ. Однако в действенность оккультных практик как таковых, в возможность найти истинного мастера, в совершенстве владеющего той или иной оккультной техникой, верят очень многие. Когда у них возникает соответствующая потребность, они приступают к поискам, предпочитая ориентироваться скорее на рекомендации знакомых, на молву, а не на рекламные объявления. И, напомним, на одного разочарованного результатом своего обращения к представителям оккультного сообщества приходится двое удовлетворенных. ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...

– Назовите, пожалуйста, проблемы, которые Вас беспокоят, мешают жить Вам и таким людям, как Вы, живущим в Вашем регионе.

– *То ли чеканкой кто-то занимается сверху, то ли еще что-то: по утрам и вечером “тук-тук” раздается.*

– Скажите, пожалуйста, каким Вы представляете себе обычного, среднего москвича?

– *Который работает, а вечером пьет пиво с женскими гормонами.*

– Почему Вы допускаете для себя возможность проголосовать на выборах президента России за женщину?

– *Если это будет женщина, которая изменит ситуацию в стране, то все равно, мужчина это будет или женщина.*

– Опишите, пожалуйста, какой образ сотрудника ГИБДД (ГАИ) сложился в Вашем представлении?

– *Как китайцы, кормятся палками.*

– Когда Вы слышите российский гимн, воспоминания о каких событиях из жизни и истории нашей страны в первую очередь приходят Вам в голову?

– *Казнь Пугачева.*

– Почему Вы не чувствуете себя свободным человеком?

– *Свободный человек не может быть с такой маленькой пенсией.*

(Из опросов ФОМа)

Убирать *или* не сорить?

Примерно половина россиян (47%) считают свой город или село чистым и ухоженным, и практически столько же (50%) уверены в обратном – что место, где они живут, грязное и неухоженное. Москвичи считают свой город чистым вдвое чаще (72%), чем жители других мегаполисов и крупных городов (36 и 33% соответственно); последние же две группы респондентов замет-

но чаще всех прочих (59 и 63% соответственно) говорят о неухоженности и загрязненности мест своего проживания.

Каждый второй россиянин (50%) полагает, что его город (село) в последние годы становится более чистым (среди москвичей об этом говорят 85%); 17% респондентов находят, что место их проживания, наоборот, становится грязнее, и еще около трети опрошенных (30%) считают, что в этом отношении там, где они живут, ничего не меняется.

Состояние улиц и дворов возле своих домов участники опроса оценивают более позитивно, нежели состояние городов или сел, в которых проживают: 60% опрошенных полагают, что эти дворы и улицы чисты и ухожены; противоположной точки зрения придерживаются 38%. Это не удивительно – большинство респондентов (63%) убеждены, что сами жители города (села), где они живут, придают значение тому, чтобы их двор и улица были чистыми (31% уверены, что это не так). Более того, практически такая же доля опрошенных (61%) когда-либо сами участвовали в уборке территории во дворе и на улице около своего дома (38% – не участвовали), а 77% заявили, что готовы принять участие в субботнике, если таковой будет объявлен (не готовы – лишь 18%).

По мнению трех четвертей опрошенных (75%), чистый двор – это

в первую очередь двор, где не мусорят; 21% респондентов полагают, что это место, которое прежде всего хорошо убирается. Кто несет основную ответственность за чистоту и ухоженность дворов и улиц – жители окрестных домов или коммунальные службы? Треть опрошенных (33%) считают, что в большей мере за это ответственны сами граждане, 11% – что ЖКХ. Но свыше половины россиян (55%) убеждены, что ответственность за состояние улиц и дворов в равной мере лежит и на гражданах, и на коммунальных службах. Более того, 70% респондентов полагают, что участвовать в уборке улиц тоже должны как коммунальные службы, так и сами жители; лишь 17% опрошенных целиком возлагают эту обязанность на коммунальщиков.

Людмила Преснякова

Общероссийский опрос населения 9–10 июля 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Время выхода на пенсию

Как известно, сегодня в России женщины выходят на пенсию в 55 лет, мужчины – в 60. Судя по данным одного из опросов ФОМа, у респондентов нет единого мнения о том, насколько это подходящий возраст для выхода на пенсию. Но в одном они согласны – пенсионный возраст не должен быть выше, чем сейчас. Звучащее время от времени предложение повысить пенсионный возраст поддержали в общей сложности только 5% респондентов (2% – повысить только для мужчин, 1% – для женщин, 2% – для тех и других), тогда как подавляющее большинство (89%) заявили, что делать этого не следует.

Относительное большинство наших сограждан считают установленный ныне возраст выхода на пенсию оптимальным (54% – для мужчин, 49% – для женщин). Завышенным называют пенсионный возраст мужчин 38% опрошенных (большинство этих респондентов – 28% по выборке в целом – придерживаются мнения, что мужчины должны выходить на пенсию в 55 лет). Хотели бы более раннего выхода на пенсию для женщин 43% участников опроса (большинство в этой группе – 35% в целом по выборке – подходящим считают возрастной рубеж в 50 лет).

Три четверти опрошенных (74%) полагают, что женщины должны вы-

ходить на пенсию раньше мужчин, как это и происходит сейчас. Поясняя в ответах на открытый вопрос свое мнение, респонденты говорят о большей нагрузке, ложащейся на плечи женщин, – ведь они не только работают, но и ведут хозяйство (37%), об их физической и эмоциональной слабости в сравнении с мужчинами (19%); кроме того, некоторые апеллируют к традиционному разграничению ролей: женщина должна следить за домом, а мужчина – зарабатывать деньги (9%).

Придерживаются мнения, что пенсионный возраст для женщин и мужчин должен быть одинаковым, 14% респондентов. Одни в обоснование своей позиции указывают на меньшую продолжительность жизни мужчин (4% ответов на открытый вопрос), другие ссылаются

на принцип равноправия полов (2%), третьи – на то, что у женщин в 55 лет еще есть силы работать (2%). Из полученных ответов очевидно, что равенства полов в этом вопросе чаще предлагается достичь за счет снижения пенсионного возраста мужчин, а не повышения возраста выхода на пенсию женщин.

Итак, подавляющее большинство наших сограждан высказываются против повышения ныне установленного срока выхода на пенсию. В то же время две трети работающих участников опроса из числа тех, кто еще не стал пенсионером (вопрос задавался только им), заявляют, что продолжили бы работать по достижении пенсионного возраста, если бы это зависело от них. Чаще всего это связано с невозможностью прожить на пенсию, но довольно многие просто любят свою работу или не хотят выпадать из активной социальной жизни. Предпочли бы прекратить трудовую деятельность по достижении пенсионного возраста треть работающих участников опроса: чаще – по состоянию здоровья, реже – намереваясь заняться другими делами и “пожить для себя”.

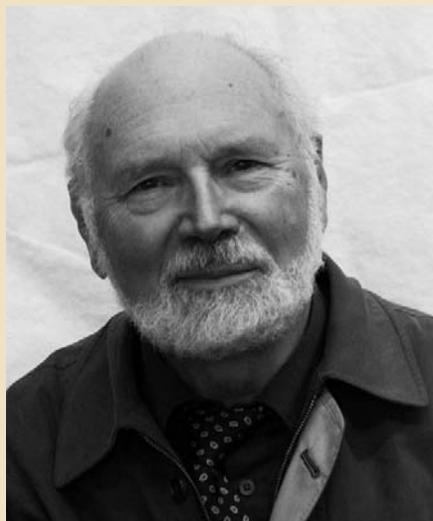
Елена Вовк

Общероссийский опрос населения 23–24 апреля 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

W A P E

У нас в гостях

Андрей Григорьевич Здравомыслов

Профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, основатель “Сообщества профессиональных социологов” А.Г. Здравомыслов занимается социологией еще с аспирантуры Ленинградского университета, обучение в которой завершилось защитой в 1959 году кандидатской диссертации. В своих исследованиях соединяет интерес к теоретической социологии, в том числе к ее методологическим аспектам, с анализом данных эмпирических исследований.

Основные публикации: “Проблема интереса в социологической теории” (1964), “Человек и его работа” (1967; в соавторстве с В.А. Ядовым и др.; переиздана в 2004 году), “Методология и процедура социологических исследований” (1969), “Потребности, интересы, ценности” (1986). В последние годы им опубликованы: “Социология конфликта”, “Международные конфликты в постсоветском пространстве”, “Социология российского кризиса”, “Немцы о русских на пороге нового тысячелетия”. Постоянный автор таких периодических изданий, как “Социологический журнал”, “Общественные науки и современность”, “Социологические исследования”.

Андрей Григорьевич был гостем ФОМ-Клуба. Предлагаем читателю ознакомиться с его ответами на вопросы, которые задавали члены Клуба.

? 1. Социология развития и/или Развитие социологии

Г.К. Витрук. Здравствуйте, Андрей Григорьевич! В мире все взаимосвязано и все меняется.

На мой взгляд, социология – одна из тех наук, которая изучает как раз не только взаимосвязи сегодня (как бы разрез статического состояния), но и развитие взаимосвязи. Анализ изучения невозможен, на мой взгляд, без применения критериев *нормы (здоровья)*. Иначе как определить, насколько нормально состояние сознания общества и насколько нормально развитие этого общества, в ту ли сторону идем?

Есть ли в современной социологии понятие нормы состояния и нормы развития? Если есть, то они должны быть признаны всеми социологическими слоями (наука, политика, религия, бизнес и т. д.)?

Если нет, то ведется ли где-либо и кем-либо работа по определению критериев *гармоничного развития* – как *нормы*?

В различных доктринах и концепциях – государственных и международных – есть формулировки КУР – концепции устойчивого развития (достаточно неопределенные, как мне кажется), сформулированы права человека – узаконенные показатели нормы человеческих взаимоотношений. Но “устойчивый” – это следствие “гармоничный”. Ведь если развитие взаимоотношений идет гармонично, то конфликты (показатель качества взаимосвязей) не возникают, так как развитие согласованное и сонастроенное.

При этом я нигде не обнаружил даже упоминающий об основополагающем, на мой взгляд, праве человека – *праве человека на гармоничное развитие*. Может ли социология помочь выработать формулировку и принципы реализации данного права?

На мой взгляд, истоки всех конфликтов (войны, террор, разводы в семьях, болезни) лежат в плоскости негармоничного развития человека и общества.

Надеюсь, что если все-таки удастся объединенными усилиями заинтересованных в собственном развитии (желательно: гармоничном = устойчивом) сторон (например, я + Вы + кто еще?) определить принципы и признаки гармоничного развития, то удастся найти эффективные способы преодоления конфликтов разных уровней; способы профилактики конфликтов; способы антитеррористического просвещения и т. д.

А.Г. Здравомыслов. Уважаемый Герман!

Спасибо за вопрос, который мне дал возможность еще раз обратиться к моей излюбленной теме – социологии конфликта как средству понимания реальности.

Я несколько задержался с ответом на Ваше письмо. Отчасти это произошло потому, что в нем содержится сразу довольно большой круг вопросов. Я насчитал по крайней мере порядка восьми вопросов. Но я их попытаюсь объединить в четыре позиции.

Россия в данный момент характеризуется состоянием аномии, то есть отсутствием норм, которое наступает всегда в период решительных переломов

1. Вопрос о норме в общем плане в социологии имеет довольно большую традицию. Например, это одно из главных понятий в теоретической системе Талкотта Парсонса. Это особенно ясно в его работах, посвященных теории социального действия. По сути дела, этот автор обращает внимание на норму как на основной механизм регулирования целеполагания. При разработке этой идеи он опирается на уже имеющуюся традицию, которая восходит к французскому классическому социологу Эмилю Дюркгейму – теоретику солидаризации (см.

подробнее об этом в работах А.Б. Гофмана). В российской литературе на эти идеи обращал внимание еще раньше Богдан Кистяковский (работа “Критерии необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений”), а в советское время – Юрий Александрович Замошкин, который проводил различие между нормами-целями и нормами-долженствованиями. В свою очередь, он опирался на идеи Роберта Мертона и Макса Вебера. Последний проводил различие между двумя видами рациональности – целеполагающей и субстанциональной. Это, кажется, и есть главный вопрос, который Вас интересует.

2. Пойдем дальше. Вы спрашиваете о том, как должны быть признаны эти теоретические положения. Да, Вы правы, есть Конституция, которая и есть практическое признание со стороны общества-государства базовых норм. Но разработка Конституции и Гражданского кодекса осуществляется вовсе не на основе социологического теоретизирования и признанных в социологии теорий. Отчасти потому, что в социологии далеко не все направления исходят из идеи нормативности. Феноменологическая социология по своему определению не рассматривает эти вопросы, а сейчас это наиболее влиятельное направление в системе преподавания. С другой стороны, Конституция и законы, на ней основанные, представляют собою нормативную базу общества. Особенно в тех случаях, когда законы опираются на развитое правосознание и когда люди с молоком матери усваивают различие – что можно, допустимо, а что недопустимо и нельзя делать. Россия в данный момент характеризуется состоянием аномии (то есть отсутствием норм), которое наступает всегда в период решительных переломов.

Заметьте также, что принятие Конституции или любого иного нормативного документа не является результатом научной деятельности. Это результат политической борьбы, и любая конституция – своего рода компромисс между политическими силами, участвующими в его разработке. Наука не может нести ответственность за политику. Лучший ее результат – подготовка кадров, которые бы могли усвоить достижения научной мысли для будущих политиков или руководителей крупного бизнеса.

3. Далее Вы переходите к идее гармонического развития. Я не знаю Ваш возраст, но, исходя из Вашего вопроса, предполагаю, что Вы не знакомы с советской системой воспитания гармоничной

личности или всесторонне развитой личности. Это ведь один из постулатов утопического коммунизма, перенесенный уже в советское время в Программу КПСС. Ясно, что трансформация социальных отношений предполагает отказ от всякого рода утопических – невозможных для реализации – проектов. Гармония бывает как миг, момент переживания счастливого состояния, когда вы добились серьезного успеха. Но через некоторое время у вас появляются новые желания, и так без конца. Если же под гармонией понимать состояние покоя, то, по сути дела, оно наступает тогда, когда в душе человека умирают все желания. А пока он жив, разные желания, интересы, стремления влекут его в разные стороны, и ему предстоит ежедневный выбор между ними.

4. Так что конфликт неустраним ни из индивидуальной, ни из групповой, ни из социальной жизни. И такую задачу, как устранение всех конфликтов, ставить бессмысленно. Конфликты стимулируют, порождают изменения. Это одна из основополагающих идей современной социологии. Подробнее об этом см. в моих двух книгах: “Социология конфликта” (последнее издание 1996 года) и “Социология российского кризиса” (1999 год).

Вопрос в том, как относиться к конфликтам. Лучшее, что может посоветовать социология и что она советует, – это изучать конкретные конфликты и способы их развертывания. При этом мы исходим из того, чтобы по возможности найти способы урегулирования конфликта или согласования интересов сторон, найдя точки пересечения этих интересов. Если таких точек не обнаруживается, то надо признать несовместимость конфликтующих позиций и разойтись, хотя бы на время, пока не изменится ситуация. В этом, по сути дела, и состоит если не гармоничная жизнь, то по крайней мере нормализация отношений. Нужно уметь признавать различие, несовпадение интересов лиц, сторон, политических партий, членов семьи и т. д., чтобы делать жизнь свою собственную и других людей переносимой. При этом надо иметь в виду, что некоторые участники конфликта могут провоцировать конфликтные ситуации в своих целях и интересах, иногда вполне отчетливо сознавая эту свою провокационную деятельность, иногда стихийно подталкиваемые к разжиганию конфликта на основе интуиции или прорыва накопившихся эмоций.

Этим я ограничусь, for every man has business and desire such as it is.

2. Современные тенденции в политической жизни России

Ю.С. Тищук. Мой вопрос краток, но непросто. Всем понятно, что в последние годы политическая жизнь страны крайне динамична. Настолько, что даже известные политаналитики не могут достоверно назвать основные тенденции ее развития и спрогнозировать, во что они выльются хотя бы через год. Суверенностью заявляю, что в современ-

Нужно уметь признавать различие, несовпадение интересов лиц, сторон, политических партий, членов семьи и т. д., чтобы делать жизнь – свою собственную и других людей – переносимой

ности политика пронизывает все сферы жизнедеятельности общества без исключения. *Наша жизнь – политика* (лишь в разных аспектах). Именно поэтому необходимо выяснять, так какие же тенденции можно выделить как основополагающие, т. е. которые зарождаются сейчас и останутся основными на ближайшие несколько лет? Сможете порассуждать по этому поводу? Или, может, таких тенденций вовсе и нет?

А.Г. Здравомыслов. Уважаемая Юлия Сергеевна! Давайте попробуем порассуждать. Но важно выбрать предмет рассуждения. То, что Вы предлагаете, называется политологическим прогнозом. Исходное Ваше суждение о том, что наша жизнь вся пронизана политикой, мне представляется абсолютно верным. Это действительно так!

Теперь следующий тезис. Чтобы заглянуть в будущее, нужно внимательно присмотреться к прошлому. В то же время важно выбрать масштаб: сколько отдаленное прошлое?

Ограничимся пока путинским и ельцинским периодами.

Для путинского периода характерна неустойчивая стабилизация. Это особенно отчетливо просматривается при сравнении с периодом ельцинским, который означал полную дестабилизацию. Основной итог ельцинского периода – создание неуправляемого олигархического режима, который называли по-разному: “бандитский

капитализм” – наиболее часто встречающаяся формула¹.

С точки зрения социолога, наиболее интересен был поворот от массовой поддержки к массовому негодованию по отношению к режиму власти. Перед Путиным стояла сложнейшая задача – восстановить доверие к государству. И он кое-что сделал в этом направлении. Во всяком случае, об этом свидетельствует сохраняющийся высокий рейтинг президента. Некоторые аналитики полагают, что этот рейтинг выражает лишь надежду на лучшее будущее со стороны массового сознания. Думаю, что это верно лишь отчасти. Гораздо важнее то, что Путин дал понять, что государственная власть не будет идти на поводу у крупного российского капитала.

Иными словами, проект Путина, который он не особенно афиширует, состоит в превращении Российского государства в государство социальное. И в этом – одна из тех тенденций, которые Вы ищете.

Но именно – одна из тенденций, которой очень сильно сопротивляются две мощные силы, претендующие на полновластие в России. Во-первых, крупный капитал. Основная тенденция, связанная с его господством, – продолжать то, что было при Ельцине: обогащение верхов и превращение все большей части населения в нищих в буквальном смысле слова. В России продолжается процесс пауперизации. Преступность, бродяжничество, детская массовая беспризорность, оскорбительная политика по отношению к пенсионерам (путем монетизации льгот), удорожание жилья, алкоголизация населения, распространение наркотиков, прости-

вается идея его ненужности. Нужными чувствуют себя только успешные люди, а таких около четвертой части населения. Остальные либо разочаровались в своих притязаниях, которые столь четко руководили их поступками 15–20 лет тому назад, либо превратились в циников, которых не волнуют не только нужды общества, но и до своих ближних порою нет никакого дела.

Первая модель – *социальное государство* – одна из тенденций.

Пауперизация общества и его одичание на этой основе – другая тенденция.

Как правило, ни одна из крайних тенденций не может быть реализована в полной мере. История идет не по прямой, а с завихрениями. Непоследовательности гораздо чаще встречаются, чем реализация рациональных проектов.

Мне представляется, что до конца нынешнего президентства будут продолжаться колебания между этими крайностями.

Причина этому – наличие третьей силы в российском обществе (первая – это государство, представленное президентом, вторая – крупный капитал). Третья сила – государственная власть, представленная *классом чиновников*.

Чиновник – фигура промежуточная, стоящая между двумя первыми силами. Он хочет что-либо урвать от олигарха, воспользоваться ситуацией. И в то же время – не попасться с поличным при все более устрашающемся законодательстве.

Население же как таковое не включено в активный политический процесс. Оно – в настоящее время – вновь стало *объектом политики*, а не *субъектом ее*, как это представлялось в еще доельцинский, начальный период перестройки.

Более детальный прогноз должен был бы опираться на следующую эмпирическую базу:

- данные о распределении доходов, показывающие силу приверженности первому варианту и степень погруженности во второй вариант – в болото;
- детальный анализ законодательного процесса, включая практику лоббирования (в том числе выявление причин непринятия Закона о прогрессивном налогообложении);
- более основательное изучение центра власти, т. е. президентского окружения;
- перспективы завершения чеченского кризиса.

Население не включено в активный политический процесс. Оно в настоящее время вновь стало объектом, а не субъектом политики

туирование значительной части молодежи – все это разные аспекты пауперизации-бомжевания, которые все в большей степени становятся элементом повседневности, характеристикой российского образа жизни. Для многих людей сама жизнь не приносит радости, разочаровывает. Ее смысл теряется, ибо в сознание каждого настойчиво вдалбли-

¹ Картина трансформации умонастроений россиян детально представлена в монографии: Докторов Б., Ослон А., Петренко Е. Эпоха Ельцина: мнения россиян. М., Институт Фонда “Общественное мнение”. 2002. (Примеч. ред.)

Мне представляется также, что ФОМ мог бы многое сделать для прояснения ответа на поставленный Вами вопрос, если бы сказанное выше стало предметом обсуждения при формулировании оперативных задач опросов.

То, что я сформулировал, пытаюсь ответить на Ваш вопрос, можно было бы рассмотреть в качестве некоей исходной гипотезы.

3. Теория стратификации

В.А. Аникин. Уважаемый Андрей Григорьевич! Я хотел бы у Вас спросить про особенности понимания стилевой стратификации в рамках аукционистской (индивидуалистской) точки зрения – скажем, М. Вебером и Л. Тевено? В чем состоит преемственность взглядов французского социолога относительно толкования явления образования новых жизненных стилей и определения их границ? Предлагая новый взгляд на проблему согласования требований совершения действия, каким образом Тевено увязывает детерминизм ценностей со свободным выбором средств для их достижения?

С уважением, Василий.

А.Г. Здравомыслов. Здравствуйте, Василий! Ваш вопрос – сугубо профессиональный. Прежде всего в том смысле, что ответ на него предполагает самостоятельное исследование поставленной Вами проблемы. И возможно, что такого рода исследование могло бы быть предметом неплохой кандидатской диссертации, выполненной в рамках теоретической социологии.

Я не являюсь специалистом по современной французской социологии и могу лишь скорректировать саму постановку вопроса.

Прежде всего, в Вашем вопросе почему-то акционистская точка зрения (у Вас было написано “аукционистская”), то есть точка зрения теории социального действия, отождествляется с индивидуалистической позицией. На мой взгляд, это неверно. Далеко не все сторонники теории социального действия могут быть отнесены к индивидуалистическо-либеральной традиции в истории социологии.

Так, Парсонс, Хабермас, Бурдьё, Гидденс и другие современные теоретики – каждый по-своему – рассматривают социальное действие сквозь призму социальности как коллективности (а не только че-

рез идею смысла) – через понятие нормы, коммуникативного действия, социального пространства или структуризации. Куда ни кинь, всюду действие отнюдь не индивидуализировано, а социально. Вообще, на мой взгляд, категория социального действия является обобщающим и специфическим понятием (базовой категорией) современной теоретической социологии. Поэтому, кто бы ни занимался обсуждением теоретических вопросов в социоло-

Социология – одна из тех наук, которая изучает не только взаимосвязи сегодня (как бы разрез статического состояния), но и развитие взаимосвязи

гии, он не может уйти от интерпретации социального действия, от понятия актора (субъекта действия) и т. д. Здесь не только Вебер, но и Маркс, и вся классика социологии.

Что касается традиции, то Болтански и Тевено в своей работе “Социология критической способности” (“Журнал социологии и социальной антропологии”. 2000. № 3) обращаются к гораздо более широкому источникам – от “Града Божия” Св. Августина и от Т. Гоббса до Адама Смита и Сен-Симона (при этом ссылок на Вебера не наблюдается). Тевено в центральной своей работе “Об оправдании” (возможно, что уже есть перевод?) рассматривает способы легитимации действия, которые привязываются не к классам (марксизм – через классовый интерес), не к статусным группам (Вебер) и тем более не к человечеству вообще, а к характеристике некоторых “миров” (именно их Вы, видимо, имеете в виду, когда спрашиваете о жизненных стилях).

Мне представляется, что здесь можно гораздо явственнее обнаружить связь с основными идеями Хабермаса (противоположность “жизненного мира” и “системы”), чем с Вебером.

Напомню обозначения предлагаемых Тевено миров: 1. Мир вдохновения, 2. Домашний мир, 3. Гражданский мир, 4. Мир мнения, 5. Мир рынка, 6. Индустриальный мир (ук. соч., с. 76 и далее).

Здесь как раз недостает двух миров, на которых сосредоточено было внимание М. Вебера: мир воинский и мир институционализированной сакральности. А именно в понимании этих двух миров,

возможно, – ключ к пониманию истории XX века (если принять, что центральным его событием была Вторая мировая война) и к проблемам современного российского общества.

Связь же детерминации ценностей со свободой выбора Тевено осуществляет, разрабатывая центральные вопросы философии и социологии морали (здесь можно было бы обратиться к работам О. Дробницкого) – прежде всего, отталкиваясь от идеи справедливости и ее восприятия в рамках различных миров.

Через соотношение справедливого и несправедливого (действия) осуществляется регулирование свободы выбора. Но в каждом из обозначенных миров соотношение это – свое собственное. Так, то, что необходимо (справедливо) “вдохновенному сознанию”, может не совпадать с ценностями “домашнего мира”, и т. д. Описание этих миров весьма конструктивно – тем более что для этого используется и современная литература по менеджменту.

В российской традиции проблема легитимации действия тщательно исследовалась в художественной литературе. Например, при характеристике Катюши Масловой у Л.Н. Толстого четко выражена мысль о том, что любой человек, совершающий неодобряемый поступок, в своем сознании строит систему аргументов, оправдывающих его поведение в собственных глазах. Или Достоевский в “Преступлении и наказании” – обоснование убийства “никчемной старухи-процентщицы” весьма сложной аргументацией, выстраиваемой Раскольниковым и построенной на сопоставлении себя с Наполеоном, и т. д.

Через соотношение справедливого и несправедливого (действия) осуществляется регулирование свободы выбора

В собственно социологической литературе можно посмотреть Б. Кистяковского – “Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений” или “Необходимое и должное в культурном творчестве”. Думаю, что основной смысл публикаций Тевено заключается в привлечении внимания к проблематике нравственного выбора и ответственности в социальном дейст-

вии и анализе этой проблематики. О том же и моя публикация по поводу оценки экономической элиты массовым сознанием. Пока остановимся на этом. Но было бы неплохо продолжить в той или иной форме.

4. Социалистическая и современная трудовая мотивация

Ю.И. Феодоритов. Уважаемый Андрей Григорьевич! Первое издание “Человек и его работа”, увидевшее свет в 1967 году, превратилось в настольную книгу двух поколений отечественных социологов и переиздано в США, ГДР, Польше и Венгрии.

С тех пор минула эпоха – и все пертурбации происходили на Ваших глазах.

Как Вы думаете, все ли главные мотивации трудового поведения были отражены в этом труде? Не было ли упущено нечто такое, что нашло потом выражение в приватизации, обесценивании ваучеров (за счет выпуска акций владельцами предприятий и сокрытия дивидендов) и т. п. “несоциалистических” формах трудового поведения?

А.Г. Здравомыслов. Уважаемый Юлий Иванович! Подробный ответ на Ваш вопрос

содержится в авторских комментариях и Заключение в новом издании книги (“Аспект-Пресс”, 2003 год). Три проблемы мы не проработали достаточно обстоятельно: 1. Специфику поколения; 2. Проблемы культуры труда; 3. Проблематику организации труда (см. стр. 480–482 и др. разделы этого издания книги).

Что касается связи мотивации трудового поведения с последующим ходом развития событий, то она состоит в том, что была зафиксирована довольно высокая доля неудовлетворенности работой. В дальнейшем – в 1983 году – Т.И. Заславская пошла дальше, раскрыв в своем новосибирском докладе незаинтересованность работников в эффективной работе во всем диапазоне социальных отношений. В этом докладе содержался вывод о необходимости радикального изменения производственных отношений социализма. Разумеется, здесь еще не было вывода о приватизации, так как вся общественная мысль до 1989 г. оставалась в пределах общей идеи совершенствования социализма (допускался рыночный вариант как путь совершенствования организации труда). Практика же шла уже в это время дальше – создание кооперативных предприятий было первым

шагом на этом пути, а затем уже разные формы приватизации.

5. Конструирование этноса

Ю.В. Чернявская. Хотелось бы спросить Андрея Григорьевича, разделяет ли он точку зрения В.А. Тишкова о конструктивной природе этноса. Причем, по Тишкову, конструирование осуществляется не этнофорами (непроизвольно), а исследователями в достаточно манипулятивных целях. Подчеркну: речь идет о конструировании не нации, а именно этноса. Такую мысль Тишков настойчиво проводит в книге “Реквием по этносу”. Если Андрей Григорьевич разделяет эту точку зрения, просьба уточнить, какими путями это конструирование происходит.

А.Г. Здравомыслов. Юлия Виссарионовна! В нашей литературе, посвященной проблемам этноса, сложилось по меньшей мере четыре точки зрения по вопросам, которые Вы затрагиваете. Примордиалистское толкование, конструктивистское (В.А. Тишков и некоторые другие), точка зрения этносоциологии (Л.М. Дробижева) и моя позиция, которая малоизвестна. Но она представлена в библиотеке Клуба несколькими публикациями, в том числе и статьей, написанной совместно с А. Цуциевым, – “Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм” (“Социологический журнал”. 2003. № 3).

Валерий Александрович Тишков, руководствуясь весьма похвальными намерениями – обеспечением приоритетности гражданского самосознания над этническим, – упрощает реальное положение дел и игнорирует тот факт, что этническое самосознание складывается в процессе первичной социализации индивида. Оно может быть понято лишь в соотнесении с иными этническими (или национальными – в данном случае большой разницы нет) структурами самосознания. Эти структуры существуют объективно, т. е. независимо от усилий политиков, которые могут в том или ином направлении разворачивать свои действия, играя на оскорбленных чувствах, стереотипах, мифах и т. п. В одних случаях они могут действительно способствовать усилению гражданских чувств (но

для этого нужна очень высокая политическая культура), в других – и это бывает гораздо чаще, к сожалению, – они пробуждают низменные инстинкты, дремлющие в сознании доцивилизованного человека. С такой практикой мы, увы, только что столкнулись и в известной передаче “К барьеру”², и в отвергнутом письме некоторых парламентариев, и т. д.

Законь социальной жизни таковы, что политические интересы проникают всюду. Любое новое недовольство уже сложившиеся политические силы обязательно используют в своих целях

Этническое самосознание народа – очень тонкий инструмент, в нем осуществляется постоянное сопоставление “нас” и “их”. Моя точка зрения называется “*релятивистская теория нации*”. Помимо названной публикации она выражена в Предисловии и Заключение моей последней книги “*Немцы о русских на пороге нового тысячелетия*”. Думаю, что она присутствует и в самом содержании этой книги.

6. О мотивации политического участия молодежи

Д.Е. Москвин. Уважаемый Андрей Григорьевич! В последние месяцы особенно возросло количество акций протеста, которые организуются теми или иными молодежными организациями. Как Вы считаете, этот процесс связан с естественными социальными и политическими процессами в России (недовольство политикой властей, отсутствие иных каналов для выражения своего мнения и донесения своей позиции до власти)? Или же молодежь является лишь инструментом в руках неких политических сил?

А.Г. Здравомыслов. Уважаемый Дмитрий Евгеньевич! На мой взгляд, при анализе молодежных движений и группировок важно обращать внимание на их содержательные характеристики, через которые можно подойти и к ответу на Ваш вопрос. Есть более или менее автономные

² Имеется в виду передача “К барьеру!” с участием А. Макашова, вышедшая в эфир на телеканале НТВ в первой декаде февраля 2005 года (*Примеч. ред.*).

движения и инициативы, например организация конкурсов и состязаний различного типа. Есть и противоположные варианты, заведомо манипулируемые или направляемые на разжигание национальной розни.

В целом же законы социальной жизни таковы, что политические интересы проникают всюду. Любое новое недовольство уже сложившиеся полити-

Всякий акт познания может рассматриваться как освоение послания. Послание может быть истинным, ложным, в какой-то части истинным, в какой-то ложным

ческие силы обязательно используют в своих целях, или, как Вы пишете, превращают молодежь в “инструмент” в своих руках.

Кстати, нынешняя ситуация характеризуется повышением социальной активности не только молодежи, но и пенсионеров. Механизм развития ситуации здесь таков: правительство совершает ошибку (не учитывает реальных интересов или мнения значительных слоев населения) – возникает массовая реакция протеста, требующая исправления ошибки, – эту реакцию стремятся (вполне законно) использовать политические партии: а) более четко формулируя задачи протеста, б) организуя акции протеста, в) привлекая внимание к своей партии.

7. Теория познания

Е. Алексенцева-Тимченко. Уважаемый Андрей Григорьевич! Мой вопрос касается теории познания, а именно – понятий, раскрывающих ее.

В основном гносеологию и эпистемологию отождествляют. Хотя, на мой взгляд, эти понятия различны. А если и существуют в литературе различия, то объяснения по этому поводу довольно запутанны. Не будете ли Вы столь любезны разъяснить, в чем, по Вашему мнению, различие между эпистемологией и гносеологией?

А.Г. Здравомыслов. Уважаемая Екатерина, гносеология – не моя специализация. В со-

циологии такие тонкие различия, о которых Вы пишете, просто не учитываются. И все же я решил посоветоваться со специалистом, в качестве которого почитаю известного, ныне живущего Эриха Юрьевича Соловьева. Он подтвердил то, что Вы утверждаете в Вашем вопросе, а именно, – что существенных различий между терминами не существует. Некоторым авторам термин “гносеология” просто надоел, и они употребляют якобы более современный термин “эпистемология”. В обоих случаях имеется в виду теория познания.

Однако, размышляя далее над этим вопросом, я обращаю внимание Ваше на следующие тонкости.

Гносис = знание, стремление к истине.

Эпистемология идет от другого корня – эпистола = послание³. Всякий акт познания может в этой связи рассматриваться как освоение послания. Следовательно, употребление этого термина имеет в виду многозначность воспринимаемой реальности, неоднозначность содержания самого знания, ибо послание может быть истинным, ложным, в какой-то части истинным, в какой-то ложным. Оно предполагает также наличие субъекта послания, который может руководствоваться разными намерениями, и т. д. Вот здесь уже вступает в силу социологическая проблематика: чем определяются мотивы субъекта послания и мотивы воспринимающего послание (субъекта познания). Реальная социальная коллизия и драма убежденности в истинном знании и успехе дезинформации – начало Великой Отечественной войны. Немцы уже перешли границу, а Сталин все еще приказывал не давать повода для провокаций.

8. Социология в районных городах

К.Н. Михалицын. Уважаемый Андрей Григорьевич, скажите, пожалуйста, на Ваш взгляд, с чего можно начать исследования в небольшом городке (150 тыс. чел.) в области маркетинга, чтобы добиться результата максимально объективного?

А.Г. Здравомыслов. Уважаемый Константин Николаевич! Маркетинговые исследования в небольшом городе – дело кропотливое. С чего начать? Во-первых, определить структуру

³ Более традиционный взгляд на этимологию слова “эпистемология” связывает его происхождение с греческим словом *epistēmē* – истина (см., напр.: “Российский энциклопедический словарь”. М. 2000. Т. 2. С. 1850). (Примеч. ред.)

фирм, заинтересованных в такого рода исследованиях.

Во-вторых, попытаться разобраться со структурами рынков. Ведь даже в небольшом городке есть спрос на самые разные товары и услуги, и, следовательно, есть не просто рынок, а рынки. Например, рынок стройматериалов или рынок по обслуживанию автотранспорта, или рынок женской парфюмерии, продуктов питания и т. д.

Маркетинговое исследование должно быть точно направлено. Кто продает? Что продает? Кто покупает? На каких условиях? Качество предлагаемой услуги, товара? Чего хочет заказчик – расширять дело и свой рынок за счет расширения потребителей, и тогда – на какой уровень он может опустить цены для решения этой задачи? Или он хочет работать на наиболее зажиточный круг людей и способствовать созданию городской элиты? Здесь – изучение турфирм. Но важно, чтобы был заказчик, с которыми Вы должны обсуждать проект исследования и заслужить у него доверие. Есть ли конкуренты, возможно ли объединение их интересов?

Итог маркетингового исследования – описание ситуации спроса и предложения, сравнения по интервалам во времени – например по месяцам – и т. д.

Франц Эдмундович Шереги в Москве – один из наиболее продвинутых специалистов в маркетинговых исследованиях. Я бы посоветовал связаться с ним и проконсультироваться.

9. Дистанционное обучение

А. Соловей. Уважаемый Андрей Григорьевич! Как Вы считаете, возможно ли будет создание высших учебных заведений, специализирующихся на дистанционном обучении студентов (например, с помощью сети интернет), и оправданно ли будет их создание?

А.Г. Здравомыслов. Уважаемая Антонина!

В практике ГУ–ВШЭ широко используется электронная переписка преподавателя со студентами. Она не заменяет непосредственного общения, но интернет предоставляет новые и весьма существенные ресурсы, которыми мы сейчас и пользуемся.

В чем Вы видите препятствие?

Комментарий А.Г. Здравомыслова к интернет-беседе

Прежде всего мне хотелось бы поблагодарить всех участников состоявшейся беседы. Отмечу, что приняли участие в ней девять человек, но вопросов было задано гораздо больше. Некоторые авторы вопросов имеют достаточно высокую профессиональную подготовку (или стремятся к ней), у других проявляется любительский интерес (взгляд на социологию со стороны).

Теперь можно произвести некоторую классификацию самих вопросов и прокомментировать их, возможно, внося некоторые уточнения в мои ответы. Мне представляется, что вопросы могут быть сгруппированы в четыре рубрики:

1. Общие вопросы социологической теории (*вопросы 1, 2, 3*);
2. Вопросы, относящиеся к некоторым направлениям социологии (социология труда, социология молодежи, социология этничности) (*вопросы 4, 5, 6*);
3. Экзотический вопрос о гносеологии и эпистемологии (*вопрос 7*);
4. Вопросы прикладного характера (*вопросы 8, 9*).

Что касается моих ответов, то я пытался не выходить за пределы заданных вопросов и стремился

В любой системе образования следует поддерживать должное качество отношений “учитель-учащийся”. Здесь не может быть ни равенства, ни тем более панибратства. Это, пожалуй, наиболее сложная задача

ответить по существу, по возможности “не растекаясь мыслью по древу”. Думаю, что приведенные мною ссылки на источники, в которых более основательно и в печатной форме рассматривается тот или иной вопрос, имеют значение, если спрашивающий захочет более основательно разобраться в существе вопроса.

Начну с прикладных вопросов (К. Михалицын и А. Соловей), которые трудно комментировать. Хотелось бы через некоторое время узнать, как же обстоят дела у К.Н. Михалицына, что будет способствовать успеху, что станет главным препятст-

вием, и найдет ли он поддержку своим начинаниям.

Что касается перспектив использования интернета в практике преподавания, то здесь есть одна трудность, которую, возможно, А. Соловей имела в виду, но не решалась высказать. Эта трудность состоит в том, что студенты при написании эссе или рефератов не обременяют себя действительной проработкой материала и работой с книгой или журналом. Чаще они пользуются активно поисковыми системами и ресурсами интернета, не вни-

Бедное население России не формируется как класс с едиными интересами, да и “новые русские” не имеют единой классовой платформы, объединяющей их в политическом отношении

кая в содержание проблематики. Более того, студенты, принадлежащие к обеспеченным семьям или имеющие высокие заработки на стороне, пользуются заказными материалами и таким образом создают видимость овладения знаниями. Бывает, что они “качают права” при сдаче экзамена и оказывают давление на преподавателя. Это зависит от атмосферы вуза или факультета. Там, где студент рассматривается в качестве “клиента”, а преподаватель – в качестве “работника сферы услуг”, может складываться нездоровая атмосфера преподавания-обучения. Таковы издержки коммерциализации образования.

Но против этого можно использовать несколько средств: письменные материалы обязательно дополнять устным собеседованием и таким образом ставить оценку студенту за вербальное овладение изучаемым предметом; преподаватель может овладеть средствами электронного контроля; администрация факультетов, вузов, сами кафедры не должны допускать хамства со стороны студентов. В любой системе образования следует поддерживать должное качество отношений “учитель-учащийся”. Здесь не может быть ни равенства, ни тем более панибратства. Это, пожалуй, наиболее сложная задача.

На примере этого вопроса видно, как меняется его содержание – из прикладного он превращает-

ся в многогранный, затрагивающий самые чувствительные нервы системы современного образования.

Теперь обратимся к вопросам теоретического характера.

В эту группу я отнес три вопроса. Два из них (вопросы Г. Витрука и В. Аникина) исключительно многоплановы. Третий вопрос (Ю. Тищук) краткий, но очень важный: о прогнозировании тенденций политического развития страны.

В своем ответе я опираюсь на теорию стратификации и на социологию конфликта. В России – как и во всяком сложно организованном обществе – одновременно действуют разные, подчас противоположные тенденции. Какая из них одержит верх, предсказать никто не может. В 80-е годы лишь несколько известных мне авторов прогнозировали распад СССР. Это американский социолог Рэндалл Коллинз и эксперт по истории (ныне член Французской Академии) Элен Каррер д’Анкосс. Но эти прогнозы никто не принимал тогда во внимание. Даже позже – на начальном и среднем этапе перестройки – никто из российских политиков не анализировал возможности распада государственности и тотальности социального кризиса 90-х годов. Общий фон российской политики ныне заключается в продолжающихся высоких темпах социальной дифференциации. В то же время эта дифференциация не означает классового конфликта. Бедное население России не формируется как класс с едиными интересами, да и “новые русские” не имеют единой классовой платформы, объединяющей их в политическом отношении.

К тому, что было уже сказано в моем ответе, мне хотелось бы сделать несколько добавлений. Во-первых, я считаю, что это самый серьезный вопрос из всех заданных. Это значит, что к этому вопросу каждому из нас придется возвращаться вновь и вновь. Во-вторых, к тем тенденциям, которые были мною обрисованы, можно было бы добавить количественные данные. Так, в книге “Россия – новая социальная реальность. Богатые, бедные, средний класс” (Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: “Наука”, 2004) можно найти следующие результаты. Четвертая часть населения страны (в абсолютных цифрах – около 35–40 млн человек) в 2003 году жила в состоянии реальной бедности (измеряемой не просто низкими доходами, а недостатком питания, плохими жилищными условиями, невозможностью своевременно обновлять гардероб

и иными неудовлетворенными жизненными потребностями). И только 5% вели такой образ жизни, который соответствует в массовом представлении образу жизни богатых людей (см. с. 21–22). В-третьих, важно обратить внимание на то, что пропасть между богатством и бедностью возникает во всех регионах страны. И, следовательно, решение проблемы связано не только с макропроцессами, происходящими на общероссийском уровне, но и с политикой региональных властей. Практически именно этот уровень власти играет если не решающую, то очень важную роль как в создании, так и в разрешении обозначенных социальных проблем.

Еще раз повторяю, что, по сути дела, вопрос о тенденциях развития России важен потому, что в нем поставлены проблемы стратификации общества, различия интересов социальных групп, потенциальных конфликтов, которые обязательно будут влиять на каждое событие общественной жизни. Эти конфликты в концентрированной форме сосредотачиваются во властных сферах, во взаимоотношениях власти и общества, властных структур и населения. Но конфликты в России носят многополюсный характер (а не двухполюсный, как это имело место в Европе в XIX веке). Это значит, что поле политики становится более сложным и многомерным.

Вопрос В. Аникина о новых критериях стратификации, по сути дела, касается той же проблемы. Стили жизни стали несравненно более разнообразными, чем в советское время. Если в четко очерченном классовом обществе человек проживает одну судьбу, то в современном обществе человек на протяжении своей жизни претерпевает столь серьезные изменения, что они уже не укладываются в понятие “одной судьбы”. И эта тенденция расширения вариантов и возможностей социализации будет возрастать.

Отсюда и значимость того, о чем спрашивает Г. Витрук, – о нормах и ценностях совместной жизни, о культуре регулирования конфликтов, об усвоении правил общежития, соблюдение которых остается важной предпосылкой существования общества, как бы оно ни называлось.

К вопросу об изучении трудовой мотивации я хотел бы сделать следующее добавление. Кризис советского общества проявлялся в нарастании неудовлетворенности работой, трудом, утратой ценностных ориентиров трудовой и управленческой деятельности. Постсоветское развитие, основан-

ное на институтах частной собственности, не сформировало еще адекватной общей мотивации. Крупный капитал не осознает своей ответственности за положение дел в обществе, за процесс пауперизации населения. Средний и мелкий бизнес оказался в весьма тяжелом положении. Огромные массы трудящегося населения (инженеры, квалифицированные рабочие, врачи и учителя, представители иных массовых профессий) выбиты из колеи, они попали под колесо деиндустриализации и депрофессионализации. И мотивы, основанные на уверенности в стабильности рабочего места, на уважении к квалификации и профессии, оказались подорванными. Огромная масса людей попала в водоворот нисходящей социальной мобильности, что во многих случаях означало психологический крах – неумение и нежелание приспособливаться к доминированию рыночных отношений.

В этих условиях в самой социологии наиболее массовое распространение получила адаптационная модель проведения опросов, в которой заложено представление о пассивности личности. Со-

Если в четко очерченном классовом обществе человек проживает одну судьбу, то в современном обществе человек на протяжении своей жизни претерпевает столь серьезные изменения, что они уже не укладываются в понятие “одной судьбы”

гласно этой модели, человек осознает лишь один мотив – приспособление к новым условиям, которые якобы создаются помимо его самого.

На мой взгляд, более конструктивным является представление о человеке как субъекте своей собственной жизни. И это представление предполагает более детальный анализ трудовой, социальной, политической и нравственной мотивации поведения, людей, основанное на оценке многообразия реальных ситуаций и способов ориентирования личности в современном мире, на отношении к тому социальному капиталу, который – так или иначе – оказался задействованным в новых жизненных обстоятельствах. ■

А.Г. Здравомыслов

“Немцы о русских и о войне на пороге нового тысячелетия”

отрывки из книги

В 2003 году вышла в свет книга профессора А.Г. Здравомыслова “Немцы о русских на пороге нового тысячелетия”. В книгу вошли 22 экспертных интервью с представителями интеллектуальной элиты Германии. Темой этих бесед стало восприятие русских в немецком культурном пространстве. Мы предлагаем вниманию читателей выдержки из одной главы книги – “Память о войне и национальный дискурс”.

Из авторского предисловия к книге

Исследование взаимного восприятия нациями друг друга – дело исключительно тонкое и ответственное, прежде всего потому, что ни один из исследователей не может освободиться от рамок, которые задаются его собственной национальной культурой. Он может стремиться к тому, чтобы понять “другого”, но этот “другой” остается “вещью в себе”; он всегда может заявить, что его неверно поняли или представили, ибо свою культуру и свой народ “он знает лучше”, чем исследователь со стороны. <...>

Ныне ни один из народов не существует вне контактов с другими народами. Эти контакты и представления о “других” оказываются составляющим элементом собственного национального самосознания: “мы” – русские – обнаруживаем свое бытие прежде всего в отношении к “ним”, к “другим”. И прежде всего – к тем из “других”, с которыми у “нас” возникают непосредственные контакты в силу политического, экономического и культурного взаимодействия, наличия общих моментов исторической памяти или просто существования в качестве соседей. В свою очередь то, как “нас” воспринимают “другие”, оказывается одним из самых важных моментов для нашего собственного мироощущения. Сказанное выше и представляет собою суть релятивистской теории нации.

Тема этой книги определялась именно этими соображениями. Взаимное восприятие двух европейских наций друг другом, причем не любых наций,

а тех, которые на протяжении XX века пережили две войны, исход которых в значительной мере определил политическую карту Европы как в 1919 году, так и в 1945–46-м! Оглядываясь назад, можно выдвинуть тезис: обе эти мировые войны были единым событием XX века. Действительно, между окончанием Первой и началом Второй мировой войны прошло всего лишь 20 лет. Только одно поколение солдат родилось и выросло за этот срок. Так что Вторая мировая война во многом продолжалась теми, кто остался в живых после Первой мировой. <...>

В XX веке русские вошли в ряд наций с массовыми диаспорами, разбросанными по всему миру. Можно высказать предположение, что русские как нация, объединяющаяся по принципу общности языка, исходной территории (реальной или воображаемой), традиций и норм культурной коммуникации, относятся к числу наиболее дифференцированных, расколотых, одновременно модернизированных и архаичных наций.

Русские осознают свою общность благодаря тому, что они пользуются одним и тем же языком, благодаря тому, что они либо живут в России, либо оттуда происходят, и благодаря тому, что другие их считают русскими. Однако “другие” их принимают за русских главным образом на основании того, что они сами заявляют о своей русскости. Русские, как и иные национальные группы, – “воображаемая общность”, общность, сконструированная в процессе исторического и культурного взаимодействия с другими. <...>

Перспективы XXI века во многом определяются мерой осознания ценности человеческой жизни, которой противостоят идеи жертвенности и фундаментализма. Надежда на то, что новый век будет менее жестоким, еще не угасла, но и опасения по поводу того, что эскалация насилия, жестокости и терроризма будет продолжаться, имеют серьез-

ные основания. Здесь многое зависит от людей, политиков, дипломатов, военных, гражданских активистов. Решающим фактором благосостояния отдельных обществ и мира в целом может оказаться культура сотрудничества. <...>

В качестве респондентов опрашивались лица, так или иначе связанные с Россией, мнение которых составило совокупную экспертную оценку трансформационных процессов в России.

Нация: кто такие “наши”?

К. Майер. Я думаю, что у немцев это чувство нации не так... не так распространено. У нас есть небольшие группы правых, в политическом смысле правой молодежи, но это не идея, объединяющая всю нацию. На самом деле есть более широкая идея – Европа, а затем уж – немецкая нация! Или немцы, которые отдыхают в Италии, Испании и т. д., – вот это и есть Европа для большей части населения.

Г-Д. Клингеманн. Термин “нация” имеет разное значение для русских и для немцев. Главное различие состоит <в трактовке взаимоотношений> между нацией и государством. В Германии во многих отношениях наблюдается совпадение между нацией и государством. В России все это более сложно. В вашем государстве живут не только русские – в нем гораздо больше наций. Но если мы оставляем за понятием нации культурную идентичность, а за государством – государственную организацию, то я думаю, что мы находимся на верном пути в понимании того, что такое нация.

И. Шютце. А что касается немцев, то я думаю примерно так: слава Богу, что в сознании людей немного национального. И немцы сейчас не очень-то гордятся тем, что они немцы, как это было при нацизме или даже раньше. Я думаю, что очень многие вообще не гордятся тем, что они принадлежат к этой нации. В каком-то смысле я не горжусь тем, что я немка... Я никогда не сказала бы, что я не немка, но я не вижу оснований этим гордиться.

К. Зегберс. О нации. Мое поколение вообще не очень охотно использует этот термин, поскольку это понятие дискредитировано нашими предшественниками. Это наблюдается сегодня в следующем: у нас есть законодательство относительно гражданства, которое предусматривает предоставление немецкого гражданства при очень определенных, ограниченных условиях. Наше понимание гражданства отличается в этом смысле от того, которое существует во Франции. Ну это скорее связано не с тем, где вы родились, – но это связано с кровью. Были у вас предки немецкие, допустим, даже в Поволжье или неважно где – тогда вы являетесь немцем. И вы знаете, к чему это приводит? в некоторых больших городах у нас живут – причем компактно – люди из России, которые приехали сюда как немцы, поскольку у них были немецкие предки... со времен Екатерины Великой. Их дети, да и сами они в какой-то мере, плохо говорят по-немецки, но у них есть паспорт. Рядом с ними живут – тоже компактно – выходцы из Турции, скажем, в четвертом поколении. Они великолепно владеют

Приводятся цитаты из интервью со следующими респондентами:

Д-р **Ольга Александрова**; беседа состоялась 16 июля 2000 года.

Проф. **Клаус Зегберс**, Институт Восточной Европы Свободного университета; беседа состоялась 17 июня 2000 года.

Проф. **Герхард Зимон**; беседа состоялась 16 июля 2000 года.

Д-р **Маркус Кейзер**, Билефельдский университет; беседа состоялась 11 мая 2000 года.

Д-р **Ингрид Освальд**; беседа состоялась 7 мая 2000 года.

Проф. **Ганс-Дитер Клингеманн**, Информационный центр; беседа состоялась 12 мая 2000 года.

Д-р **Клаус Майер**, Институт социологии; беседа состоялась 16 июля 2000 года.

Д-р **Петра Стыков**, Университет Гумбольдта; беседа состоялась 19 мая 2000 года.

Д-р **Хейнц Харбах**, Билефельдский университет; беседа состоялась 11 мая 2000 года.

Проф. **Эрхард Штельтинг**; беседа состоялась 19 июня 2000 года.

Д-р **Питер Шульце**, Представительство Фонда Эберта; беседа состоялась 21 марта 2000 года.

Проф. **Ивонна Шютце**; беседа состоялась 18 мая 2000 года.

Г-н **Тигто Эйхлер**; беседа состоялась 19 июня 2000 года.

Д-р **Питер Яан**, Карлхорст музей; беседа состоялась 7 июля 2000 года.

немецким языком, но у них нет гражданства, поскольку у них другое прошлое: нет предков, нет крови! И на этой основе рождается нечто не очень приятное. Поэтому, видимо, нам предстоит изменить такое положение дел, но пока наше законодательство, особенно наша Конституция, это еще не предусматривает.

П. Шульце. В Германии мы теперь очень редко используем понятие “нация”, очень редко. Мы говорим об обществе, говорим о немецком народе... Мы даже не очень часто используем термин “народ”. Я думаю, что оба эти термина – “народ” и “нация” – утратили свое значение в контексте европейской интеграции. Мы говорим о Германии, мы говорим о Европе. Мы говорим о Германии как части Европы, мы говорим о европейской семье как ассоциации или союзе наций. Так что нация для нас, так же, как и народ, – это своего рода антикварный термин. Антикварный термин, который принадлежит периоду, который уже пройден, преодолен.

Мы употребляем понятия “русские” и “немцы” вне связи с понятием “нация”. Мы говорим о евреях, русских, американцах, южноамериканцах, итальянцах – но это не о русской нации, не об итальянской нации, не об американской нации. Это скорее географические, политические, экономические понятия. Например, мы говорим о рабочих местах для турок – но мы не говорим о турецкой нации.

Х. Харбах. <Понятия> “нация”, “немцы” ничего не означают! <Употребляя эти слова, люди> думают только о паспорте и о твердой валюте, которая стала теперь уже не такой твердой. Например, если вы поедете в Прагу что-нибудь купить для дочери, вы можете купить там массу хороших вещей для нее.

...оба термина – “народ” и “нация” – утратили свое значение в контексте европейской интеграции

Это и есть национализм! Молодежь теперь крепкая, здоровая. Они смотрят прежде всего на самого человека. Они никогда не говорят: “эти русские”, только журналисты и ученые говорят: “эти русские” или: “эти немцы”.

М. Кейзер. Националистические настроения более распространены в бывшей ГДР по трем причинам: во-первых, официальная социализация не воспринимается всем населением. Правые были против

старой системы, они ей оказывали какое-то сопротивление. Во-вторых, всякая дискуссия по этим вопросам была запрещена! Не было гражданского общества, учителя не объясняли этот период в школе, родители также не рассказывали ничего своим детям, и дети не спрашивали ни своих родителей, ни своих бабушек и дедушек. Обсуждение было невозможно. В-третьих, у них не было опыта общения с иностранцами, так как иностранцы в прежней ГДР были изолированы. Они жили в отведенных для них домах – как, например, граждане Мозамбика или иных социалистических стран. Так что никакой интеграции не допускалось и никаких личных контактов. Это означало, что жители самой Германии становились очень немецкими, что они боялись утратить свою “немецкость”, и что иностранцы были некоторым средством преодоления этой фрустрации.

Таковы три главных объяснения того, что в ГДР массовое сознание не совпадало с идеологическими установками. Конечно, я согласен, что должно было бы быть иначе!

Г. Зимон. А Россия никогда не была национальным государством, и можно надеяться, что это и не произойдет, потому что сегодня национальные государства – это практически дело прошлого. Можно надеяться, что России этот период удастся перепрыгнуть.

И. Освальд. Что же касается политического понимания нации, классического для Франции или США, то оно и в Германии, и в России не очень популярно. Политическое понимание нации – это добровольное соединение людей для того, чтобы образовать правительство – “совместную крышу”, безотносительно к их роду и этническому происхождению

Коллективный рассказ и коллективная память

П. Стыков. История Великой Отечественной войны – это часть коллективного рассказа о русской нации... но это никогда не было частью коллективного рассказа немцев. И я думаю, что это нельзя прививать, потому что это, собственно, другая сторона истории! Другая – в том смысле, что немцы должны... рассказывать свою собственную историю, и она не может быть такой же, какой ее рассказывают русские.

М. Кейзер. Дело в том, что не существует коллективной памяти об этих событиях и датах. А поколение, которое обладает такой памятью, не желает помнить об этом. Так что эта память не передана

более молодым поколениям как нечто такое, о чем следует помнить, что следует обсуждать и дискутировать. Это память о поражении – и люди хотели забыть о подобных вещах. Так что было такое поколение, которое не создало коллективной памяти. Для последующих поколений память была утрачена. Она не передалась новым поколениям.

П. Яан. Кроме того, для ФРГ и бывшей ГДР это была совершенно разная история до 1990 года. Я скажу только о ФРГ. В ФРГ в 50-е годы для большинства людей это были только наши страдания – а о страданиях других мы не говорили. Субъективно это было понятно, потому что для большинства, для солдат это был ужасный опыт. Война была неприятным воспоминанием – для многих это было страдание и плен. Для тех, кто жил в Восточной Германии, это тоже был ужасный опыт. Но тогда никто не говорил о том, что мы там сами натворили!

При этом во время холодной войны это было частью нашей идентичности. Все остальное – фашизм, холокост, агрессия по отношению к другим народам – все это невозможно было защищать. А вот война против Советского Союза оценивалась иначе. Ведь защита Германии в 1945 году рассматривалась как стремление не допустить выход Сталина и советских войск к Эльбе. Вы были «неправильными союзниками». У нас даже ходил анекдот относительно того, что Черчилль якобы сказал (хотя на самом деле он этого не говорил), что «мы (то есть западные союзники) Wir haben eine falsche Gans geschlachtet – убили не того гуся». Нам очень хотелось во времена холодной войны, чтобы он именно так сказал.

Война, таким образом, воспринималась как защита демократической культуры на берегах Волги, под Сталинградом. К сожалению, такой подход к оценке войны не преодолен полностью. Он воспроизводится. Тем более что выдвигается и такой аргумент: мы должны служить в армии теперь только потому, что тогда советские войска дошли до Эльбы.

И. Освальд. О войне у нас говорили очень мало. Вообще в школе у нас так преподавали, что в 1933 году все кончилось! А потом мы вернулись к древним временам опять. В школе я ничего не слышала о войне... Все остальное я узнала только в университете!

Г. Зимон. Я думаю, что если вы скажете выпускнику даже гимназии, что Париж был занят немецкими войсками, то он очень удивится!

Ю. Фельдхофф. В политическом сознании думающего населения обеих стран война стала историей, и они не хотят извлекать ее из своей памяти.

М. Кейзер. Во всех немецких землях преподается та же самая история, одинаковая концепция Второй мировой войны. Об этом можно судить по школьным учебникам. Конечно, многое зависит от учителя. Но учителя – это гражданские служащие, и все они подлежат контролю со стороны родите-

У Германии и России разный взгляд на войну, разная перспектива. Для немцев это прежде всего мировая война, для русских – Великая Отечественная война

лей, руководства школы, гражданского общества, чтобы они не говорили детям что-то от себя, даже если это им хотелось бы. Я бы сказал, что это достаточно унифицированный дискурс!

Э. Штельтинг. У Германии и России разный взгляд на войну, разная перспектива. Для немцев это прежде всего мировая война, для русских – Великая Отечественная война.

И. Шютце. И в контексте борьбы с коммунизмом выбросили идею, что, по сути дела, пытались завоевать Россию и... Они развязали эту войну! Я думаю, что потом... Между Сталиным и Гитлером был своего рода договор. Но в то же время... Это тоже проблема, так как можно видеть, что Сталин в каком-то смысле был готов объединиться с Гитлером. Это не было подлинным антифашизмом.

К. Майер. А Ленинград должен был быть разрушен согласно этим планам и специальному приказу Гитлера. План состоял в том, чтобы Ленинград был затоплен! Российский город! Уничтожить все, все население... Вот что такое Vernichtung...

Но в немецкой историографии есть и другая точка зрения. Она состоит в том, что если бы канцлер, то есть Гитлер, не начал войну первым, то на следующий год Сталин бы начал войну сам...

Г. Зимон. Многие и в Германии, и в России считают, что политика – это вообще грязное дело, что лучше этим не заниматься, что все политики коррумпированы, и вообще что они в большей или меньшей степени разбойники. Но это очень опасная точка зрения! Потому что если мы не обращаем внимания на тех, кто нами управляет, то это может очень плохо кончиться. Народы, следова-

тельно, тоже несут ответственность за тех, кто ими управляет. Аполитичность общества – это очень опасное дело!

Отношение к русским

О. Александрова. Когда я оказалась в Германии, для меня было большим открытием: вы знаете, кто больше всего любит Россию в Германии? Бывшие военнопленные! Они действительно любят Россию, и у них действительно самые теплые воспоминания – не о том, как они были в плену, а том, как им помогали простые люди: там кто-то, я не знаю, куском хлеба, или там кружкой воды, или еще чем-то. И действительно, может быть, они самые большие симпатии испытывают к России...

Н. Зимон. Никакой враждебности нет, абсолютно. Наоборот, исключительно дружеские отношения, теплые дружеские отношения. Это очень трогательно. Да потом вообще, у бывших военнопленных немецких, бывших солдат немецких – нормальных солдат, я не говорю об эсэсовцах и других – у них отношение к России очень положительное, значительно более положительное, интереса больше к России, чем, предположим, у молодых людей. Молодые люди вообще не интересуются Россией, им абсолютно безразлично, для них то ли это Россия, то ли это Чехия – ну хорошо, большая территория.

У бывших солдат это связано с их молодостью; эти люди видят себя молодыми, и все, что было в молодости, постфактум идеализируется – это у всех людей такая особенность. А молодые люди – ну это, в общем-то, можно сказать, это нормализа-

ция наступила. Нормализация, нормальное отношение к России.

Раньше Россия – Советский Союз – был либо страх, либо ненависть, либо любовь. Безразличия не было. А сейчас преобладает безразличие.

Х. Харбах. Это темная сторона истории войны с Россией: некомпетентные русские генералы, которые виновны в гибели... ценой этой некомпетентности стали жизни сотен тысяч молодых русских парней. Но это одна сторона проблемы. С другой стороны, немцы знают и о том, что масса немцев пострадали от России, что множество людей были убиты русскими солдатами.

Кроме того, существует некоторый дополнительный образ, самостоятельный аспект – по поводу изнасилований, и эта точка зрения не преодолена. Это образ русских солдат, которые насиловали массу немецких женщин. Этот образ несет особую отрицательную нагрузку. И если вы спрашиваете о предсудках людей в Германии относительно русских, то вы обязательно встретитесь с этим аргументом, несмотря на время, которое прошло с тех пор! <...>

Теперь молодые люди, у меня есть дочь 19 лет, они смотрят на это все заново, свежим взглядом! Они знают об этих войнах – но у них нет к этому особого интереса. Они считают, что это огромная бессмыслица со стороны взрослых, что эти войны и массовые убийства были спровоцированы учеными с большими званиями и титулами. Но их это не касается... Моя дочь – кажется, что она не интересуется ни Россией, ни российской историей, но она интересуется русскими. Она обедала с господином Скворцовым и с господином Головиным, ходила с русскими студентами на дискотеку. И это – ее впечатления о России. Она читает Чехова и т. д. А кроме того, они не мыслят в категориях макроуровня. Они отбирают некоторых из русских, и я думаю, что это хорошая стратегия!

Г-Д. Клингеманн. Вклад России и российской армии в избавление от Гитлера, от фашизма и нацизма, от холокоста не может быть недооценен... Я думаю, что есть чувство благодарности за это... но с другой стороны – и это также правда – историческая память немцев хранит и то, что коммунизм был партократической версией тоталитаризма в организации государства. И особенно в годы жизни Сталина.

П. Шульце. Но это не была война между двумя народами. Ведь не было ненависти между русскими и немцами ни перед войной, ни после войны. И даже во время войны. Война велась в очень грубых

и жестоких формах, но она не сопровождалась ненавистью. Если посмотреть на Санкт-Петербург, или Ленинград, то возникает такое мнение, что это была бесчеловечная акция, рассчитанная на то, чтобы довести население города до голодной смерти... Таким способом надеялись придавить Красную Армию с помощью экономического фактора. В этом состояла прежде всего военная цель – но это не является свидетельством существования ненависти между двумя народами. Я очень и очень редко сталкивался с негативным отношением к русским в Германии. <...>

У нас нет негативного отношения – даже среди старшего поколения в Восточной Германии, которое страдало во времена советской оккупации. Особенно если принять во внимание факты, что миллионы немецких женщин были изнасилованы после 1945 года с согласия командования, и даже с согласия Политбюро, а население Восточной Пруссии было насильственно выдворено со своего места жительства.

Но эти факты – это история!

П. Яан. Я иногда думаю, что для советского общества того времени – 1941 год – конечно, с одной стороны, это нападение было ужасным, посмотрите особенно на потери первого года. А с другой стороны, как изменилось психологическое настроение в результате этого! Это был самый хороший момент. Внутренняя гражданская война была закончена, а появился настоящий враг, отнюдь не мнимый враг. Не только троцкистско-зиновьевские заговоры или бельгийские, японские и так далее конспирации... Конструкт “враг народа” продолжал существовать, но эта конструкция уже потеряла свое значение, и это было важно. Возник настоящий враг, борьба против которого объединила и жертв сталинского произвола, и сторонников Сталина. Это стало очевидно каждому: мы защитим страну от противника, который не хочет освободить нас от диктатуры, а хочет установить еще более жестокую диктатуру. Что касается психологического состояния общества – то это лучшее, что можно было бы сделать. Гитлер не мог придумать ничего лучшего для легитимации Сталина.

Т. Эйхлер. Самое важное – проблема жертв сталинизма. Это было такое табу или препятствие, которое не позволяло глубже разобраться в жертвах Гитлера. Если подумать, ведь мало кто знал, что немецкие военные летчики обучались летному делу в России еще в 20-е годы, когда в Германии это было запрещено Версальским договором! Или что ка-

кую-то часть немецких эмигрантов Сталин после договора 1939 года отправил назад в Германию на верную смерть! И вообще, за эти два года – 1939–1941-й – произошло очень много некрасивого.

Чья победа и чье поражение?

Ю. Фельдхофф. Я бы никогда не сказал, что мы проиграли. Я думаю, что мы многое выиграли. Не только благодаря американцам, но и благодаря Красной Армии. Мы утратили возможность сохранять тоталитарный режим, который принес миру столько убийств, что это не укладывается в воображении.

Г-Д. Клингеманн. Это была война между всем миром и фашизмом. И я представляю то поколение, которое благодарно за то, что все произошло так, как оно произошло.

Х. Харбах. Все эти рассуждения о победе, о стране – результат ошибочной макроэкономической методологии XIX века. Я это не признаю, я это отвергаю! Не было победы – были только покойники! (There were no victory – there were only dead people!). Эти жестокости! Но поколения, которые верили в это, живут своими победами.

П. Шульце. Вспомним колоссальные потери русских солдат во время Второй мировой войны. Миллионы смертей, в которых не было необходимости и которые лежат на совести российских генералов и офицеров. Даже в одной из последних битв – на Зееловских высотах, где немецкие войска обладали явным преимуществом в средствах защиты, Жуков потерял 50–60 тысяч человек только ради того, что Сталин хотел взять Берлин к определенной дате, не считаясь с людскими потерями своей собственной армии. Эта бесчеловечность, этот догматизм вел к тому, что и жертвы со стороны гражданского населения не принимались во внимание.

П. Яан. Что касается ошибок и просчетов, то это было типично для существовавшего режима. Ценность человеческой жизни стояла очень низко. С другой стороны, была хорошая военная техника. Я даже думаю, что касается, например, танков и некоторых других видов оружия, то они были гораздо лучше, чем немецкие или те, которые производились союзниками. Но их было не так много. Часто говорили: лучше десять тысяч погибших, чем потерять, скажем, сто танков. Жизнь человека, конечно, при этом режиме ценилась очень низко.

После чистки в вооруженных силах уровень подготовки командных кадров резко снизился. И в то

же время произошло огромное увеличение армии, примерно в три раза больше. Смотрите, какие люди стали командирами батальонов или полков: способности этих людей в 41-м году, в 42-м году были очень низкими. Мы видели приказы Жукова, направленные на повышение воинской подготовки, изданные им уже в 1944 году. Из этих приказов видно, что даже в это время очень многие командиры не очень хорошо знали свою работу. Из-за этого, конечно, советская армия несла очень большие потери.

П. Шульце. Мы проиграли войну. У тех, кто проиграл войну, кто потерпел поражение, и у тех, кто победил, складывается различная ментальность.

Нация, потерпевшая поражение, принуждена к изменению. Это одна из движущих сил

Победитель и побежденный! Побежденный принужден считаться с результатами поражения. Он должен задуматься над вопросом о том, почему он потерпел поражение. В то время как победитель не задумывается над тем, почему он одержал победу. Нация, потерпевшая поражение, принуждена к изменению. Это одна из движущих сил.

Х. Харбах. Русское военное командование сильно виновато (highly guilty) в этих массовых убийствах. Они оказались некомпетентными перед немецкой военной машиной, технологической машиной войны, созданной в Германии. И бюрократия могла послать этих мальчиков! Я был в Волгограде, я видел многие населенные пункты и эти стелы с именами и датами: 19 лет, 18 лет! Они шли с «Калашниковым» против немецких танков, против военной машины! В начале войны они сами бросались под танки, чтобы остановить их. Они виноваты! Я думаю, что многие из них знали...

В Москве и Санкт-Петербурге в связи с 50-летием <Победы> были собрания ветеранов. И были сообщения в прессе, которые были неоднозначны в оценке этих руководителей.

Т. Эйхлер. ГДР очень все-таки... отмахнулась от некоторой доли ответственности. Ну, она стала больше праздновать День Победы, чем День Освобождения. Они уже не чувствовали себя особенно... немецкие простые люди на востоке. На западе и нельзя было говорить про освобождение! Это Вейтцекер первым осмелился сказать как президент в 1985 году – вы, наверное, слышали про эту речь, где он

впервые как официальный политик говорил о том, что все-таки Германия не просто потерпела поражение, но и была освобождена! За это ему и попало, и многие все еще говорят про поражение, а не про освобождение. И на востоке все-таки – это, по-моему, фундаментальная разница – в среднем лучше понимают, что были освобождены. А официальные политики на востоке склонялись к тому, что они оказались на стороне победителей.

Х. Харбах. Русские ничего не приобрели в результате этой войны, они понесли только потери! Это была не Великая патриотическая война – это была война небольшой элиты, война аппаратчиков и догматиков (indoctrinated people).

Но большая часть населения была в самом начале против войны, и Коммунистическая партия была сравнительно невелика. Она окрепла во время войны, благодаря немецкой агрессии. Но в самом начале у нее не было поддержки населения. Поддержка коммунистов и большевиков стала сильной во время войны, с нашей точки зрения. Это ясно, особенно когда сравнишь членство в партии до войны и после нее. Так мы это понимаем. Многие немцы думают, что без немецкой агрессии против России Коммунистическая партия не смогла бы удержаться у власти! Что это за победа, если вы потеряли 40 миллионов человек убитыми?! Какая же это победа?! Это была победа для генералов, а не для народа! <...>

Но как ученый, как специалист в области социальных наук я не могу утверждать, что русские одержали победу! По моим методологическим и нравственным позициям я индивидуалист. Я думаю только о конкретных людях, о русских. Я не думаю о России. Я вижу миллионы трупов мужчин и женщин, оставшихся без супругов и сыновей. Если погибла такая масса людей, то это значит, что победы не было! Они все должны были идти на похороны, хоронить покойников, а не устраивать парады и демонстрации! Это – поведение XIX века!

В каком-то смысле это реабилитация всех этих политиков и генералов, которые совершили эти ошибки! но что значит – победа? Что русские вступили в Берлин? Но что это означает в наше время? Это значило что-то во времена Фридриха Великого. Или во времена Цезаря. В наше время не может идти речи о победе, когда убивают миллионы людей! А кто побеждает?.. Но Сталин – это не государство, он – преступник! Преступник, организовавший массовые убийства вместе с этими купленными

ми генералами, которые преследовали свои личные интересы, убивая русскую молодежь! <...>

Такая цена была уплачена ни за что! (The price was for nothing!) Но такое у нас представление... Мы говорим сейчас о представлениях людей, а не об эмпирических фактах. <Результатом войны стало не освобождение Европы>, а холодная война, атомное оружие и все такое, эксплуатация. Освобождение Европы было ценой за развязывание войн в развивающихся странах. Это были показательные войны между Востоком и Западом по поводу различных сфер влияния, и в этих войнах убивали и умирали миллионы... Они были лишены власти в силу так называемого баланса сил, которого на самом деле не было. Это все идеология! Я думаю, что такое мышление представляет собой предпосылку следующей войны.

9 мая вы должны посещать ваши кладбища и стелы, вспоминать тех молодых людей, которые погибли, не зная, за что! Потому что их заставляли идти с наганом против немецких танков, чтобы остановить немецкие танки. Они должны были умирать за Сталина – который был самым большим преступником.

Чувство вины и патриотизм

Т. Эйхлер. Для немцев типична опережающая готовность: исполнители знали, чего от них хотят, и делали даже больше того, чем им приказывали. Это развитое верноподданническое сознание! «Понявшие» начальство делали то, что им не было приказано, но что, по их умозрению, было на руку или в духе того, чего от них хотели!

Но все же я исхожу из того, что коллективной вины не существует! Это, по-моему, очень легко по-

нять. Есть индивидуальная вина. А что должно быть коллективным – так это стыд за то, что предки натворили. И я не знаю, сохранится ли Германия на этом пути – или она растворится в каком-то там европейском или всемирном глобальном духе. Потому что произошел распад германского, немецкого общества, и он зашел достаточно далеко.

Э. Штельтинг. За эти годы было написано огромное количество книг о фашистском периоде истории Германии, хотя многое остается неизвестным. Главной же темой остается геноцид, вокруг которого концентрируется чувство вины. Развязывание же самой войны и ответственность за ее ход находится по большей части на периферии немецкого сознания. Интересно, что Германия потеряла значительную часть территории, но это не сохраняется в памяти людей. В других странах такого

Я исхожу из того, что коллективной вины не существует! Есть индивидуальная вина. А что должно быть коллективным – так это стыд за то, что предки натворили

не наблюдается. Но благодаря этому мы имеем хорошие отношения с Польшей. Сама память войны в какой-то мере исчезла. <...>

Для Германии война и в целом нацизм – это позор! Дело не только в том, что в войне Германия потерпела военное поражение, это не так существенно. Суть вопроса – в моральном поражении и моральном кризисе. Очень немногие в Германии считают, что они не несут ответственности

за развязывание войны, а чувство позора испытывает большинство. И это большинство предпочло бы отказаться от немецкой идентичности. Поэтому в Германии патриотические чувства не являются распространенными. Для многих немцев похвала состоит в том, если им скажут, что они непохожи на немцев. Это типично.

А в России это совсем иначе. Советский Союз не был инициатором войны. Наоборот – Третий рейх выступил в качестве агрессора. Россия одержала блестящую, хотя и трудную, победу, и поэтому отношение русских к войне в общем носит позитивный характер. Это отношение заслуженной гордости.

Вот это главное различие в восприятии войны объясняет, почему в Германии редко можно встретить человека с патриотическими чувствами и почему у немцев есть стремление выйти за рамки немецкой нации – немцы хотят быть европейцами, но только не немцами.

Чувство позора, доставшееся от прошлого, объясняет, почему значительная часть немцев не любят немецкую культуру, немецкий язык и самих себя.

П. Стыков. По-моему, сейчас война не рассматривается в качестве важного события в истории российско-германских отношений. На первый план выходит тема войны применительно к евреям, но, по-моему, не по отношению к России. Мне так кажется. <...>

Чувство позора, доставшееся от прошлого, объясняет, почему значительная часть немцев не любят немецкую культуру, немецкий язык и самих себя

А для подрастающего поколения этот вопрос формулируется иначе: наши отцы, деды это сделали – хорошо, но мы-то здесь при чем? И тут проблема, что молодое поколение все-таки... даже не очень молодое, а под 40 – под 50 лет, все-таки хотят закончить это дело более или менее в том смысле, что мы не должны чувствовать себя на веки вечные виновными!

Это было! Это было страшно! Но нужно стараться, чтобы это не повторилось, и все. Но мы-то невиновны! Нельзя постоянно и на веки вечные вот так нам тыкать в нос: “Вы виноваты!” И вот в этом-то именно и состоит вопрос: как быть с этой виной,

которая существует как коллективная вина, но которую нельзя просто передать каждому новому поколению немцев?

П. Яан. В 1995 году был проведен общенациональный опрос, в ходе которого спрашивали: “Следует ли события 1945 года называть “поражением” или “освобождением”?” 80% опрошенных высказались за то, что это было освобождение. Но если вы посмотрите, как люди характеризуют нацизм, то увидите, что прежде всего это связывается в головах людей с геноцидом евреев. Очень мало тех, кто связывает этот режим с преступлениями против других народов и ответственностью за развязывание Второй мировой войны и нападением Германии на СССР. Лишь в некоторых случаях это дополняется политикой уничтожения сумасшедших или цыган. А когда речь заходит об уничтожении военнопленных Советской армии, то сразу задают вопрос: а наши военнопленные? Конечно, они тоже были не в райских условиях, страдали. Многие из них погибли – но не в таких масштабах, и они не умерщвлялись теми способами, которые применялись по отношению к советским военнопленным. А политика нацизма по отношению к гражданскому населению?! Например, блокада Ленинграда – мало известно об этом. Нельзя сказать, что это полностью замалчивается, но это не закреплено в нашем сознании. Эти факты находятся на втором или третьем месте. Я считаю это неправильным.

Э. Штельтинг. Вина Германии за Вторую мировую войну признана всеми политическими группировками. В то же время существует и реакция на это. Например, неонацистское движение характеризуется тем, что оно призывает гордиться тем, что мы немцы. По этому признаку сразу же определяются именно неонацисты. В других же странах – в России, Америке, во Франции – гордость за свою страну имеет совсем другой смысл. Таким образом, Германия отличается в этом отношении от других стран Европы. Признание вины сохраняет свое значение, и это порождает неонацистские провокации.

Отстранение от Германии и чувство принадлежности к международному сообществу дополняют друг друга. Например, если спросить студентов: “Что значит быть немцем? Что такое Германия?” – ответ будет скорее негативный. Примерно в таком духе: “Мы не немцы, а европейцы”, “Нас это не интересует”, “Мы самостоятельные личности”. Немецкая молодежь хочет быть похожей на французов или англичан, но особенно – на американцев. ■

Интервью с Василием Гатовым,

заместителем гендиректора
газеты “Труд”

– Постоянно или только время от времени Вы интересуетесь данными соцопросов? Почему Вы стали интересоваться этими данными, как это было?

– Это абсолютно семейная история. Всю свою сознательную жизнь я дружу с собственной мачехой, третьей женой моей отца, которая является дочерью Юрия Александровича Замошкина. Соответственно, жизнь моя в области теоретической социологии началась в очень раннем возрасте. И Борис Андреевич Грушин, и сам Юрий Александрович Левада, и Лев Гудков – это все люди, которые для меня абсолютно живые, здоровые, еще вполне молодые. Это было больше десяти с лишним лет назад, когда я с ними со всеми познакомился. И тогда я заинтересовался и предметом науки, и чуть ли не тогда же прочитал Питирима Сорокина, еще ничего не поняв, будучи еще слишком молод для этого. Поэтому социологией, и с точки зрения журналиста в прошлом, и издателя сегодня, я заинтересовался очень рано. И реально журнал “Социологические

исследования” я начал читать более или менее регулярно года с 1987-го. А как только стали доступны иные социологические исследования, кроме тех, которые печатались там или в изданиях Института США и Канады и т. д., естественно, стал обращать внимание и на них. Так что очень давно и постоянно. Для меня социология – это одна из опор и работы, и бизнеса, и маркетинга, и всего, чем я занимаюсь.

– Вас интересует теоретическая социология или данные опросов?

– Меня всегда интересовала теоретическая социология. Я однажды написал большую публицистическую статью, году в 1991-м она была напечатана в “Мегаполис-экспресс” и перепечатана в дайджесте “Вопросов социологии”, про отсутствие стратификационной модели общества (тогда еще вполне советского) и про то, что неразумное отношение к такой важной характеристике соцдема просто тормозило понимание многих политических процессов. Это, конечно, была

чистая публицистика – я никогда сам не занимался всерьез этой частью науки, но факт остается фактом. С точки зрения интересов к опросам – безусловно, меня интересуют опросы, омнибусы, специализированные исследования, особенно те, которые относятся к области маркетинговой социологии. Это все вещи ежедневные, ежечасные.

– Что Вас удовлетворяет и что не удовлетворяет в данных соцопросов?

– Если это вопрос общий, не имеющий отношения к вашим опросам, – наверное, в целом прогресс в методах и качестве опросов меня удовлетворяет. А если взять любой отдельно взятый опрос или любое отдельно взятое комплексное исследование, то, прямо скажем, бывает неудовлетворенность: данные социологов постоянно немного “запаздывают” относительно тех политических или маркетинговых интересов, которые у меня возникают. Может быть, это связано с моим типом сознания, с тем, что я стараюсь всегда идти чуть впереди

реальности, а они вынуждены фиксировать реальность своими опросами. Но надеюсь, что даже наше с вами сотрудничество и знакомство давало вам поводы задумываться о том, что имеет смысл смотреть, делать и т. д. Пожалуй, мои претензии, если это можно назвать претензиями, заключаются в том, что

сти. Я просто не представлял, что она существует, потому что на тот момент было интересно именно то, что впервые стали мониторить и методами количественной социологии оценивать состояние общества. Кстати, может быть, тоже одна из претензий к социологам – это то, что качественные социоло-

гия лет девять назад и сегодня – так вот, сегодня я за одну пятую от того бюджета получаю гораздо более релевантные, масштабные, регионально подготовленные и не вручную посчитанные данные. Это же еще связано с техническим прогрессом, потому что еще десять лет назад слов SPSS никто не знал, а сегодня это нормальный инструмент и социолога, и маркетолога. Полиномиальный анализ социологических данных лет десять-пятнадцать назад представлял собой сложнейшую математическую задачу, под которую нужен был доктор математических наук, а сегодня это можно сделать в Excel.

– Когда Вы смотрите на данные социологических опросов, что Вам самому больше всего интересно? На что Вы в первую очередь обращаете внимание?

– Тут есть очень разные вещи. Существуют какие-то этапы социологических опросов, которые являются ситуативными: электоральные рейтинги или отношение к той или иной реальности, конкретно существующей в настоящий момент как проблема. В таком случае я, конечно, обращаю внимание на сами цифры, на пропорции, на отношения, но особенно интересуют тенденции (если они показаны). Я произвожу в голове такое взвешенное вычисление тенденций. И те, кто дает голые данные, без приписки, что они по этому поводу думают, вызывают у меня больше уважения, чем те, кто предпочитает комментировать, что это значит, потому что социологические данные – на то и данные, чтобы их интерпретировал тот, кому они адресованы, а не тот, кто их передает. Это адресовано одному почти государственному исследовательскому центру – там есть любители прокомментировать данные и объяснить их

Степень воздействия отношения к истории на реальные действия, мотивации людей, их текущую жизненную позицию сильно преувеличена гуманитарной социологией

социологи очень мало думают о том, что есть не только сегодняшний, но и завтрашний день.

Вообще, например, в опросах и ФОМ, и Левады, уже не говоря про другие центры, очень часто присутствует какой-то излишний историзм, т. е. задавание вопросов по поводу отношения людей к тем или иным историческим реалиям, фактам или людям. На самом деле степень воздействия отношения к истории на реальные действия, мотивации людей, их текущую жизненную позицию, на мой взгляд, сильно преувеличена гуманитарной социологией. Мой личный опыт показывает, что ничего подобного – отношение к тому же Сталину никоим образом не влияет на электоральные позиции: например, 45% населения положительно относятся к Сталину, но почему-то не голосуют за Виктора Анпилова – вот классическое противоречие.

– Ваше представление о социологии и об опросном деле с 1991 года изменилось? Или и тогда, и сейчас Вы относитесь к ним одинаково?

– В 1991 году я, например, плохо представлял себе качественную социологию, т. е. социологию лично-

гические исследования крайне редко достигают массового потребителя. Вероятно, они чаще делаются под заказ и не публикуются именно потому, что заказчик ставит ограничение на использование этого материала. Но как базис для научных работ, для публицистических работ ученых, которые делают эти исследования, они должны каким-то образом освещаться. Интерес к качественной социологии просто связан с движением моей карьеры, с тем, что я из журналистики переместился на телевидение, а из телевидения – в менеджмент. Соответственно, меня гораздо больше в последнее время волнует и интересует, конечно, маркетинговая социология, т. е. социология, делающаяся под потребительское поведение, – просто потому, что она гораздо более живая, гораздо менее теоретическая, и эффективное пользование этими данными дает очень быстрый, очень осязаемый результат.

– А сама социология и опросное дело изменились за это время?

– Да, конечно. Во-первых, социология стала более эффективной, более профессиональной. Снизилась стоимость исследований. Вот я сравниваю стоимость исследова-

с “глубоко правильной” точки зрения. Такой подход для социолога мне кажется просто непрофессиональным.

Что касается более серьезных данных, то, скажем, лет десять назад меня интересовал радикализм результатов или отличие результатов социологии от моих субъективных впечатлений. Конечно, сейчас я не поддаюсь на такие вещи. Прочитую замечательное высказывание одного из моих учителей. Когда мы его спрашивали, почему мы не ставим хорошее кино в сетку передач, он отвечал: “Образование высшее, живешь в Москве – ты не целевая аудитория!”

Жизненный опыт показывает, что существует, скажем, элитарная социология – каждый из нас живет в некоем социологическом мире, просит друзей, знакомых, людей своего круга оценить те или иные вещи, события, анализирует высказываемые оценки. Любой человек делает это, потому что практически не существует личностей, способных все решать в пределах своего мозга. Все мы как-то соотносимся с окружающим нас миром. И в этом смысле нормальный жизненный процесс более или менее умного человека – это постоянные опросы по структурированным и неструктурированным проблемам. Из этого складывается референтная группа, некая база исследования, в которой ты сам делаешь взвешивание и решаешь: да – нет, за – против. При этом, естественно, мы живем в иллюзии, что наш мир универсален всегда, а он на самом деле далеко не универсален, каждый из нас выбирает свой круг общения достаточно осознанно. Скажем, в мой круг общения не входит дворник Вася или доярка Клава и никогда не войдут. При этом в общественном мнении страны вес дворников и доярок существенно больше, чем

всех моих друзей и знакомых вместе взятых. Поэтому, конечно, вот это иллюзорное или романтическое отношение к социологическим данным, характерное для того времени, когда мнение страны совпадало с мнением “элитки”, прошло, и от него даже следа не осталось. Я надеюсь, что я не только свое мнение высказываю.

– Есть ли такие темы, о которых Вам бы хотелось написать на социологическом материале, но Вы не можете этого сделать по каким-то причинам?

– Мне давно хочется написать о том, в какой демографической заднице находится страна. В последнее время я очень полюбил, в том числе и по бизнес-причинам, рисовать половозрастную пирамиду. Любой человек, мыслящий количественно, взглянув на нее, хватается за голову, понимая, что, в общем, если дальше будет так продолжаться, непонятно, где мы будем жить и как это место будет называться. Степень понимания проблемы надвигающейся демографической катастрофы и полное без-

по данной теме или блоку тем, но люди-то думают шире, чем предполагают рамки заданных им вопросов. Соответственно, где-то внутри исследования есть ответы, которые можно экстраполировать. Если мне очень нужно, я сажусь и начинаю, что называется, строить модели, понимая, что этот метод не очень корректен, но, в принципе, почему бы и нет? – в конце концов, хоть какую-то опору дает. Если очень нужны эти данные, в последние годы есть возможность в крайнем случае поднять трубку и позвонить кому-то, поговорить, пообсуждать, а может быть, даже попросить, бесплатно или за деньги, сделать исследование.

– И Вы это делаете?

– Да, были такие случаи. Это больше касалось маркетинговой социологии в последнее время. Условно говоря, я просто, зная, что кто-то проводит исследования, подбрасывал туда несколько вопросов, которые по выборке были подходящими, если я не смог найти, например, в Гэллапе или в КОМКОНе, потому что они пролетали мимо этих вопросов

Все мы как-то соотносимся с окружающим нас миром. И в этом смысле нормальный жизненный процесс более или менее умного человека – это постоянные опросы по структурированным и неструктурированным проблемам

различие людей к этому – вот это мне очень интересно. Но для этого нужно серьезное исследование.

– Если Вы, держа в руках результаты опросов, не находите ответов на интересующие Вас вопросы, что Вы делаете в таких случаях?

– Это зависит от квалификации, от качества исследования. По вполне понятным причинам социолог мог не задать все вопросы

или не могли дать на них адекватных количественных ответов.

– Результаты опросов представляются в разном виде: развернутые тексты, краткие комментарии, таблицы, графики. Что Вы чаще всего используете?

– Таблицы. Это связано с тем, что я, как правило, использую данные, которые так или иначе потом соотносятся с табличными же данными.

Поскольку я не пишущий журналист, а издатель, моя основная задача – считать аудиторию и деньги. Соответственно, мне социологические данные надо соотносить с финансовой и маркетинговой информацией, и табличная форма мне привычна. Но это не характеризует журналистский подход.

– **Зато характеризует Вас.**

Это соотносится с тем, что Вы сказали до этого, что Вам не нужны комментарии и интерпретации – Вы и сами можете прокомментировать и интерпретировать.

– Да, еще раз повторю, это просто особенность моего жизненного пути. В свое время я очень рано вник в объект, потом долго был в поле, причем прежде в теоретической социологии и дискуссиях вокруг нее, а потом очень рано, с точки зрения масс-медиа, начал пользоваться социологией как прикладным инструментарием – практически еще даже количественные методы были не автоматизированы. Я помню комковские ручные

– По понятным причинам меня интересует маркетинговая социология: это Гэллап, Конева, Маграм, с которым мы работаем постоянно. Если мы говорим о социологии универсальной, об общей – это ФОМ, Левада, реже – ВЦИОМ, еще реже – РОМИР.

– **Какая разница между теми организациями, данные которых Вы используете?**

– Поскольку давным-давно, уже несколько лет, нахождение определенных социологических данных превратилось в работу, то я бы сказал, что по удобству доступа к данным рейтинг будет такой: Левада, ФОМ, потом все остальные.

Но удобней всех Госкомстат, особенно сейчас, после редизайна – просто идеальный сайт. Это не то что социология, просто статистика чистая, но это реально очень интегрально. Она не такая оперативная, не всегда есть анализ, но все-таки это очень серьезная работа, которую надо отметить, потому что это базис и вашей, и нашей работы. По качеству выборки и по релевантно-

на мой взгляд, недостаточно конкурентен, и главное, на нем нет глобальных стандартов. Невозможно сказать, хорошо или плохо, что существует западный Гэллап, который дает мгновенную репрезентативную релевантную информацию, а вы делаете это все аккуратнее, взвешеннее и т. д. Я бы предпочел, чтобы здесь работал Нильсен, работал эффективно, давал данные, но они не приходят на этот рынок, потому что здесь денег не хватает для того, чтобы оплачивать их исследования.

– **Как Вы думаете, в чем общественный смысл социологических исследований и опросов, зачем они нужны в принципе и реально?**

– А зачем нужен градусник? Человек ведь чувствует, что у него повышается температура, и без градусника. Но определенные более или менее точные замеры дают достаточно серьезное представление о степени болезни общества. Точно так же гораздо труднее, например, измерить степень общественного довольства, потому что “все счастливые семьи счастливы по-разному, а все несчастливые несчастливы одинаково”. Так вот, степень общественного счастья требует замера, безусловно. В некотором смысле социология как инструмент, социологические опросы как форма представления его работы – это некая диагностика общественного состояния. Чем она ближе к сегодняшнему моменту, тем более точные диагнозы могут ставить те люди, которые озабочены судьбами этого общества, этого государства.

– **Вы ответили на вопрос в принципе, как должно быть устроено. А реально происходит это или нет?**

– Мне кажется, что конкретно сегодня, в апреле 2006 года, – нет. Связано это с тем, что, на мой

Социология как инструмент, социологические опросы как форма представления его работы – это некая диагностика общественного состояния. Чем она ближе к сегодняшнему моменту, тем более точные диагнозы могут ставить те люди, которые озабочены судьбами этого общества, этого государства

дневники, хорошо помню эти данные, тогда Гэллапа еще и в помине не было, а сегодня это прекрасный, гибкий, правда, не всегда корректный, но отличный, удобный для работы компьютерный инструмент.

– **Информацию каких социологических и опросных организаций Вы чаще всего используете в своей работе и почему? Какая разница между ними?**

сти, мне кажется, первые – ФОМ, Левада и ВЦИОМ. Я не могу отследить, существует ли методологическая разница существенная. Форма представления результатов – Левада, ФОМ, ВЦИОМ. По соответствию моим ожиданиям, например, ваши выборки кажутся мне более близкими к реальности, но это вещь субъективная. А вообще, на этот вопрос трудно ответить, ваш рынок,

взгляд, подавляющий объем финансирования деятельности социологических институтов исходит из одного кармана – из кармана, заинтересованного в получении не самых тревожных результатов. Посему, может быть, в оправдание ваших коллег, я хочу сказать: они стараются не результаты подменять, а вопросы задавать так, чтобы не получить нехороших результатов.

Отсутствие политических альтернатив в обществе, в самом широком смысле этого слова – речь идет не только о политической оппозиции, а просто о наличии общественного дискурса, который рассматривал бы альтернативные варианты, – предполагает, что общество хочет слышать только хорошие новости, преобладающие хорошие новости, в том числе и о собственном состоянии. Это косвенно мотивирует и ваших заказчиков, и вас к тому, чтобы не делать тех анализов, которые покажут худшее состояние, чем готовы видеть. Если переводить на медицинские термины, это так: вот у нас воспалительный процесс, но поскольку мы не хотим об этом знать, то анализ на РОЭ делать не будем, а во всем остальном – немножечко подлечимся... В этом смысле, к сожалению, экономическая неразвитость социологии, отсутствие у нас действительно глобальных институтов как измерителей довольно сильно сказывается. Я отдаю должное тому, что в большинстве крупных социологических центров люди все-таки стараются не открыто вешать лапшу на уши, т. е. в достоверность данных я почти всегда верю, я просто понимаю, что люди не задали тех вопросов, которые следовало задать.

– Есть ли (и если есть, то в чем) смысл обнародований результатов опросов?

– Это, казалось бы, очень сложный, но вместе с тем очень простой вопрос. Существует понятие свободной информации. В принципе, общественное мнение тем и замечательно, что это абсолютно публичная вещь, и, к счастью, оксюморон “скрытые результаты социологического опроса”, надеюсь, ушел в прошлое, потому что закрывать результаты социологического

Отсутствие политических альтернатив в обществе предполагает, что общество хочет слышать только хорошие новости, преобладающие хорошие новости, в том числе и о собственном состоянии

опроса – это то же самое, что врать человеку по поводу его реального состояния здоровья. Другое дело, что есть результаты, которые следует публиковать общедоступно и массово, а есть результаты, которые интересны и интерпретируемы только на уровне достаточно узкого круга специалистов. Повторяю, я не так глубоко сижу в текущей политической социологии, я ее, конечно, отслеживаю, но подозреваю, что даже если покопаться среди ваших или левадовских открытых данных, то масса вещей, которые сегодня требуют оценки, там есть, и правильно сделано, что это напечатано для специалистов. Или как ваша статья про социологию среднего класса – это вещь, которая полностью расходится со взглядами журнала “Эксперт”, главного русского пропагандиста. Опубликовав это в любом другом месте, кроме вашего закрытого журнала для своих коллег-профессионалов, вы напарывались бы на жесткую и наверняка некорректную со стороны Фадеева дискуссию по поводу природы среднего класса и его ценностей, потому что

он поверил, что средний класс вот такой, а на самом деле ваши результаты показывают, что он совсем другой. Понятно, что все люди, которые хоть когда-либо интересовались реальной социологией среднего класса, на любую заметку Фадеева только что не смеются открыто, потому что понятно, что он средним классом называет совсем не то и совсем не в тех характери-

стиках. Ну хотя бы потому, что стратификационно средний класс в России всегда был и всегда будет, он есть наследие сословного общества. А говорить, что мы создали средний класс в силу изменения экономических условий – это социологический абсурд, классы не создают, т. е. классы создает не социология, классы создают революции.

– Да, Вы правы... но это грустно. Те публикации, которые существуют и которые должны быть, – как Вы думаете, для кого они предназначены, для каких классов и людей?

– Любая информация предназначена для любого человека. Вот есть ООНовская конвенция по праву на информацию: по определению любая информация предназначена для всех. Если по причинам национальной безопасности, недопущения разглашения сведений, составляющих тайну частной жизни, какая-то информация ограничена законом, значит она ограничена, а все остальное... Почему говорят: опрос предназначен для того, для сего? В тот момент, когда принимается

решение об опубликовании опроса, – все, он опубликован, он общедоступен.

– А кто эти материалы читает, кому это интересно?

– Целевая аудитория опросов? Мне кажется, что любой опрос имеет две, может быть, три ключевые группы целевых аудиторий.

Первая – это профессионалы, люди, которые занимаются тем же самым, это в некотором смысле информация к размышлению о том, что делают их коллеги. Если им интересно, они делают такое же исследование или перепроверяют свои данные. Это очень важно, потому что по мере уточнения диагнозов, по мере уточнения вопросов или сужения зон, в которых эти вопросы задаются, выдаются более точные данные, предсказывающие или фиксирующие общественные противоречия и проблемы.

Вторая группа – это публикаторы, т. е. это те, кто обращается к социологическим данным с целью дальше воспользоваться ими как аргументами в тех или иных спорах. Причем, как ни странно, здесь далеко не только журналисты. И политики обращаются к этим

мые социально чувствительные люди, т. е. эти люди, как я уже раньше пояснил, мало того что имеют собственную референтную группу и с ней сверяются, в принципе еще небезразличны к тому, что по тем или иным событиям, проблемам, личностям и т. д. думают все остальные. Это не значит, что они будут думать как большинство или меньшинство, но им важно причислять себя к большинству, к меньшинству, к сомневающимся. Это люди социально рефлексивные, их довольно много – на мой взгляд, не меньше 30% взрослого населения. Вот кто точно не читает социологических опросов – это дети. Я вообще поражаюсь, как факультет социологии каждый год набирает студентов, потому что непонятно, каким образом дети могут задуматься об этом. Их интересует слишком частная реакция, и в гораздо меньшей степени – реакция общества или больших групп.

– Достигает ли публикация данных своей цели реально по отношению к этим трем группам?

– Это очень сложный вопрос, потому что это вопрос о целеполага-

тод. Вот в физике, например, существует по меньшей мере пять методов получения определенного результата: эксперимент, частичный эксперимент, теоретический эксперимент, математическая модель, в конце концов, прозрение – это все методы. А в социологии метод всегда один – это прямой промер рефлексий. Другое дело, он может быть количественным, может быть качественным, но в любом случае – только живой контакт с носителем мнения. Невозможен метод ради метода, это абсурд. Значит, целеполагание науки – это постоянное исследование общества и изменений в нем, в голове, в мозгу человека. Вас, конечно, может интересовать, как люди писают, но в целом это далеко не самое важное, что надо знать об обществе. От того, что половина населения писает стоя, а половина – сидя, многое не меняется, из этого только производители писсуаров могут многое вынести, но кроме них – никто. А вот вопрос, доверяют или не доверяют лидеру страны, или если доверяют, то почему, как, в каком качестве или в какой части, – вот это вопрос, который носит совершенно нетривиальный и абсолютно серьезный характер. Публикация данных по нему мощно воздействует на общественное сознание, мотивируя очень большие группы людей к поддержке, или к отрицанию, или к нейтралитету по отношению, например, к проблеме, человеку, политической идее и т. д. Поэтому, возвращаясь к сути вопроса, цель науки – сопровождение мозговой деятельности человечества. Современная социология должна, по большому счету, стремиться к публикации, потому что чем больше мы можем узнать о своем мозге, своих реакциях, рефлексиях и т. д., тем лучше будет и для исследуемого, и для исследователя.

Вот кто точно не читает социологических опросов – это дети. Я поражаюсь, как факультет социологии каждый год набирает студентов, потому что непонятно, каким образом дети могут задуматься об этом

данным как публикаторы, потому что, обратившись к данным социологического исследования, политик, использовавший это в речи, создал новостной повод, совершенно очевидно, или сам факт интерпретации им социологических данных есть новостной повод.

И третья группа, самая массовая, самая большая, – это так называе-

нии социологии. Не существует исследований ради исследований, не существует науки ради науки. Любая наука есть стремление к определенной цели. Такие сиюминутные и абстрактные вещи, как общественное мнение, т. е. в некотором смысле общественный рефлекс, – нельзя их исследовать ради исследований. Социология все-таки ме-

– В этом смысле как Вам видится реальная ситуация с публикацией данных? Можно ли ее улучшить или изменить, необходимо ли это или в общем все нормально?

– Больше всего на свете я не люблю мнения типа “мы не достигли уровня западных стран...” Любой общественный институт, а социологические исследования есть один из институтов общества, соответствует развитию самого общества. “Элитке” современного российского общества очень хочется, чтобы мы в инструментарию опережали свое состояние на много десятилетий. На самом деле это не нужно, потому что даже если тебе дадут сегодня социологические данные, аналогичные тем, которые получает твой английский коллега, ты просто не придумаешь, как ими воспользоваться, потому что ответных инструментов нет, их в обществе не существует. Главный со-

циологический и экономический показатель США, проверяемый вот так, – это объем взятых ипотечных кредитов, т. е. он проверяется по финансовым данным и по социо-

ства, которое они сопровождают. Мы – сервис общества, мы сервис неких больших общественных процессов: вы меряете температуру, а мы рассказываем диагноз,

Поэтому социология, как и масс-медиа, в значительной степени соответствует тому уровню развития общества, которое они сопровождают. Мы – сервис общества, мы сервис неких больших общественных процессов: вы меряете температуру, а мы рассказываем диагноз

логическим данным встречно. И это главный индикатор жизни в США, т. е. если он падает, то экономика в спаде, если растет, то экономика на подъеме. Нам до этого семь верст, и все лесом. Поэтому социология, как и масс-медиа, в значительной степени соответствует тому уровню развития обще-

причем не особенно заботясь о том, как само общество среагирует на эти рассказы, или заботясь, или, наоборот, идя против общества. А тот уровень развития, который есть, будет расти.

– Спасибо большое!

Интервью провел Л. Блехер

МЕЖДУ ПРОЧИМ

 Так говорил респондент...

– Как Вы понимаете слово “приватизация”, что оно означает?

– *Переход государства в мое частное лицо.*

– Почему Вы доверяете Генеральной прокуратуре?

– *От неизбежности.*

– Скажите, пожалуйста, почему Вы считаете, что Вы женаты, несмотря на то, что Ваш брак официально не зарегистрирован?

– *Я ежеминутно ощущаю, что у меня есть жена.*

– Почему вы считаете необязательным, чтобы отношения мужчины и женщины, живущих совместно, ведущих общее хозяйство, были зарегистрированы?

– *Разницы в этих браках никакой – детишки все равно рождаются непутевыми.*

– Какие люди чаще вызывают у Вас подозрение? Какие особенности их отличают?

– *Красный нос и нечесаная борода.*

– Что, на Ваш взгляд, означает “проявлять бдительность”?

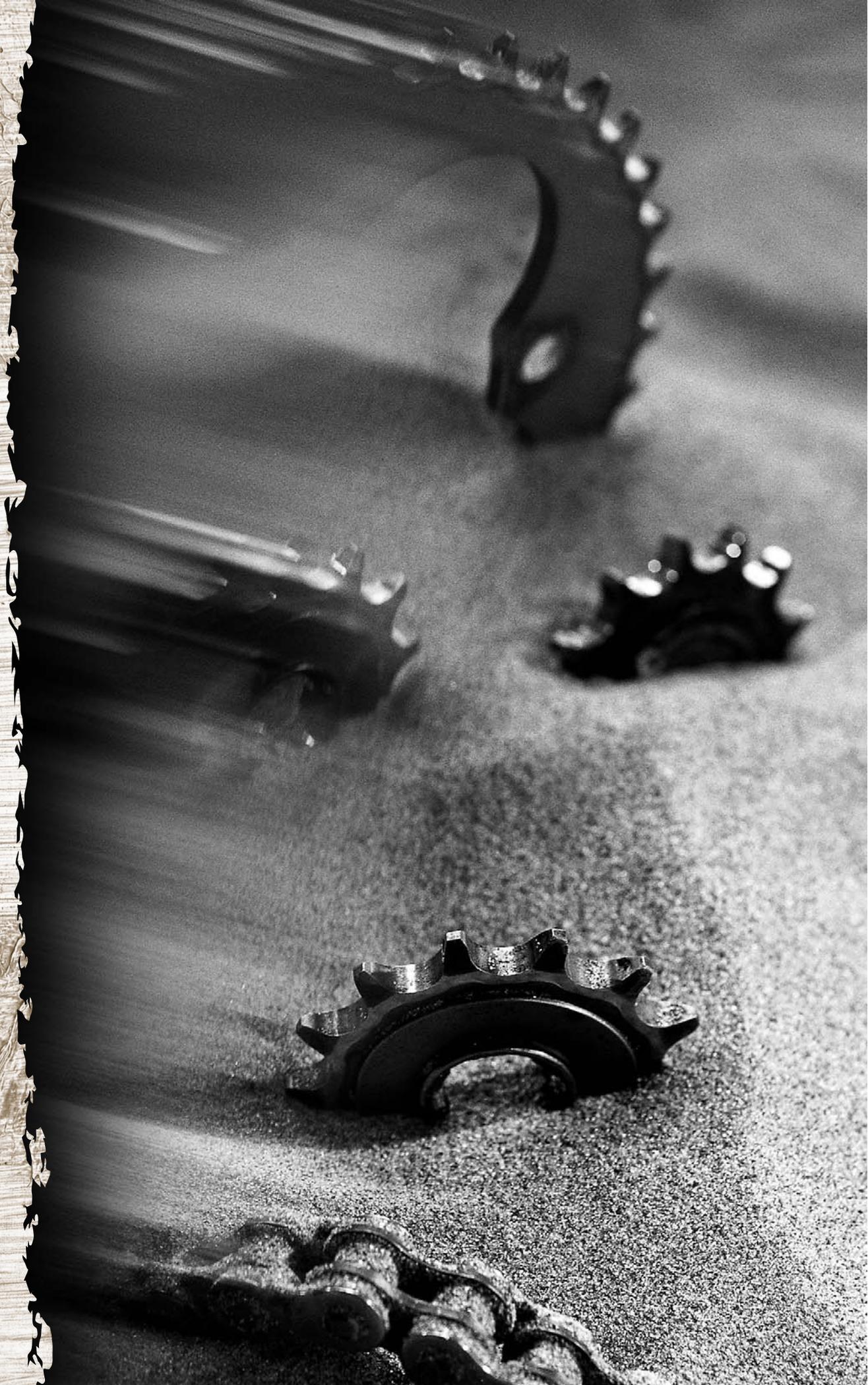
– *Не пускать меня в подбезд.*

– Как бы Вы объяснили, что такое “Аль-Каида”, что она собой представляет?

– *Группировка в пустыне.*

(Из опросов ФОМа)

WAGTIEPCKVAR

Р. Фрумкина

Общественное мнение

И неосведомленные граждане

Цаллер Джон. Происхождение и природа общественного мнения. Пер. с англ. А.А. Петровой; редактор перевода И.Н. Тартаковская. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004. 559 с.

Книга Джона Цаллера “Происхождение и природа общественного мнения” – достаточно специальный труд, представляющий интерес для разных и при этом не всегда пересекающихся кругов читателей. Разумеется, книга адресована прежде всего социологам как лицам, профессионально изучающим процессы, происходящие в обществе, – становление и функционирование общественного мнения в том числе. Далее, особый интерес труд этот вызовет у американистов, поскольку практически вся конкретика, изучаемая автором, порождена спецификой именно американского социума. Это американская пресса, американская электоральная система, американская система партий, система отношений гражданин–государство, характерная именно для США.

Социальные психологи, обратившиеся к работе Цаллера, тоже найдут для себя в ней много полезного, поскольку автор исследует психологию потребителя масс-медиа, психологическую подоплеку поведения избирателя – рядового представителя гражданского общества, свободного в изъяснении своих симпатий и антипатий (Цаллер называет эти аспекты *политической психологией*). Но все это тоже изучается на примерах из американской общественной и политической жизни.

Главное, чем занят автор, – это исследование процесса формирования массовых политических предпочтений на основе данных, которые можно почерпнуть из СМИ. При этом он делает акцент на то, что СМИ – это рупор, назначение которого со-

стоит в доведении до масс позиций и мнений политических *элит*. Иными словами, с точки зрения Цаллера, рядовой актер современного информационного общества никогда не имеет непосредственного доступа к положению дел, “каково оно есть”. “Положение дел” предъявлено ему через *линзы* тех партийных и политических установок, которые доступные (или привычные) для него СМИ разделяют и транслируют.

Многочисленные примеры того, как мнение американского общества “колебалось вместе с линией” политических сил, стоящих за теми или иными независимыми американскими СМИ, на мой взгляд, и представляют безусловный интерес для нашего читателя. Отношение к войне во Вьетнаме, к гомосексуализму и гомосексуалистам, к чернокожим гражданам, к тем или иным кандидатам на выборные должности – именно подобный фактический материал, освещающий динамику установок

Рядовой актер современного информационного общества никогда не имеет непосредственного доступа к положению дел, “каково оно есть”

простых американцев, изменявшихся под влиянием СМИ, видится мне более поучительным и актуальным, чем модели формирования общественного мнения, предложенные автором. Эти фактические данные – бесценный материал отнюдь не только для социологов, но еще и для историков, в том числе – для тех, кто преподает современную историю и заинтересован в раскрытии ее движущих сил и механизмов.

Чтение Цаллера побуждает задуматься о том, что даже самый *просвещенный* читатель является пленником позиций *элит* или, если угодно, некоторого невидимого экспертного сообщества. Но и это сообщество располагает не сведениями, а лишь более или менее обоснованным набором *предположений* о том, как реально обстоят дела в некотором довольно узком временном и пространственном ин-

Даже самый просвещенный читатель является пленником позиций элит или, если угодно, некоторого невидимого экспертного сообщества

тервале. Иными словами, *информированность* по любому достаточно общему вопросу – это не более чем в высшей степени осторожный *прогноз*.

Позволю себе пример, касающийся моего собственного восприятия.

Наш соотечественник Николай Васильевич Злобин, историк и политолог, с некоторых пор работает в США. 25 февраля 2006 года на радио “Эхо Москвы” с ним беседовала Светлана Сорокина, ведущая популярной вечерней передачи “В кругу света”. Злобин – эксперт крупного неправительственного американского центра, занимающегося проблемами международной безопасности и международных отношений. Он так и называется – Институт мировой безопасности.

Злобин был известен у нас и до того, как его пригласили работать в Вашингтон. Поэтому у меня были все основания слушать эту передачу самым внимательным образом, а потом еще и прочитать расшифровку ее стенограммы на сайте “Эха Москвы”. Признаюсь, что я столкнулась с позициями, которые оказались для меня достаточно неожиданными.

Начну с относительно нейтральной констатации: по мнению Злобина, большинство американских конгрессменов *не знают* о существовании поправки Джексона-Вэника. Далее Злобин напоминает нам, что более 60% конгрессменов США никогда не были за границей. К тому же, он уверен, многие из них не знают даже фамилию российского премьер-министра. Самое интересное, однако, следует ниже (цитирую по стенограмме): “*Американский конгрессмен... даже фамилию Путина не сразу вспомнит, но он будет знать фамилии всех школьных учителей в своем округе и их дни рождения*”.

То есть, согласно экспертному мнению Злобина, американская политика на уровне конгрессмена – сугубо *местное* дело: это интересы *избирателей его округа*. А не далекая Россия или тем паче – Украина. Любопытно, не правда ли?

Но слушаем дальше. Цитирую: “*Я как историк и человек, занимающийся политикой, не вижу ни одного аргумента в пользу того, что многополярный мир будет более стабильным, чем однополярный*”.

Вот те на! И тут я задумалась. Никакие модели, предложенные Цаллером, не помогут проследить, почему же во вполне информированных, казалось бы, кругах моих соотечественников решительно преобладает мнение о многополярности мира: именно многополярность большинству из нас представляется своего рода гарантией равновесия. Скептики, циники, “физики” и “лирики”, побывавшие и поработавшие на разных континентах, читающие на трех-четыре языках и чувствующие себя в Париже как на Чистых прудах, в Оксфорде – как в Питере, а в окрестностях Вашингтона – как у себя дома, тем не менее не найдут аргументов в пользу однополярности.

У Злобина эти аргументы есть. Вот они: “*...Все основные войны, <...> случались в условиях, когда многополярность позволяла бросить вызов... одна страна была способна бросить вызов другой. Я понимаю, что однополярный мир, он несправедлив. Особенно с Америкой <...>. И вот я считаю, что у России сегодня – не только у России, у всех – выбор между принятием этой несправедливости, попыткой найти для себя удобоваримую формулу выживания, и попыткой дестабилизировать этот однополярный мир. Вот между дестабилизацией и несправедливостью, к сожалению, сегодня российский выбор*”.

Разумеется, радиопередача – тем более прямой эфир – едва ли подходит для подробной аргументации, тем не менее, сказанное заставляет задуматься. Меня – потому что Злобин в моем частном восприятии представляет не какую-то группу заинтересованных лиц, а ту самую элиту, которой я склонна доверять. Ну а если бы Злобин (или другой уважаемый человек) высказался не о глобальных политических проблемах, о которых я по определению не могу иметь квалифицированного мнения, а, допустим, порицал бы гомосексуализм, по поводу которого я имею собственное мнение? Где та элита, мнение которой действительно важно для российского гражданина?

Но вернемся к книге.

В основе модели Цаллера лежат четыре предпосылки, названные им аксиомами. Каждая из них сама по себе достаточно сложна и неочевидна. Думаю, что правильнее было бы сказать, что роль этих аксиом сводится к тому, чтобы с их помощью ужать свою “идеологию” (понимаемую как термин в смысле К. Гирца) до наиболее внятных позиций.

Первая аксиома касается так называемой “*когнитивной вовлеченности*” и вызывает менее всего сомнений. В соответствии с этой аксиомой, чем более каждый из нас чувствует себя заинтересованным в положении вещей в некоторой области, тем больше шансов, что сообщения, ее касающиеся, будут нами прочитаны / услышаны. Понятно, что если у вас сын, брат или друг призывного возраста, вы не пропустите сообщений, касающихся призыва в армию.

Вторая аксиома гласит, что люди склонны критически воспринимать аргументы, не согласующиеся с их политической предрасположенностью, но только в той мере, в которой они в состоянии *устотреть само рассогласование*, порождающее этот конфликт. Иначе говоря, если я способен к анализу, то я могу быть критичен.

Эта аксиома, с одной стороны, мне кажется тавтологией. С другой – существенно упрощает реальные конфликты. Если я настолько убежденный ксенофоб, что не покупаю на рынке помидоры у азербайджанцев, то я вообще глух к рациональным аргументам: помидоры бывают хорошими или плохими, и если они хорошие – их купит другой покупатель, так что эффект, который ожидается от моих личных действий, – нулевой.

Данный пример взят из реальной жизни и может считаться заурядным проявлением бытовой ксенофобии, не заслуживающим внимания. Приведу другой пример, тем более интересный, что сюжет касается известного польского философа и гуманиста. В 70-е годы профессор N не пил ни чай, ни кофе, поскольку с его точки зрения это означало бы потворствовать колониалистским устремлениям. Но, к примеру, рис в Польше тоже не растет!

Третья аксиома Цаллера называется “*аксиома доступности*” и напоминает нам о том, что быстрее всего мы актуализируем для себя то, что случилось / обсуждалось недавно. С одной стороны, это тавтологично, с другой – неочевидно: разве такой мощный механизм, как вытеснение, отменили?

Четвертая аксиома представляется мне скорее следствием из третьей: это “*аксиома реакции*”. Отвечая на вопросы интервью, люди актуализируют только тот свой интеллектуальный багаж, который, так сказать, “ближе лежит”. Но если вчера произошел пожар с большими жертвами и вся пресса полна обвинениями в адрес городской администрации, которая не озаботилась приобретением пожарных машин, то странно было бы вдруг об этом позабыть, даже если я глубоко равнодушна к перспективе выборов этой самой администрации, полагая, что хрен редьки не слаще.

Пафос Джона Цаллера, разумеется, не в том, чтобы свести многообразие социальных практик, порождающих и использующих общественное мнение, к небольшому числу более или менее прозрачных схем. Автор прекрасно отдает себе отчет в сложности формирования *мнений* вообще и, в особенности, в степени их действительной “общественности”, равно как и в мере их “зеркальности” по отношению к социальным феноменам, пусть даже и “кривой”. Главная цель работы – разработка концепции, модели анализа процессов изменения общественных представлений в связи с динамикой в публичном дискурсе – в дискуссиях

Чем более каждый из нас чувствует себя заинтересованным в положении вещей в некоторой области, тем больше шансов, что сообщения, ее касающиеся, будут нами прочитаны / услышаны

политических элит и в “повестке дня” масс-медиа. И важным здесь представляется то, что в свою модель Цаллер вводит “неосведомленного гражданина” и указывает на необходимость систематического размышления и проблематизации этого аналитического факта.

Споры социологов об их инструментарии, о природе социологических измерений, о мере “кривизны” социологических зеркал, о том, что же люди на самом деле делают, когда отвечают на вопросы, будут продолжаться до тех пор, пока общество будет интересоваться своим вчера, сегодня и завтра.

Некоторые из коллизий, сопутствующих подобным спорам, еще вчера не были для нас актуальны, поскольку условием подлинного социального познания является свобода. Хрупкий цветок, между прочим... ■

Г. Любарский

Размышления о системах, состоящих из неосведомленных граждан

Вне так давно переведенной на русский язык книге американского исследователя общественного мнения Джона Цаллера [Цаллер. 2004] содержится концепция, которая заставляет по-особому взглянуть на социальную и политическую динамику современных обществ. Кроме того, на основе предложенной им модели открывается возможность предсказаний, основанных на опросах граждан из страт разного типа.

Особенность работы Цаллера в сравнении со многими другими исследованиями состоит в том, что он ввел особую шкалу: ранжировал респондентов по уровню политической осведомленности. Основой для такого ранжирования служили простые фактологические вопросы о политической жизни США – от имен кандидатов в Конгресс до партии, составляющей в момент исследования большинство в Конгрессе; от формы правления в Китае или на Кубе до числа допустимых сроков пребывания на президентском посту и посту сенатора.

Элита производит политическую информацию, осведомленные граждане следят за ней с помощью СМИ, а малоинформированные граждане скорее подвергаются воздействию СМИ, нежели активно используют информацию

В первых главах работы Цаллер выделяет три группы людей: элиту, осведомленных граждан и малоосведомленных граждан – здесь он следует У. Липпману [Липпман. 2004] и в значительной степени воспроизводит теорию элит А. Грамши [Грамши. 1991]. Элита производит политическую информацию, осведомленные граждане следят за ней по

мере сил с помощью СМИ, а малоинформированные граждане скорее подвергаются воздействию СМИ, нежели активно используют информацию. Однако, переходя к изложению результатов конкретных опросов, Цаллер выделяет на графиках уже три другие группы: обладающие высокими, средними и низкими показателями по шкале политической осведомленности. Элиты по понятным причинам выпадают из дальнейшего обсуждения.

Хорошо информированные граждане – это граждане с высокими показателями по шкале политической осведомленности. Их характеристики совпадают с предсказаниями модели, вытекающей из типологии страт. Они отличаются высокой внутренней согласованностью и устойчивостью мнений, следуют за мнениями своей элиты (партии), сопротивляются потокам сообщений, принадлежащих иной партии. Благодаря работе с результатами конкретных исследований общественного мнения Цаллеру удалось весьма подробно охарактеризовать эту группу, выделить три типа сопротивляемости медиа-сообщениям.

Граждане со средними и низкими показателями по шкале политической осведомленности в значительной степени зависят от потока медиа-сообщений. По результатам анализа Цаллера, они характеризуются высокой долей неответов в ситуациях опроса, низкой согласованностью и непротиворечивостью мнений, низкой устойчивостью (воспроизводимостью в повторном обследовании). К сожалению, результаты Цаллера основаны на очень немногочисленных исследованиях общественного мнения, так как в большинстве исследований не задействованы вопросы, позволяющие построить шкалу политической осведомленности; также редки исследования, в которых респондентов опрашивают вторично через некоторый промежуток времени.

Теперь можно обратить внимание на другой аспект работы Цаллера, который у него самого не вызывает особого интереса, поскольку не входит как значимый элемент в его концепцию и не моделируется. Это данные о количественном составе различно осведомленных в политике групп населения. Элиты составляют максимум 1,5–2%. Для полстеров, как правило, они недостижимы и практически не участвуют в опросах. Хорошо осведомленные граждане составляют, по оценкам Цаллера, верхний дециль по шкале политической осведомленности, то есть 5–10% населения. Остальные примерно 90% относятся к категории средне- и слабоинформированных.

Итак, вывод относительно исследований общественного мнения, вытекающий из разработанной Цаллером методологии исследования, состоит в том, что представление населения как гомогенного в аспекте осведомленности, владения информацией вносит очень сильные искажения в результаты исследования. До Цаллера исследователи общественного мнения полагали, что все граждане с равным успехом могут иметь мнения по политическим проблемам; выборка может быть гетерогенной по результату (существуют сторонники и противники определенной позиции), но она гомогенна относительно самого принципа выражения мнения.

Цаллер установил ряд специфических правил, регулирующих реакции каждой из групп. Например, наименее осведомленные граждане очень слабо запоминают медиа-информацию, но зато относятся к ней не критически, при ответе на вопрос воспроизводя то, что они узнали из СМИ. Среднеинформированные граждане лучше запоминают информацию, но в целом во время опросов ведут себя так же – реагируют в соответствии с последними услышанными сообщениями. У них несколько выше способность согласовывать противоречивые мнения внутри одной группы вопросов, и они четко реагируют на “подсказки”, позволяющие им вспомнить знакомые мнения-клише. Однако их способность давать устойчивые и несамопротиворечивые ответы при повторном опросе крайне низка, при новом опросе они снова актуализируют последние услышанные медиа-сообщения, и бывает, что уже через несколько недель они дают противоположные по смыслу ответы.

Хорошо информированные граждане запоминают довольно большое количество высказываний, способны согласовывать свои ответы по смыслу

(выражать некоторую политическую позицию), достаточно долго сохраняют взгляды и могут устойчиво воспроизводить свои ответы – и при этом их позиция тесно связана с передаваемыми СМИ мнениями партии, сторонниками которой они являются. То есть эти хорошо информированные граждане могут сопротивляться (некоторое время) потоку разнородных медиа-сообщений, но они до-

Представление населения как гомогенного в аспекте осведомленности, владения информацией вносит очень сильные искажения в результаты исследования

вольно жестко следуют за линией, которой придерживаются члены их партийной элиты. Однако в населении этих хорошо информированных граждан всегда не очень-то много.

Данные, приведенные Цаллером, позволяют сделать вывод, что в отношении такого ресурса, как информация по политическим и социальным проблемам, люди отчетливо делятся на группы, сильно различающиеся по степени осведомленности и по этой причине различным образом реагирующие на вопросы исследователей. Эти результаты позволяют по-новому взглянуть на то, что можно обозначить как “политическая система” демократического общества. Согласно достаточно разработанной теории [Вебер. 1990, 1992; Мигранян. 1989; Шумпетер. 1995; Хабермас. 1995, 2001; Held. 1987; Mommsen. 1992; Sartori. 1987], демократическое общество можно описать (разумеется, очень грубо) следующим образом: оно состоит из исполнительной власти и остального населения, которое осуществляет обратную связь через механизм выборов. Если власть проводит курс, который большинству населения представляется ошибочным, снижающим уровень благосостояния граждан или безопасность государства, то на выборах население голосует за иную партию, которая сформирует новое правительство и исправит ошибки курса предшественников.

Однако такие акции, как выборы, референдумы, опросы общественного мнения и другие виды экспликации “гласа народа”, в политической системе демократии функционируют несколько иначе, нежели исполнение функции отрицательной

обратной связи. В контексте рассуждений Цаллера более соответствующей действительности оказывается иная модель демократического общества, которая подчеркивает роль СМИ, их участие в формировании общественного мнения, создании информации о проблемах, на которые подавляющее большинство граждан почти не обращают внимания, но при выражении своего мнения по той или иной проблеме вспоминают, что они “случайно” услышали, и актуализируют запомненное. В таком случае демократическое общество может быть представлено как пирамида, на вершине которой располагаются элиты. Между группировками элит идет борьба – в духе теории Вильфредо Парето. Когда одна из групп побеждает, она может организовать более плотный поток медиа-сообщений, чем соперничающая элита. Даже если перевес одной группировки элит над другой невелик, система “медиа+выборы” будет действовать как усилитель, выделяющий сигнал из шума. В результате общественное мнение оказывается способом бескровной передачи власти между группировками элиты, который обеспечивает медиа-власть. “Когда отсутствуют институты и образование, с помощью которых информация о среде доносится до людей столь успешно, что реалии общественной жизни могут быть сопоставлены с замкнутым на себе мнением отдельных групп, общие интересы полностью ускользают от общест-

венного мнения и могут управляться только специальным классом, личные интересы которого выходят за пределы местного сообщества” [Липпман. 2004. С. 293].

Таким образом, получается, что для современного общества, пожалуй, лучше подойдет не модель общества большинства (с идеей общества равных, динамической системой поддержания социальной солидарности и т. д.), а модель общества значимых меньшинств (обобщенно говоря – общества элит). Действительно, мы можем описать современное – *информационное* – общество как *разрозненную совокупность элит*, “излучающих” знания (сообщения) относительно сферы своей деятельности. Разрозненная – поскольку эти элиты не объединены в единую элиту, находятся в разных социальных полях. Элиты владеют сведениями, не касающимися непосредственно обыденной жизни населения, так что большинство людей в своем повседневном опыте не имеют необходимости накапливать знания (специализироваться) в этих областях. При этом эти далекие от обыденности сведения существенно влияют на судьбу общества в целом.

Мы можем мысленно разделить элитные сообщества на три большие группы: специалисты в сфере культуры, экономики и права (политики). В каждой из этих сфер общественной жизни верхушки иерархий могут быть названы “элитами” (теория элит в связи с функционированием демократического общества разобрана во многих работах, напр.: [Дай, Зиглер. 1984; Миллс. 1959; Москва. 1994; Парето. 1996, 1997; Vachrach. 1980; Vottomore. 1993]). Эти элиты существенно различаются по типу функционирования, однако ключевая проблема, которая напрямую или исподволь управляет их действиями, оказывается общей: всем им необходимо принимать в расчет наличие большого количества малокомпетентных потребителей их услуг.

В самом деле, сколько людей действительно компетентны, например, в проблемах здоровья и здравоохранения? Профессиональные врачи составляют менее 1% населения. Кроме них существует еще некое “компетентное меньшинство”, то есть некоторая часть образованного населения, которая из книг и СМИ черпает какую-то информацию о проблемах здоровья. Остальные – малоосведомленные граждане, чьи представления нерегулярны и несистематичны, текучи и податливы, подвержены моде и ситуативным мифологизациям. Такую же картину можно наблюдать в любой области знания.

Однако возьмем, к примеру, политические элиты. Они специализируются на решении политических проблем, далеких от обыденной жизни граждан, но сильно влияющих на эту обыденную жизнь; при этом имеются механизмы (демократия: выборы, референдумы, опросы), с помощью которых граждане могут влиять на решение таких вопросов. Эти механизмы мыслятся как поддерживающие устойчивость системы с помощью отрицательной обратной связи. Поскольку подавляющее большинство граждан некомпетентны в политических вопросах, а значит, их решения могут оказаться разрушительными для данной сферы, разработаны особые механизмы, которые ограничивают возможности выбора до нескольких (очень немногих) позиций и регулируют мнения граждан при выборе из этих позиций.

Опасность неустойчивости, появления угрожающих девиаций политические системы снимают старыми, разработанными еще в XVIII–XIX веках средствами: распределение власти между местными и центральными органами; разделение властей; система сдержек и противовесов; множественность юрисдикций; закрытая партийная система, то есть альтернативность партий, система права и в первую очередь – конституция. Однако есть и изобретения XX века: влияние медиа. Власть медиа определяется не только тем, что СМИ создают новости, которые затем влияют на важные в политическом смысле действия людей. Едва ли не большее значение имеет то, что медиа-сообщения создают фон: то, что не входит в новости, по умолчанию считается не-новым, привычным, то есть “истинным положением дел”, “реальностью”. Поскольку “новостная картина” рисуется на фоне обыденности, то чем ярче новость, тем в большей степени она (по контрасту) создает впечатление обыденности и однородности “фона” – обыденного контекста социальной жизни. Кроме того, медиа, мыслившиеся в качестве одного из механизмов отрицательной обратной связи (посредством которого управляющие элиты способны получать критику на свою работу), на деле работают совершенно иначе. Они скорее представляют собой фильтр, который оформляет и канализирует “шум”, возникающий при обращении кого-либо к мнениям больших масс некомпетентных людей.

Все коротко упомянутые средства повышения устойчивости социальной системы должны страховать демократию, говоря политическим языком,

от “тирании большинства”, а на языке системной теории – преобразовывать шум в осмысленные сигналы, которые затем довольно произвольно наделяются смыслом с целью построения из них идеологических систем. К примеру, если масс-медиа определяют наиболее общие параметры общественного мнения, они тем самым упорядочивают такие общественные функции, как голосование, референдумы, выборы. Вместо шума, производимого множеством неосведомленных граждан (и катастрофических положительных обратных связей), масс-медиа (вместе с партийно-политической системой) формируют осмысленный “сигнал”, значение которого – в формулировании мнения господствующей элиты. Выборы служат в качестве усилителя сигнала медиа, благодаря этому усилению более мощная на данный момент группа элиты может прийти к власти без прямой борьбы с представителями прежней элиты. Липпман по этому поводу пишет: “Они <федералисты – ГЛ> не видели никакого другого пути заменить “кровавую работу меча” на “умеренное влияние государственных чиновников”, кроме как изобрести хитрый механизм нейтрализации права общин устанавливать собственные законы” [Липпман. 2004. С. 266].

Таким образом, политическая система управляется тройко: прямыми решениями элиты; решениями граждан, осуществляющимися через выборы, и *косвенными влияниями*, регулирующими процесс формирования мнений граждан.

Создание нового общественного идеала – общества-конструкта, состоящего из “негодных” граждан, – произошло, поскольку XX век дал понять, что на собственные усилия граждан в деле сохранения и повышения общественного благосостояния рассчитывать нельзя

Действительно, для осуществления функции контроля над ошибками власти население (теоретически) должно быть достаточно компетентным, политически осведомленным, понимать сущность проводимых властью политических решений и быть детально информированным, чтобы разбираться в том, что является ошибками, а что – достижениями данного курса. В противном случае граж-

дане не могут обоснованно выбирать ту или иную партию, того или иного кандидата. Между тем из данных Цаллера вытекает, что 90% населения практически не обладают никакой компетенцией в политических вопросах (вплоть до незнания имени действующего президента, названия партии, имеющей большинство в Конгрессе, названий стран, с которыми данная страна находится в состоянии войны). Воздействия (какими принято считать выборы и частично – опросы общественного мнения) со стороны столь слабо осведомленного населения могут быть только шумом, способным дестабилизировать ситуацию, а не сигналом, увеличивающим ее устойчивость – если выборы и в самом деле служат обратной связью, регулирующей действия властей. Общество, в котором политическая система на 90% состоит из неинтересующихся общесоциальной тематикой людей, должно быть

крайне неустойчивым. Однако достаточно очевидно, что эти теоретические выкладки, хоть они и опираются на данные об осведомленности избирателей, не соответствуют “реальной политике”. Следовательно, можно предположить, что реальное общество устроено существенно иначе, чем это вытекает из общих принципов теории демократии и равенства. Вопрос “как именно?” не входит в задачу данного текста. Здесь нам важно подчеркнуть, что работа Цаллера в силу очень ясно сформулированной и эмпирически обоснованной базовой концепции (модель ВПФ) позволяет поставить проблему

Можем ли мы говорить, что общество, устроенное (или считающее себя устроенным) в соответствии с концепцией общественного долга и социальной солидарности, которое возлагает на граждан определенные обязательства, нагрузки,

необходимые для хорошего функционирования социальных институтов, – это общество сменилось (или находится в процессе замещения) иным, которое представляет собой конструкт, состоящий из “пассивных граждан”?

Это “иное общество” не требует от гражданина быть кем-то, кем он пока не является, однако в нем существует постоянный спрос на умелых конструкторов, которые могли бы собрать из некомпетентных и пассивных граждан социальные конструкции, успешно функционирующие, обеспечивающие максимальное благо для наибольшего числа людей, устойчивые и застрахованные от тирании. Это совсем иной идеал, нежели тот, в соответствии с которым разрабатывались “механизмы равенства”, – что вовсе не означает, что новое общество объявит себя обществом элитарным. Создание нового общественного идеала – общества-конструкта, состоящего из “негодных” граждан (как это говорилось в кибернетике 60-х – устойчивые системы из неустойчивых элементов) – произошло, поскольку XX век дал понять, что на собственные усилия граждан в деле общественного благосостояния рассчитывать нельзя. То есть одним из самых важных уроков, вынесенных политической наукой из событий XX века, стало представление об изначальном зле человеческой природы (противоположность руссоизму, на котором основывались идеи равенства XIX века). Людям нельзя доверять влияние на общественное устройство, так формулируется урок XX века, и профессионалы, озабоченные устройством общества, принялись искать способы построения институтов, не апеллирующих к уровню развития гражданина. Однако найденный вариант устройства общества оказался не *обществом равенства*, а *обществом элит*.

Тем самым работа Джона Цаллера позволяет двигаться в разных направлениях. Ее можно прочесть “только” как технологическое руководство для поллстеров, позволяющее внести некоторые поправки в механизм опросов. А можно продолжить рассуждения, основываясь на высказанных Цаллером идеях, в каком-то смысле довести их до абсурда и задуматься над новым обществом элит. Или, например, можно увидеть, что эти “элиты” столь же замкнуты в производимом ими “мире мнений”, как и прочие, и привилегированность элит весьма относительна. А можно попробовать найти источники устойчивости современного мира – ведь если теория говорит, что он неустойчив, а в реальности

он “стоит” – значит, мы не все понимаем в устройстве современного общества. Осмысление может происходить на разных уровнях – и для всех этих мыслей книга Цаллера является отличным отправным пунктом. ■

Литература

- Bachrach P.* The theory of democratic elitism: A critique. N.Y.: University Press of America, 1980.
- Bottomore T.* Elites and society. 2nd edition. London: Routledge, 1993.
- Held D.* Models of democracy. Cambridge: Polity Press, 1987.
- Mommsen W.* The political and social theory of Max Weber. Chicago: Chicago Univ. Press, 1992.
- Sartori G.* The theory of democracy revisited. Chatham (N.Y.): Chatham House Publishers, 1987.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия / Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–670.
- Вебер М.* О буржуазной демократии в России // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 130–134.
- Грашши А.* Возникновение интеллигенции / Искусство и политика. Т. 1. М.: Искусство, 1991.
- Дай Т., Зиглер Л.* Демократия для элиты. М.: Юридическая литература, 1984.
- Липпман У.* Общественное мнение. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004 (Lippmann W. 1946. Public Opinion. New York: Penguin).
- Мигранян А.М.* Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 148–158.
- Миллс Р.* Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959.
- Моска Г.* Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.
- Парето В.* Трансформация демократии / Западноевропейская социология XIX–начала XX века / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 155–166.
- Парето В.* Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли. В 5 тт. М.: Мысль. Т. 2, 1997. С. 59–67.
- Хабермас Ю.* Демократия, разум, нравственность. М.: Academia, 1995.
- Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. С-Пб.: Наука, 2001.
- Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004.
- Шумпетер Й.* Капитализм, социализм, демократия. М.: Экономика, 1995.

И. Климов

Модель Джона Цаллера: “Происхождение и природа общественного мнения” выписки из книги

Книга Джона Цаллера относится к категории “трудного чтения”: работа с этим текстом требует постоянной мобилизованности внимания и ежестраничного понимания логики разворачиваемых автором рассуждений. Цаллер старательно избегает метафоры в утверждениях и старается четко придерживаться исходных определений, аксиом и в целом – предложенной им модели формирования общественного мнения. Это создает ощущение некоторой занудности текста, тем более что и многочисленные примеры и иллюстрации, призванные “облегчать чтение” и прояснить те или иные утверждения, исполнены в той же педантичной стилистике. Большое число нюансов, деталей и пояснений относительно событий, заявлений тех или иных действующих лиц, обстоятельств внешней и внутренней политики etc. могут показаться избыточными – по крайней мере, при первом знакомстве с идеями автора.

Предлагаемый ниже отрывок представляет собой части двух глав из книги Цаллера. Это глава 3 – “Как граждане получают информацию и превращают ее в общественное мнение” и глава 11 – “Оценка модели и перспективы ее дальнейшего использования”. Эти разделы были выбраны в силу того, что в них наиболее полно и наиболее четко описывается базовая концепция Цаллера, даются пояснения и оценки достоинств и недостатков модели. Главы публикуются в сокращении. Мы убрали некоторые содержательные повторы и указа-

ния на другие разделы книги и, кроме того, многочисленные библиографические ссылки на профессиональную литературу и публикации в журналах и газетах. Для общего ознакомления с идеями Цаллера обширный библиографический аппарат избыточен, тем более что желающие могут найти все недостающие компоненты в самой книге.

Текст структурирован рубриками [даны в квадратных скобках], которые представляют собой своего рода конспект и тематический указатель наиболее важных утверждений и умозаключений Цаллера. Разумеется, каждый по-своему организует собственные конспекты, но в данном случае мы стремились сохранить структуру авторского текста и сделать более отчетливыми рассуждения автора.

Глава 3

“Как граждане получают информацию и превращают ее в общественное мнение”

При анализе общественного мнения первостепенное внимание уделяется двум обстоятельствам, двум процессам: тому, как граждане узнают о вещах, которые по большей части находятся за пределами их непосредственного опыта, и тому, как получаемая информация преобразуется во мнение.

В этой главе предлагается модель обоих процессов. Она не обеспечивает полного и точного пред-

Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004.

¹ Термин заимствован у Келли. Он показал, что индивиды принимают электоральные решения в ходе президентских выборов на основе сети оценок, взвешивая множество “за” и “против”, которые он назвал “суждениями”. “Здесь и далее, если другое не оговорено, примечания автора”.

ставления о том, как люди обрабатывают информацию и формулируют на ее основе суждения о своих установках; поскольку ни одна модель не является одновременно и всеобъемлющей, и проверяемой на данных типичного массового опроса, все мои аргументы как бы ограничиваются с двух сторон. Тем не менее в предлагаемой модели – и я надеюсь убедить в этом читателя – содержится правдоподобное, хотя и приблизительное описание того, что происходит в действительности; кроме того, она превосходно объясняет распределение имеющихся данных о широком круге явлений.

Кратко очертив модель формирования мнения, я далее, на протяжении всей книги, буду проверять следующие из нее утверждения. Потребуется привлечение некоторых других идей, но их, однако, будет немного, и обращаться к ним мы будем лишь время от времени. Все важнейшие особенности предпринимаемого мною анализа определяются именно представленной здесь моделью.

Основные определения

[Когнитивные и аффективные составляющие суждения]

Я начну описание модели с введения некоторых простых базовых терминов.

Во-первых, суждение (consideration). Этим термином обозначается любое основание для решения индивида по какому-либо политическому вопросу¹. Суждения состоят из когнитивной и аффективной составляющих, то есть представлений, связанных с объектом, и его оценки на основе этих представлений. Высказывание “план президента Буша по урегулированию федерального бюджета справедлив по отношению к группам, обладающим разными интересами” является суждением, которое может побудить индивида при ответе на вопрос в массовом обследовании сказать, что он

одобряет политику президента. Когнитивный элемент в этом суждении – информация о программе налогообложения, а аффективный – положительная оценка этой программы².

Еще пример: некто враждебно реагирует, увидев в теленовостях бомжа, и на основе этой враждебности формулирует высказывание мнения, отрицательно оценивая правительственные затраты на

Моя цель заключается в том, чтобы зафиксировать ограниченный набор ключевых идей и объяснить с их помощью максимально возможное число явлений. ... чем больше понятий и различий мы используем для описания некоторого множества явлений, тем меньше мы будем понимать эти явления

бездомных. Сначала может показаться, что эта гипотетическая формулировка мнения основывается скорее на чисто аффективной реакции, а не на смеси когнитивной и аффективной составляющих. Однако когнитивный элемент здесь явно присутствует: человек на улице воспринимается именно как бомж, а не как “подобный мне человек, потерявший, к несчастью, работу”. Негативная оценка, следовательно, зависит от специфических когнитивных репрезентаций того, что данный индивид воспринял, то есть сочетает в себе когнитивный и аффективный элементы.

Можно еще много сказать о суждениях³, особенно об их роли в направленном восприятии (guiding perception), но, как станет очевидно, этот термин даже в такой схематичной форме является достаточно точным для дальнейшего использования⁴.

² В большинстве случаев оценка, связанная с суждением, не выражается явно, а лишь подразумевается; так, высказывание: “Пентагон расходует много денег” практически каждый идентифицирует как выражение недовольства по поводу необходимости больших затрат на оборону.

³ В соответствии с трактовкой Цаллера, фрейм для восприятия создают как когнитивные, так и аффективные компоненты суждений. (Примеч. пер.)

⁴ Есть соблазн просто позаимствовать из психологии термин “схема” и использовать его вместо термина “суждение”. Однако оба термина, оба понятия в данном контексте нерелевантны. Прежде всего, термин “схема” указывает скорее на когнитивный, чем на эмоциональный аспект. Его использование, даже если оно эффективно для разных областей деятельности, для политики, где люди принимают решения на основе эмоционально, ценностно окрашенных идей, не подходит. Термин же “суждение” (оно определяется как довод в пользу определенной позиции), возможно, идеосинкритичен, однако дает существенное преимущество, поскольку подразумевает сочетание когнитивного и аффективного элементов. И еще, слово “суждение” имеет повседневное значение, более совместимое с политическим анализом, нежели слово “схема”.

[Убеждающие сообщения создают основу для принятия точки зрения]

Во-вторых, я выделяю два типа политических сообщений – убеждающие и подсказывающие.

Убеждающие сообщения – это доводы, аргументы или образы, создающие рациональные основания для принятия той или иной точки зрения. Если они воспринимаются индивидом, то становятся суждениями в том смысле, в котором мы только что определили этот термин. Речь представителя демократической партии, утверждающего, что “бюджетный план президента Буша – это чистый обман и заблуждение”, представляет собой пример убеждающего сообщения.

Из сказанного не следует, что политические сообщения или сформулированные на их основе суждения должны быть холодно-рациональными. Скорее наоборот, политические сообщения могут включать неявные и даже действующие на подсознание образы, а суждения могут быть эмоционально окрашенными. Например, президент может построить свое публичное выступление так, чтобы публика ощутила комфорт и безопасность. И если речь президента воспринимается соответственно, если эти когнитивные репрезентации вызывают чувство безопасности, положительно влияющее на то, как граждане оценивают результаты его рабо-

ты, то ощущение безопасности может стать основанием для позитивной оценки, то есть для суждения. Сказанное важно подчеркнуть, поскольку, хотя модель во многом исходит из разработок когнитивной психологии, она в принципе столь же приспособлена для описания нерационального содержания и невербализуемых образов, сколь и для прочих видов политического дискурса.

[Подсказывающие сообщения задают контекст восприятия убеждающих сообщений]

Подсказывающие сообщения – второй тип сообщений, содержащихся в дискурсе элиты, – содержат контекстуальную информацию об идеологическом значении убеждающих сообщений. Значение подсказывающих сообщений состоит, как показал Конверс, в том, что они дают гражданам возможность воспринимать отношения между убеждающими сообщениями, которые граждане получают, и их собственными политическими предположениями и в результате критически реагировать на убеждающие сообщения. Таким образом, приверженец республиканской партии скорее отвергнет критику бюджетного плана президента Буша, если будет знать, что данная критика исходит от демократов.

В предыдущей главе я иллюстрировал важность подсказывающих сообщений примером, когда политически неосведомленные личности были неспособны идеологически обоснованно ответить на вопрос о “контрас” в Никарагуа, так как им не хватало информации об этом движении; однако они вполне убежденно отвечали на вопрос о борьбе с коммунизмом в Центральной Америке, поскольку слово “коммунисты” воспринималось как подсказка.

Модель

[Люди используют политическую информацию для собственных высказываний]

Предлагаемая модель состоит из четырех утверждений, аксиом о том, как индивиды реагируют на политическую информацию, с которой они сталкиваются. Каждая из аксиом сначала формулируется в максимально обобщенной форме, а затем обосновывается более подробно. Ни одна из них не является сама по себе чем-то новым, не дает полного представления о том, что происходит в дейст-

вительности. Я надеюсь, однако, показать, что, вместе взятые, эти аксиомы приводят к достаточно новым и вполне эмпирически корректным выводам; что, хотя модель и не дает совершенного, истинного отражения действительности, они являются достаточно правдоподобным приблизительным описанием того, как индивиды воспринимают политическую информацию и используют ее, чтобы сформулировать высказывания о своих политических предпочтениях.

[Интеллектуальная и эмоциональная вовлеченность стимулирует внимание к сообщениям]

A1 – аксиома восприятия (reception axiom). *Чем выше уровень когнитивной вовлеченности индивида, тем более вероятно, что он будет воспринимать, то есть обращать внимание и понимать, политические сообщения, связанные с тем или иным вопросом*⁵.

Как уже говорилось ранее, сообщения, которые человек получает, бывают убеждающими и подсказывающими. В вопросе о первенстве когнитивного или аффективного компонента модель несомненно подчеркивает когнитивный аспект проявлений политической коммуникации. Для такого предпочтения существуют две причины.

Во-первых, целью построения данной модели является описание того, как индивиды извлекают информацию из окружающей их среды и на ее основе формулируют высказывания мнения. Это преимущественно когнитивный процесс, и аффективная вовлеченность здесь значима лишь постольку, поскольку ведет за собой интеллектуальную, то есть когнитивную, вовлеченность. Следовательно, данная аксиома позволяет определить модель в терминах когнитивной вовлеченности.

Во-вторых, измерения, которые проводятся в процессе опроса и посредством которых определяется когнитивная вовлеченность в политические проблемы, отражают также и меру аффективной вовлеченности. К примеру, респонденты, набирающие высокие баллы в тесте политической осведомленности, обладают значительно более стабильными установками, нежели люди, хуже разбирающиеся в политике; однако граждане, утверждающие, что они очень интересуются политикой (что я интерпретирую как форму аффективной вовлеченности), не более устойчивы в своем мнении,

чем те, кто выражает незначительный интерес к политике.

[Эмоциональная вовлеченность без интеллектуальной имеет ограниченное влияние]

Следует отметить: хотя интерес к политике имеет лишь ограниченное влияние на стабильность ответов респондентов, он сильно (даже больше, чем политическая осведомленность) коррелирует с вероятностью участия в выборах. Таким образом, эмоциональная вовлеченность может все же оказаться важной, но без когнитивной вовлеченности она имеет лишь ограниченное влияние на мнение само по себе.

Когнитивная вовлеченность – не просто важнейший показатель в данной модели; она означает нечто в какой-то мере более сложное, нежели может быть определено в тесте политической осведомленности. Учитывая это, далее я буду использовать более простые термины – “внимание к политике” и “политическая осведомленность”, причем использовать и тот и другой практически в одном и том же смысле.

Политическая осведомленность в последующем анализе операционально определяется в основном через общий показатель политического знания, то есть индивидуальную сумму баллов, которые на-

Различия между гражданами в уровне политических представлений и осведомленности столь же закономерны, сколь и различия в ценностях и интересах

браны в тесте, состоящем из серии нейтральных, фактических вопросов о политических проблемах. Такая стратегия измерения более чем далека от идеала. Разумеется, предпочтительнее более узко сфокусированные измерения осведомленности, касающиеся, к примеру, только интеллектуальной вовлеченности в вопросы внешней политики или же проблемы расовых взаимоотношений. Однако подобные специализированные замеры редко проводятся в массовых опросах и ни разу не встречаются в тех, которые я использую в этой книге.

⁵ Термин Мак-Гайра.

На практике мне приходится иметь дело только с общими показателями политической осведомленности, хотя (можно утверждать, основываясь на аналогичных исследованиях) различия при использовании общих и специализированных тестов политической осведомленности как индикаторов влияния дискурса элиты на мнение масс минимальны.

Граждане обычно не обладают фиксированными установками по каждому вопросу, который может быть задан интервьюером; напротив, они конструируют “высказываемые мнения” по мере того, как сталкиваются с новыми вопросами

[Вовлеченность побуждает воспринимать сообщения независимо от их источника]

Важно обратить внимание на то, что в аксиоме восприятия A1 ничего не говорится об источниках политической коммуникации, формирующих общественное мнение. В той мере, в какой это в состоянии отразить аксиома, политическая коммуникация может исходить из разных источников: дискурса элиты, личных, неформальных обсуждений политических проблем с друзьями и соседями или чего-то другого. Согласно аксиоме, восприятие релевантных политических сообщений, каково бы ни было их происхождение, имеет сильную прямую зависимость от интеллектуальной вовлеченности в соответствующий вопрос. Если же говорить более обобщенно, измерения политической осведомленности являются показателями

склонности респондентов воспринимать политические сообщения вообще, независимо от их происхождения.

[Дискурс элиты и межличностное общение]

Несомненно, желательно измерять подверженность респондентов влиянию межличностного общения независимо от подверженности влиянию дискурса элиты (через СМИ). Но на основе имеющихся данных это не представляется возможным. В некоторых опросах измерялась частота участия в неформальных политических дискуссиях, однако, как и в случае с показателями политической осведомленности, нет гарантии, что эта переменная выявляет воздействие только одного типа политической коммуникации⁶.

Надо также иметь в виду следующее: предположение, что в большей степени именно дискурс элиты, а не личное общение или что-либо еще формирует общественное мнение, не является частью формальной модели, рассматриваемой здесь. Это скорее вспомогательное заключение, и оно требует дополнительного независимого обоснования.

[Критическое восприятие сообщений возрастает с уровнем включенности]

A2 – аксиома сопротивления (resistance axiom). *Люди склонны критически воспринимать аргументы, не согласующиеся с их политическими predispositionностями, но только лишь в той мере, в какой они обладают контекстной информацией, необходимой для понимания отношений между этими аргументами и своими политическими predispositionностями.*

Основанием для критического восприятия, в соответствии с аксиомой A2, является информация

⁶ Прайс и я обнаружили, что, хотя частота неформальных политических дискуссий, в которые оказывается вовлечен респондент, имеет лишь умеренную корреляцию с вероятностью восприятия порций определенного типа новостей, у вовлеченности в политические дискуссии нет значимой связи, если контролируется такая переменная, как осведомленность по текущим политическим проблемам. Даже указываемая самим респондентом частота обращений к информации из масс-медиа не имеет значимой корреляции со степенью восприятия медиа-сообщений, когда контролируется влияние переменной “общая политическая осведомленность”. Ни один из этих выводов, однако, ничего не говорит о значимости источника информации. Можно предположить, что, если бы частота обращений к информации СМИ и частота политических дискуссий использовались не в качестве дополнения к общему показателю политической осведомленности, а вместо него, можно было бы разграничить доли их влияния. Но тогда возникавшая сложность заключалась бы в следующем. Показатели подверженности влиянию СМИ, которые можно использовать в типичном массовом опросе, очень ненадежны, гораздо более ненадежны, чем может показать обычно достаточно большая ошибка первого рода в индексах подверженности влиянию СМИ. Вследствие этого использование показателей частоты обращений к информации из СМИ вместо показателей политической осведомленности дает совершенно незначимые результаты даже тогда, когда имеется очевидно значимое влияние СМИ. Я подозреваю, что действительная надежность такого показателя, как указываемая самими респондентами частота участия в политических дискуссиях, если ее тщательно исследовать, окажется столь же низкой.

об отношениях между аргументом и факторами предрасположенности, которая может содержать в подсказывающих сообщениях. А вероятность восприятия содержания сообщений-подсказок зависит от индивидуальной осведомленности по соответствующему вопросу. В совокупности аксиомы A1 и A2 подразумевают, что вероятность критического отношения к убеждающим сообщениям возрастает одновременно с уровнем внимания к политическим вопросам. Иначе говоря, граждане, обладающие низким уровнем внимания к политике, зачастую не будут и подозревать о том, что означает для них принятие убеждающих сообщений в идеологическом плане, а в результате это принятие будет ошибочным.

В соответствии с данным тезисом граждане рассматриваются как автоматически реагирующие, не рассуждающие существа: если они хорошо информированы, то механически реагируют на политические сообщения на основе подсказок об идеологическом значении этих сообщений, а если слабо и не способны идентифицировать подсказки, то склонны некритически воспринимать любую предлагаемую им информацию⁷.

[Критическое отношение связано с обладанием контекстной информацией]

Хотя такой вывод может показаться непривлекательным, он согласуется с теоретическими моделями и эмпирическими данными, полученными в исследованиях политической коммуникации. Конверс тоже считает, что лишь меньшинство людей способны рефлексивно оценивать, как соотносятся одна с другой политические идеи; в основной же своей массе люди критически относятся к политическим идеям, с которыми им доводится столкнуться, только тогда, когда они могут полагаться на контекстную информацию из дискурса элиты о том, как соотносятся эти идеи. Контекстная информация (пусть Конверс и не заявляет этого прямо) обязательно включает и сведения о группах и их лидерах, которые выступают против определенных идей.

А центральная идея в исследованиях Конверса состоит в том, что умение идентифицировать кон-

текстную информацию, скорее всего, зависит от общей политической осведомленности. Только граждане с высоким уровнем политической осведомленности способны реагировать на политические сообщения так, как это “предопределяют” их ценности.

В психологической литературе об изменении общественного мнения также отмечается, что индивиды обычно затрудняются объяснить значение тех убеждающих сообщений, с которыми им доводится сталкиваться. Решая, какую им занять позицию по определенному вопросу, люди обычно полагаются на “подсказки” об источниках сообщения. Макгайр писал: “...сообщение рассматривается как более верное, более соответствующее фактам, более подтвержденное документально, а выводы из него как более обоснованные, даже более грамотные, если указывается, что оно исходит из источника, который пользуется большим доверием”. Этот вывод – хотя в результатах исследований, которые обобщает Макгайр, не измерялось восприятие сообщений, исходящих от демократов, по сравнению с сообщениями, которые исходят от республиканцев, или сообщений, исходящих от либералов, по сравнению с сообщениями, исходящими от консерваторов, – можно экстраполировать и на различие типов источников в этом случае.

Люди, конструируя высказываемые мнения, активнее всего используют те представления, которые по той или иной причине проще всего актуализируются в их памяти, оказываются на поверхности сознания

[Люди охотнее воспринимают информацию от своих “лидеров мнений”]

Далее Макгайр замечает, что люди не получают больше информации из более надежных источников, просто они охотнее воспринимают информацию от своих лидеров мнения. “Получатель, –

⁷ Модель не требует, чтобы не уделяющие внимания политике граждане принимали все идеи, с которыми они сталкиваются; такие граждане всего лишь более восприимчивы, нежели те, кто больше разбирается в политике, и неспособны выборочно реагировать на разные проблемы на основе своих политических предрасположенностей. Однако и эмпирически измеренные показатели восприимчивости (подверженности влияниям) неинформированных людей оказываются очень высокими.

пишет он, – может рассматриваться как ленивый организм, который пытается осознать содержание сообщения, только если это совершенно необходимо для принятия решения. Когда целевой источник информации явно позитивно или негативно маркирован, получатель использует эту информацию как подсказку для принятия или отклонения выводов, предлагаемых в сообщении, сам аргумент в действительности не воспринимая”.

В каждом мнении сочетаются информация и предрасположенность: информация формирует умозрительный образ данной проблемы, а предрасположенность мотивирует определенное заключение о данном образе

[Игнорирование надежности источника информации]

В недавних исследованиях был обрисован несколько более обнадеживающий образ критических способностей “получателя”. К примеру, Райн и Северанс обнаружили, что студенты не обращали внимания на надежность источника информации, когда тема сообщения касалась их интересов (в частности, вопроса о возможном повышении платы за обучение). Эффект источника, как было показано, действовал лишь в области, не связанной с непосредственными частными интересами (например, в вопросе о том, сколько земли должно отводиться под парки в соседнем штате).

Чейкен и Петти и Касиоппо считают, что при определенных обстоятельствах индивиды полностью игнорируют такой фактор, как надежность источника информации, и вместо этого обосновывают свои установки качеством представленной им информации.

Типичный из экспериментов, предлагаемых Петти и Касиоппо, протекал следующим образом. Студентам подготовительного отделения колледжа предлагалось убеждающее сообщение на тему, потенциально представляющую для них огромный интерес, – является ли единый выпускной экзамен обязательным требованием для успешного окончания учебы. Для половины студентов выдвигались сильные доводы в пользу необходимости такого экзамена: 1) увеличивается на 4000 долларов сред-

няя годовая стартовая зарплата у выпускников колледжей, которые ввели единый экзамен за двухлетний период; 2) высшие юридические школы отдают предпочтение студентам, сдавшим единый экзамен. Доводы для другой половины студентов были слабее: 1) многие колледжи признают этот экзамен, и их школа должна быть в авангарде национальной системы образования; 2) выпускники университетов, которым приходится сдавать единый экзамен, считают, что справедливо было бы и студентам бакалавриата сдавать единый экзамен. В каждой из этих двух групп одной половине студентов говорили, что данное предложение будет реализовано в их колледже в течение года, так что оно коснется их непосредственно (условие сильной заинтересованности), и другой половине – в течение десяти лет (условие низкой заинтересованности). Наконец, для одной половины студентов источником данного сообщения являлся профессор из Принстона (значимый источник информации) и для другой половины – информация из отчета о деятельности местной средней школы (незначимый источник информации). Экспериментальный план, таким образом, получался следующим: 2 типа сообщения # 2 условия заинтересованности # 2 типа источника.

[Малозаинтересованные ориентируются на значимость источника сообщения]

[Сильнозаинтересованные учитывают силу аргументов]

Результаты получились следующие. Малозаинтересованные студенты обращали некоторое внимание на характер сообщения, однако в своих суждениях больше ориентировались на значимость источника, то есть соглашались с необходимостью единого экзамена, только если заявленным источником информации оказывался профессор из Принстона. Сильнозаинтересованные студенты, напротив, не обращали внимания на характер источника, учитывая преимущественно силу аргументов: они решительно поддерживали идею единого экзамена, если аргументы были убедительными, и столь же решительно ее отвергали, если аргументы таковыми не были.

Из примера Петти и Касиоппо видно, кроме того, что различие в реакциях сильно и малозаинтересованных студентов связано с тем фактом, что первые из них должны были гораздо более тщательно обдумывать приводимые аргументы.

Можно только пожелать, чтобы общественность столь же рьяно выявляла слабость предложенных ей аргументов, как и сильнозаинтересованные студенты из эксперимента Петти и Касиоппо. Однако в результатах последнего и для сомнений более чем достаточно оснований.

Во-первых, слабые аргументы, использованные в эксперименте Петти и Касиоппо, просто до комичности очевидно слабы. Требуется тщательная работа, чтобы подготовить столь слабые, но согласованные аргументы, и подобной тщательности вряд ли можно ожидать от политтехнологов. Политики (и их медиа-консультанты), как бы ни были плохи аргументы многих из них, стараются быть убедительными. В реальных политических дискуссиях гражданам приходится сталкиваться с двумя наборами противоположных аргументов, и все они по сравнению с теми, что предлагались Петти и Касиоппо, оказываются сильными.

[Большинство политических проблем не требует высокой вовлеченности публики]

Во-вторых, большинство политических проблем – по крайней мере в современных Соединенных Штатах – заведомо не требует высокой заинтересованности и вовлеченности публики. Теоретически ставки в политической игре высоки, однако людям трудно поддерживать заинтересованность. А в условиях слабой заинтересованности, как свидетельствуют выводы Петти и Касиоппо, большинство людей ограничиваются периферийной обработкой сообщений, то есть не учитывают качество аргументов и используют для принятия или отклонения сообщений такие поверхностные подсказки, как значимость источника информации.

В-третьих, в эксперименте Петти и Касиоппо вопрос по экзамену и другие вопросы, предлагаемые студентам, тесно связаны с их повседневным опытом. На такие вопросы практически любой студент, даже не занимаясь специально историей проблемы, способен дать квалифицированный, экспертный ответ. Это совершенно нереализуемо в отношении политических вопросов, где информация и суждения, необходимые для получения надежных выводов, находятся за пределами опыта даже наиболее политически осведомленных граждан.

Одним словом, условия, при которых оказались возможными столь вдохновляющие результаты, то есть слабые аргументы, “получатели”, которые сильно заинтересованы в вопросе и хорошо информированы, просто отсутствуют в обычной си-

туации массовых политических коммуникаций. Наоборот, реальные условия, если судить по выводам Петти, Касиоппо и др., способствуют тому, чтобы граждане опирались на “периферийные подсказки” (является ли человек, защищающий ту или иную позицию, либералом или консерватором, профсоюзным лидером или священником и т. д.).

Существуют серьезные эмпирические основания для того, чтобы предположить: граждане обычно реагируют на новую информацию на основе внешних подсказок, определяющих то значение, которое данная информация может иметь для их ценностей и предрасположенностей; обеспечивается это, как подчеркивает Конверс, достаточно внимательным отношением граждан к политике и в результате их знакомством с упомянутыми подсказками.

[Даже неосведомленный человек обладает основаниями для ответа о предпочтениях]

Приведя столь сильные аргументы в пользу того, что политическая осведомленность связана с возможностью критически воспринимать убеждающие сообщения, я хочу сделать столь же сильное предостережение: данное положение уместно только в тех случаях, когда необходимая для решения вопроса в свете личных предрасположенностей контекстуальная информация по той или иной причине недостаточна. Как мы видели в гл. 2,

рьяные антикоммунисты оказывались вполне способными аргументированно обосновывать свое убеждение о необходимости “остановить коммунизм в Центральной Америке”. Только когда с ними заговаривали о поддержке “контрас”, они затруднялись с ответом. Или вот другой пример. Можно ожидать, что возрастная дифференциация в ответах на вопрос о пенсионном страховании будет значима независимо от политической осведомленности. Причина этого в том, что практически каждый гражданин, даже наименее политически осведомленный, будет обладать контекстуальной информацией, необходимой для того, чтобы ответить на вопрос в соответствии со своими предрасположенностями, в данном случае в зависимости от близости к пенсионному возрасту.

Степень неопределенности контекстуальной информации может зависеть от темы (к примеру, расовые отношения, как пишет Конверс, – это тема, в которой большинство людей могут понять, о чем идет речь) или же от формулировки вопроса (как в примере с “контрас”).

[Связь между осведомленностью, проблемой и собственными установками]

Вообще же, чем более абстрактна связь между предрасположенностями и политическим вопросом, чем больше имплицитного знания требуется для ее восприятия, то есть чем более сложна логическая цепочка между ними, тем более важна политическая осведомленность. И наоборот, чем более проста и пряма связь между предрасположенностями и вопросом, тем менее важной оказывается политическая осведомленность.

Если бы у общественности было мнение, но отсутствовал исследователь, чтобы его измерять, можно ли было бы считать, что общественное мнение существует?

Здесь важно отметить, что осведомленность с необходимостью повышает вероятность сопротивления убеждающим сообщениям только тогда, когда хотя бы до некоторой степени неясно полное значение вопроса, поскольку данная закономерность несколько ограничивает действие аксиомы А2. Неясность, непонятность в указанном

мною смысле чрезвычайно распространены в политике.

[Время и актуализация представлений]

А3 – аксиома доступности (accessibility axiom). *Чем ближе по времени данное представление было актуализовано, обсуждалось или обдумывалось, тем меньше времени требуется для актуализации этого и аналогичных представлений в памяти, сознании.*

Напротив, чем больше времени прошло с тех пор, как индивид обращался к своему суждению и связанным с ним идеям, тем менее вероятно, что они будут мобилизованы; представление же, которое не было актуализовано в течение длительного времени, может оказаться совершенно недоступным, то есть забытым.

В этой аксиоме представлена в адаптированной для данной модели форме одна из наиболее изученных в когнитивной психологии закономерностей. Эмпирических доказательств ее более чем достаточно, так что она практически общепризнана. Следует отметить, однако, что в аксиоме А3 есть некоторый элемент двусмысленности. Согласно ей, актуализация суждения может повысить доступность других суждений, связанных с ним, но ничего не говорится о том, что означает сама по себе связанность суждений. Здесь я неявно опираюсь на обыденное представление о связи между суждениями.

[Ответ на вопрос формируется на основе мобилизованных в сознании суждений]

А4 – аксиома реакции (response axiom). *Индивиды отвечают на вопросы интервью, обдумывая только те суждения, которые оказываются немедленно доступны или мобилизованы в их сознании.*

Эта аксиома, завершающая в моей модели, подразумевает, что респондент, которому задается вопрос, обычно не обдумывает все суждения, которые могут оказаться связанными с данным вопросом; скорее наоборот, ответ на вопрос формируется на основе любых доступных, мобилизованных в сознании суждений. В некоторых случаях оказываются доступными только одно суждение, только одна точка зрения, в других – два или три суждения, и тогда респондент выстраивает ответ, приближая, усредняя эти суждения, сравнивая доводы за и против.

В соответствии с аксиомой реакции допускается, чтобы разные респонденты отвечали на вопрос

на основе суждений разного характера: одни, к примеру, акцентируя идеологическую приверженность, другие – исходя из инстинктивных предпочтений, а третьи – из личных интересов. Результаты многих исследований подтверждают достаточную распространенность такой межличностной гетерогенности.

Многим может показаться, что аксиома А4 слишком проста, и это совершенно верное впечатление. Психологи, работающие с результатами лабораторных экспериментов и исследований, в которых используется экспериментальный план, разработали более сложные и, следовательно, более реалистичные модели того, как индивиды обрабатывают информацию и принимают решения.

[При ответе в сознании воспроизводится доминирующее суждение]

К примеру, Туранжо и Расински [Tourangeau, Rasinski] предложили четырехэтапную модель, в соответствии с которой индивиды, во-первых, интерпретируют вопрос, идентифицируя, к какой теме его можно отнести; во-вторых, рассматривают представления, релевантные в связи с данной темой; в-третьих, интегрируют эти идеи в более или менее согласованное мнение и, в-четвертых, соотносят это мнение с вариантами ответа на вопрос в интервью. Поскольку особенности опросника могут оказать влияние на когнитивные процессы на каждом из четырех этапов, они оказывают влияние и на то, что описывается как общественное мнение в целом.

Хотя модель Туранжо и Расински довольно проста, она все-таки слишком сложна для использования в контексте массового опроса. Да и сами Туранжо и Расински признают, что единственно важным этапом в их модели является воспроизведение в сознании доминирующего суждения. К примеру, консерватор, которому доводится обсуждать вопрос о государственных службах в терминах типа “жульничество в социальном обеспечении”, скорее всего уже проделал заранее все необходимое для рассмотрения своих представлений, интеграции их в когерентное мнение и согласования этого мнения с вариантами ответа на вопрос интервью. Туранжо и Расински осознают ограниченность возможности соотносить эмпирически этапы модели и данные опроса и делают все возможное, чтобы что-то противопоставить этой ограниченности. Однако, по моему мнению, сложные модели не

приносят большой пользы в общем анализе общественного мнения.

Модели же обработки информации, которые более сложны (такие, как модель 43 постулатов, предложенная Вайером и Сруллолом), еще сомнительнее в контексте данных массовых опросов. Тем не менее исследователи общественного мнения могут успешно использовать их как эвристические руко-

Важной чертой модели является сочетание теории распространения информации среди населения, различающегося по уровню внимания к политике, и теории трансформирования людьми этой информации в ответы на вопросы интервью

водства в разработке собственных моделей. Однако если модели необходимо использовать для строгого анализа данных типичных массовых опросов, их надо радикально упрощать.

[Люди обновляют свои установки по мере получения новой информации]

Что касается моей упрощенной аксиомы реакции, угрозы в ее адрес могут исходить из недавних психологических исследований онлайн-обработки данных. Согласно результатам этих исследований, люди не формируют высказывания о своих установках на основе идей, доступных в данный момент, а используют “оператор суждений”, чтобы постоянно обновлять свои установки по мере получения новой информации; они хранят обновленные установки в памяти и актуализируют их, когда того требует ситуация (к примеру, ситуация опроса).

[Люди не обновляют свои установки все целиком и систематически]

Предложенная мною модель хорошо обоснована, хотя сомнения в том, может ли она использоваться в политических анализах, остаются. Эти сомнения лучше рассмотреть после того, как будут представлены аргументы в ее пользу. И сразу я кратко упомяну два наиболее важных. Первый из них заключается в том, что было бы просто дико ожидать от граждан обновления всех своих установок

с появлением каждого фрагмента новой информации. Так, представленная в новостях, в идеальной модели онлайн-обработки информации, история о страдании бездомных потребовала бы обновления установок, касающихся системы социального обеспечения, значимости высших государственных чинов, эффективности капитализма, попыток президента сократить расходы на соцобеспечение, волонтерской благотворительности, американского стиля жизни и т. д. Разумеется, это находится далеко за пределами возможностей любого из реальных людей. Второй аргумент (он подвергает сомнению применимость онлайн-модели политических установок) связан с тем, что данная модель, в соответствии с которой установки просто актуализируются в памяти и сообщаются интервьюеру, лишь повторяет широко принятую модель истинных установок, которая, как я всячески старался показать, просто неспособна адекватно описывать сущность политических установок. Даваемые респондентами в массовых обследованиях ответы в соответствии с онлайн-моделью могут достаточно адекватно описываться как установки или мнения, в которых представляются истинные чувства людей в момент ответа на вопрос. Однако они не

Чем выше уровень осведомленности индивида, тем проще ему при определенных обстоятельствах сопротивляться информации, не соответствующей его базовым ценностям

могут описываться как истинные установки (в техническом смысле этого термина), поскольку ответы респондентов не представляют ничего иного, кроме одного из аспектов реакции людей на данный объект установки.

[Восприятие – Принятие – Формулировка]

Возможно, наиболее удачный термин для обозначения реакции респондента в рамках ВПФ-модели – высказывание мнения. Он предполагает, что выраженное мнение искренно; при этом не подразумевается, что выраженное мнение пред-

ставляет собой предыдущую рефлекссию или будет долго оставаться неизменным. Термин “выражение установки” (attitude report) имеет аналогичные достоинства.

Суждения, как они понимаются в моей модели четырех аксиом, являются результатом процесса, в котором люди *воспринимают* новую информацию, решают, принимать ли ее, и затем *конкретизируют* ее, отвечая на вопрос. Далее, для краткости, я буду называть этот процесс так: Восприятие – Принятие – Формулировка, или ВПФ-модель.

Глава 11

“Оценка модели и перспективы дальнейшего исследования”

[Общественное мнение существует в опросах общественного мнения]

Если бы у общественности было мнение, но отсутствовал исследователь, чтобы его измерять, можно ли было бы считать, что общественное мнение существует? Этот вопрос, как и вопрос в старой шутке о падающем в лесу дереве⁸, не является бессмысленным. Ответ на него зависит от того, что мы понимаем под общественным мнением. Если это надежды обычных людей в их частной жизни, их опасения, чувства и реакция на события, то тогда оно существует независимо от того, измеряют ли его исследователи или нет. Но если под общественным мнением мы подразумеваем находящийся вокруг обычных граждан, которые говорят себе что-то вроде: “Я очень одобряю действия Джорджа Буша на посту президента” или “Я думаю, что нам следует принимать более жесткие меры, даже если это означает вторжение в Северный Вьетнам”, то большая часть того, что мы понимаем под общественным мнением, без опросов не существует.

ВПФ-модель соотносится и с суждениями, которые люди формируют под воздействием потока политических сообщений, и с ответами на вопросы интервью, которые формируются на основе этих обычно плохо организованных суждений. Именно ответы на вопросы интервью сегодня практически все понимают как основу общественного мнения⁹.

Если рассматривать ВПФ-модель исходя из общепринятых критериев эмпирического охвата

⁸ Карикатура с подписью “Папа, если в лесу падает дерево, но там нет журналистов, чтобы сообщить об этом, можно ли считать, что дерево упало?” из “Saturday Review”. (Примеч. пер.)

⁹ За исключением Гинсберга. Исследование различных концепций общественного мнения см. в работах В. Прайса.

и теоретической простоты, она выглядит достаточно привлекательно. Ее четыре аксиомы могут использоваться для раскрытия множества феноменов, в том числе и изменения установок, которое достаточно сложно объяснить, разве что только отталкиваясь от похожих предпосылок.

Наиболее важной чертой модели является сочетание теории распространения информации среди населения, различающегося по уровню внимания к политике (аксиомы А1 и А2), и теории трансформирования людьми этой информации в ответы на вопросы интервью (аксиомы А3 и А4). Именно объединение обеих теорий в одной модели обеспечивает ширину охвата, создает возможности для дальнейших обобщений и приложений.

Правда, достоинства имеют и обратную сторону: широта охвата и простота достигнуты за счет серьезных упрощений и пропусков; поэтому можно говорить, что каждая из четырех аксиом что-то упускает.

Ниже я попытаюсь окончательно оценить и преимущества, и недостатки ВПФ-модели...

Переформулировка основного тезиса

[Осведомленность – основа сопротивления убеждающим сообщениям]

Суждения общественности формируются под воздействием политических кампаний, которые состоят из множества зачастую противоречащих одно другому убеждающих сообщений. Чем выше уровень обычной внимательности граждан к политике, тем более вероятно, что они будут воспринимать эти сообщения. Кроме того, чем выше уровень индивида, тем проще ему при определенных обстоятельствах сопротивляться информации, не соответствующей его базовым ценностям или партийной приверженности.

Будучи интериоризированными, политические сообщения превращаются в сознании индивида в суждения, то есть становятся доводами в пользу принятия в некотором политическом вопросе определенной позиции. Когда респондентам в интервью задают вопросы, они отвечают исходя из тех суждений, которые оказываются непосредственно доступными в их сознании. А причина неустойчивости их ответов на вопросы повторных интервью заключается в том, что набор таких непосредственно доступных суждений довольно изменчив и случаен.

Отсюда вовсе не следует (я уже это подчеркивал), что индивиды отвечают на вопросы интервью совершенно случайно. Соотношение числа различных сообщений, воздействующих на граждан, а также их избирательность в интериоризации некоторых из них и отклонении других систематически воздействуют на набор суждений, закрепляющихся в их памяти, и, таким образом, влияют на вероятность выбора какого-то конкретного варианта ответа на закрытый вопрос. Респонденты достаточно часто колеблются при ответах на вопросы, но их колебания, неуверенность неслучайны и проявляются только в определенных рамках. Неслучайно и то, какая из множества конкурирующих идей окажется более актуализированной в сознании человека в данный момент; имеют значение многие факторы: что передавалось в последних известиях, как были сформулированы и в каком порядке задавались вопросы, что в последнее время переживал данный респондент и т. д.

[Изменение установок – изменение в долговременных вероятностях суждения]

Изменение установок, понимаемое как изменение в долговременных вероятностях выбора определенных ответов на закрытые вопросы интервью, происходит вследствие изменения набора идей, оказывающих влияние на индивидов. Здесь важно подчеркнуть: изменение потока политических

сообщений приводит к изменению установок не благодаря внезапной трансформации опыта человека, а вследствие постепенных смещений баланса суждений, присутствующих в его сознании и доступных при ответе на вопросы интервью.

Нельзя быть уверенными, что элиты действительно предводительствуют. Элиты могут, разумеется, вести, но, скорее всего, они также и следуют

[Доминантные и оппозиционные сообщения]

Влияние любого убеждающего сообщения зависит от того, какие другие идеи в данное время актуализированы в сознании человека и воздействуют ли на него оппозиционные идеи. Это превращает сопротивление политической кампании (или потоку сообщений), где обычно присутствуют *доминантная* и *оппозиционная* составляющие, в достаточно

сложный феномен. Если в памяти человека хранится большой объем *инерционных* суждений или же он воспринимает информацию из оппозиционных источников, то ни одно из сообщений доминантной кампании не будет оказывать на него сильного воздействия. Однако если у данного индивида мало предварительной информации или же он не имеет доступа к альтернативным информационным потокам, то тогда сообщения доминантной кампании будут производить большой эффект.

Сопротивление изменению установок зависит и от политических предрасположенностей индивида, особенно от его ценностей. Последние регулируют интериоризацию оппозиционных и инерционных суждений так же, как и сообщений доминантной кампании. Демократы или республиканцы склонны отвергать сообщения не своей партии, либералы и консерваторы отвергают убеждающие сообщения, которые неконсистентны с их идеологией. Такая форма сопротивления, которую я называю сопротивлением *приверженности*, в основном проявляется среди хорошо разбирающихся в политике людей, поскольку во многих ситуациях они чаще обладают контекстуальной информацией (сообщениями-подсказками), необходимой для того, чтобы понимать, что означает в отношении их ценностей тот или иной вопрос.

[Открытость влиянию варьируется в разных ситуациях убеждения]

Далее, влияние политических кампаний зависит от относительной интенсивности оппозиционных потоков сообщений и имеющейся у индивидов предварительной информации о партиях. Иногда наименее осведомленные граждане оказываются наиболее восприимчивыми к влиянию (в ситуациях, когда информационный поток очень интенсивен, как в президентских выборах). В других случаях наиболее восприимчивыми оказываются граждане со средним уровнем осведомленности (в ситуации потока сообщений средней интенсивности и актуализации партийных ориентаций, как при конкурентных выборах в палату представителей, при определении рейтинга президента, на поздних стадиях вьетнамской войны). А наиболее открытыми влиянию оказываются самые осведомленные граждане (в ситуациях, когда практически отсутствуют партийные и идеологические основания для сопротивления убеждающим сообщениям, как на ранних этапах выдвижения кандидата в пре-

зиденты в 1984 году, или же при низкой доступности оппозиционной информации, как на раннем этапе вьетнамской войны). Эти различия в ситуациях убеждения зависят от того, воздействовали ли (или воздействуют ли) на людей два потока информации, от относительной интенсивности оппозиционных потоков сообщений, но не от индивидуальных психологических различий в разных политических контекстах.

Во второй половине книги я обращал особенное внимание на динамику сопротивления доминантному потоку сообщений. Выполненное исследование позволило сделать вывод о том, что сопротивление убеждению сильно зависит от доступности оппозиционных сообщений (в форме либо оппозиционной информации, либо сообщений-подсказок оппозиционных элит). Инерционное сопротивление – единственная форма сопротивления, которая не зависит от восприятия текущей информации и основывается на внутреннем источнике – памяти индивида. В тех случаях, когда было возможно проанализировать влияние всех трех механизмов, а именно в исследовании электоральных установок, оно оказывается наименее важным.

Кто кого ведет

[Элиты не только ведут, но и ведомы]

Выше я, можно так сказать, переформулировал свою аргументацию. Перейдем теперь к ее критике.

Начнем с часто рассказываемого анекдота об одном революционере в XIX веке. Однажды, в послеобеденное время, он сидел в кафе и потягивал вино. Вдруг на улице собралась толпа. “Боже мой, – воскликнул революционер, – люди выступили, я их предводитель, и я должен последовать за ними”. Он немедленно выскочил на улицу и возглавил толпу. Анекдот остается анекдотом, но в этом поднимается достаточно реальная проблема. “Предводители” массовых движений мы видим регулярно. Однако если иметь в виду элиты, нельзя быть уверенными, что они действительно предводительствуют. Элиты могут, разумеется, вести, но, скорее всего, они также и следуют.

[Сообщения элиты формируют общественное мнение]

За одним исключением¹⁰, я не мог систематически рассматривать эту проблему в своем исследовании. Я обращаюсь к интенсивности оппозиционных потоков информации как к внешним переменным и ограничиваю свое исследование предполагаемым влиянием этих потоков информации на общественное мнение. Моя рабочая гипотеза, таким образом, предполагает, что именно сообщения элиты формируют общественное мнение, а не наоборот.

Есть две посылки для обоснования этой рабочей гипотезы.

[Стимулы элиты – внешний фактор]

Во-первых, в нескольких изученных случаях по самой ситуации видно, что стимулы элиты по отношению к изменению массовых установок были полностью или в основном внешним фактором. Возможно, самый очевидный случай – ирангейт, который привел к изменению рейтинга президента и установок по политике в Центральной Америке.

Сопротивление убеждению сильно зависит от доступности оппозиционных сообщений (в форме либо оппозиционной информации, либо сообщений-подсказок оппозиционных элит). Инерционное сопротивление – единственная форма сопротивления, которая не зависит от восприятия текущей информации и основывается на памяти индивида

ке. Когда разразился скандал, популярность президента Рейгана была очень высока и в перспективе у него не намечались какие-либо проблемы. Атаки конгресса на политику Рейгана в ходе событий, связанных с ирангейтом, произошли вопреки его первоначальному образу в представлении

¹⁰ При анализе влияния кампании по выборам в палату представителей я, чтобы выяснить, были ли наиболее интенсивные кампании направлены против переизбирающихся кандидатов, которые уже были слабыми, контролировал наличие преимуществ переизбирающегося кандидата на предыдущих выборах. Было показано, что практически нет оснований для такого предположения

публики, а не потому, что его популярность уже была низкой.

Аналогичную аргументацию можно привести и по другим случаям.

- *Дело “Браун против Совета образования”.* Трудно утверждать, что решение Верховного суда по этому делу в последние годы существования сегрегации в школах в южных штатах было реакцией на народное давление. Внутренние оценки свидетельствуют об обратном. Суд считал реакцию публики преимущественно враждебной к федеральным действиям в данной области. На самом деле

Информация – высокоизбирательный и стереотипизированный образ происходящего. И даже если бы было не так, сама общественность вряд ли хотела бы поддерживать высокую информированность о безграничном мире, находящемся далеко за пределами ее непосредственного опыта

у него не было проблем с общественным мнением. Вопрос заключался не в том, насколько сильно на него могли давить, чтобы он предпринял действия против дискриминации, а в том, как далеко он мог бы зайти, не вызывая политического скандала. Национальная ассоциация развития цветных (National Association for the Advancement of Colored People) выступала, конечно, за введение законов о десегрегации, однако в то время ее политическое воздействие было минимальным. Таким образом, принятие решения по делу Брауна мотивировалось в основном моральными убеждениями судей. Каким образом формировались эти убеждения и почему они приняли такую форму именно в середине 1950-х годов – это, очевидно, глубокий и важный вопрос, но он незначим в связи с моим допущением, что суд в данном случае был источником влияния, а не следовал за общественным мнением.

- *Движение за замораживание производства ядерных вооружений в начале 1980-х годов.* Это движение предполагало серьезные действия широкой общественности. Несомненно, многие политики сильно выиграли, поставив на заморажива-

ние, именно потому, что данный вопрос был очень популярен. Стимул к движению за замораживание, однако, явно можно связать с теми людьми, которые относятся к элитам. Речь идет о представителях сообщества профессионалов в области контроля над вооружениями, которые не могли собственными силами заставить политиков обратить на себя внимание и поэтому постарались мобилизовать общественную поддержку. Толчком к продвижению политиков, выигравших на замораживании производства ядерного вооружения, послужила деятельность других элит, которые вполне сознательно пытались руководить мнением.

- *Сообщения о тенденциях экономического роста,* которые сформировали оптимистические оценки экономики США в конце 1982 года среди представителей общественности. Сообщения, несомненно, сочетали в себе обнадеживающие прогнозы президента Рейгана и делового сообщества, а также некоторые технические экономические подробности, но нельзя сказать, что они были реакцией на то, во что уже верила публика.

- *Мобилизация общественной поддержки администрации Буша во время войны в Персидском заливе.* Это один из наиболее поразительных из проанализированных в книге случаев лидерства мнения элиты. В августе 1990 года только очень небольшая доля американцев подозревала о существовании Кувейта, куда вторгся Ирак. Однако за две недели общественная поддержка использования американских войск для предотвращения дальнейшей иракской агрессии, по данным опросов, достигла 80%, и эта поддержка переросла в признание необходимости войны за освобождение Кувейта. Впечатляющей такую мобилизацию общественного мнения делает то, что она была достигнута при отсутствии коммунистической угрозы, которая на протяжении 40 лет была стандартным оправданием использования американских войск на чужой территории, и несмотря на то, что перед началом войны многие люди предполагали гибель на ней многих американских солдат. Поскольку, по всей видимости, в период между вторжением Ирака и заявлением Буша о невозможности терпеть агрессию на эту тему не проводились опросы, у нас нет достаточных эмпирических доказательств, чтобы полностью исключить вероятность того, что Буш просто реагировал на идущее снизу общественное требование жесткой реакции Америки. Однако лишь немногие информированные свидетели событий склонны рассматривать подобную ве-

роятность серьезно. Война в Персидском заливе, по всей видимости, была ситуацией, когда политически опытный президент при поддержке прессы и большинства элит искусно формировал общественное мнение.

Таким образом, как бы сложно ни было иногда теоретически определить направление влияния между элитами и массами, в конкретных случаях сделать это можно вполне правдоподобно.

[Политик, следующий за общественным мнением, может проиграть]

Во-вторых, даже когда политики начинают под давлением общественности предпринимать какие-либо действия, очень важно понимать, что здесь зачастую имеет место не действительное давление, а его предвосхищение. Именно это подчеркивал Кей. Общественное мнение, на которое пытаются реагировать элиты, – это не то общественное мнение, которое отражается в опросах в момент принятия решения, а то, которое оппонент данного политика может актуализировать на следующих выборах. Как утверждает Кей, политики, которые рабски следуют за сформировавшимся общественным мнением, в конечном счете могут проиграть.

[Упреждающая реакция политика – результат влияния общественного мнения]

Приведу пример предвосхищающего влияния. Внезапное объявление президента Никсона о введении государственного контроля над ценами и зарплатами летом 1971 года было, несомненно, действием, рассчитанным на предупреждение критики его хозяйственной политики во время приближающегося предвыборного периода. В этом смысле Никсон реагировал на общественное мнение. Однако он и направлял общественное мнение, поскольку его речь в значительной мере предопределила сдвиг общественного мнения в сторону поддержки контроля.

Теперь рассмотрим неизмеримо более сложный случай.

Из сообщения Гелба мы знаем, что президент Джонсон был прекрасно осведомлен обо всех трудностях, которые может вызвать попытка использовать военные силы США для стабилизации некоммунистического правительства в Южном Вьетнаме. Джонсон также хорошо знал, что у него нет низкой общественной поддержки для отправки войск во Вьетнам. Однако он опасался, что его, ес-

ли он допустит объединение Южного Вьетнама с Северным, будут обвинять в “мягком отношении с коммунистами”, в “потере Вьетнама” (так же, как Трумэна обвиняли в “потере Китая”). Вполне вероятно, Джонсон боялся, что это подорвет его внутреннюю программу “Великого общества” и приведет к новому раунду маккартистской реакции, в которой он будет проигравшим.

[Предвосхитить ретроспективное осуждение]

В такой ситуации Джонсон втянул общественность в войну, которую ни он, ни она не стремились развязывать. Он следовал общественному мнению в том смысле, что предвосхищал суровое ретроспективное осуждение, которое бы последовало при победе коммунистов, но вел общественное мнение в том смысле, что мобилизовал общественную поддержку своей политики, которая ни в коей мере не была сразу же популярной, во избежание этого осуждения.

Если Джонсон в определенном смысле действительно управлял общественным мнением о войне, можно сделать вывод о том, что антивоенные политики скорее следовали за общественным мнением, а не формировали его. Наверное, это предположение выглядит более правдоподобным, но доказать его сложно. Именно в период наибольшего прилива народной поддержки войны в 1966 году ведущие политики начали выступать против нее. И еще, ранние оппоненты войны были из тех избирательных

Политическая информация, представленная в дискурсе элиты, никогда не является нейтральной. Она представляет собой попытки создать такое изображение действительности, которое было бы достаточно простым и живым, чтобы обычные люди могли воспринять его

округов, которые никак нельзя назвать очагами антивоенных настроений. Возьмем того же Фулбрайта из Арканзаса, первую политическую фигуру, выступавшую против войны. Конечно, Фулбрайт должен был действовать так, чтобы его антивоенная позиция не привела к непреодолимым проблемам

с электоратом. Однако просто неправдоподобно предположение, что он как-то более прямо реагировал на давление своих избирателей в Арканзасе. Как известно, Фулбрайт занял антивоенную позицию вопреки советам своего политического окружения (и следуя совету персонала по внешней политике). Другой известный политик, член палаты представителей из Массачусетса О'Нейл, объяснял свои ранние выступления против войны реакцией на частные беседы с военными авторитетами, которые говорили о тщетности войны. Поэтому он и решился на антивоенные выступления вопреки убеждению, что оппозиция войне сродни политическому самоубийству.

[Масс-медиа отражают мнение своих источников]

СМИ, разумеется, были другим важным источником антивоенных сообщений. Однако масс-медиа, как всегда, отражали мнение своих источников. Вот что писал, к примеру, Мор, корреспондент "Тайм" и позднее "Нью-Йорк таймс", об антивоенных сообщениях, которые основывались на отчетах репортеров из Южного Вьетнама: "Спор, вопреки тому, что думают некоторые, не разворачивался между прессой и американскими чиновниками в Южном Вьетнаме. Скорее, это было

Формирование мнения – многоэтапный процесс, и осведомленность может по-разному влиять на различных его этапах. Политическая осведомленность связана с усиленной вовлеченностью в текущие коммуникации, которые могут изменить мнение, но она также связана с большей или меньшей способностью критически реагировать на новую информацию

разногласие между фракциями американской миссии. Полевые консультанты, наиболее часто сталкивающиеся с войной и с вьетнамцами, приняли пессимистичную точку зрения. Некоторые высшие чиновники в Сайгоне, которые сообщали в Вашингтон об успехах программ, ими координируемых, были открыто и упорно оптимистичны. Кор-

респонденты вскоре узнали об этих разногласиях, потому что молодые блестящие полевые офицеры, такие, каким потом был Джон Пол Ван, все чаще общались с журналистами. Корреспонденты не придумывали эту ужасающую информацию, которая иногда появлялась в их сообщениях".

Поскольку источниками антивоенной информации в основном были военные ведомства, ЦРУ и государственный департамент, представляется совершенно невероятным, чтобы такие утечки антивоенной информации были всего лишь реакцией на изменение общественного мнения.

[СМИ и реакция на изменение общественного мнения]

Пресса в целом склонна отражать мнение источников, но бывают и исключения. Пожалуй, самое важное мы наблюдали при наступлении вьетнамцев во время Тэт в начале 1968 года; тогда то, что явно было решающей военной победой американцев, пресса представила как нечто противоположное – как их серьезное поражение. Эта очевидная дезинформация антивоенной направленности не была, однако, реакцией на общественное мнение в Соединенных Штатах (ведь население во время Тэт в основном поддерживало войну). Скорее, такие сообщения отражали удивление представителей прессы: последние не ожидали, что противник окажется еще способен начать общенациональное военное наступление, и это после того, как американские чиновники заявили о его почти полном поражении (расхожая истина американской предвыборной политики гласит, что любой конкурент, который ведет себя "лучше, чем ожидалось", оказывается в центре слишком острой восторженной реакции прессы).

Ничто из сказанного выше не отрицает важности реагирования элит на мнение масс, а на последней стадии вьетнамской войны особенно. Напротив, можно предположить (хотя сложно определить степень уверенности в этом), что постепенное снижение общественной поддержки войны делало все более безопасными открытые антивоенные высказывания для тех политиков, которые и раньше не были расположены к войне. Очевидно, аналогично взаимодействию между общественностью и прессой. Здесь, правда, стоит заметить, что медиа-элита передавала значительное количество антивоенной информации еще в 1965 и 1966 годах, то есть задолго до того, как начала снижаться общественная поддержка войны.

[Изменение общественного мнения и оппозиционные элиты]

Каждое усиление оппозиционности элиты, которое становится более безопасным благодаря сдвигу в общественном мнении, может привести к дальнейшему изменению общественного мнения, затем к еще большему стимулированию вероятной оппозиции элиты и т. д. Позднее выдвижение Роберта Кеннеди как антивоенного кандидата на предварительных выборах кандидата на пост президента от демократической партии в 1968 году может служить примером действий политика, проявившихся только после предварительного озвучивания общественного мнения – в форме успеха Маккарти на собрании в Нью-Гемпшире (там он говорил, что антивоенная позиция в политическом плане представляется многообещающей).

Такая динамика взаимодействия элит и масс ни в коей мере не противоречит гипотезе о лидерстве мнения элит. С одной стороны, ослабление общественной поддержки вьетнамской войны заставило элиты благоразумно сдвинуться в том же направлении. Те из них, которые извлекли преимущество из этого сдвига, были скорее всего предрасположены к тому идеологически или из расчета. Но все они, формируя мнение, действовали автономно, причем только после того, как убедились, что им безопасно осуществлять соответствующие мероприятия.

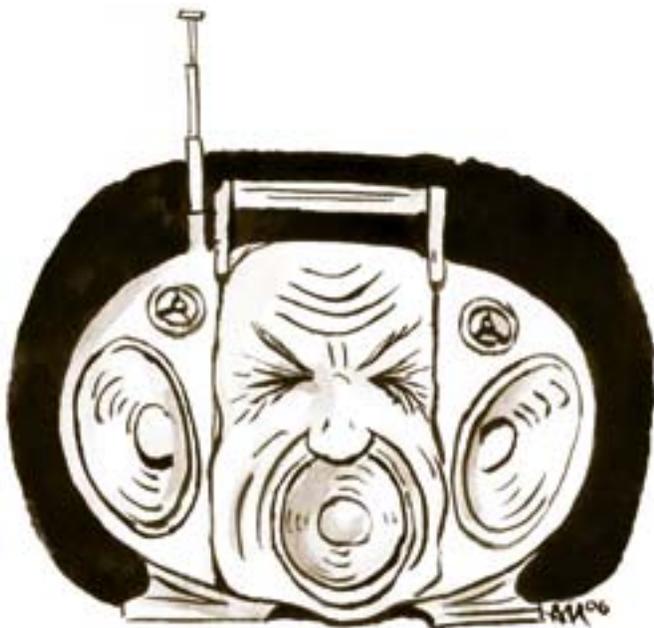
В соответствии с альтернативным тезисом о лидерстве мнения элит предполагается, что степень автономии отнюдь не одинакова. Наиболее мобильные политики быстро реагируют на общественное мнение; большинство же экспертов по внешней политике, военных и государственных чиновников, критически относящихся к войне, в целом независимы от общественного мнения. В соответствии с этим тезисом, наиболее автономный сегмент использовал масс-медиа, чтобы

создать давление общественности, к которому затем присоединился другой сегмент. Опираясь на тот же тезис о лидерстве мнения элит, можно сделать и иное заключение (правда, оно кажется мне слишком слабым). Антивоенно настроенные элиты просто реагируют на мнение масс, но их реакция принимает форму антивоенных сообщений, которые распространяются через СМИ так, как это описывает процесс восприятия-принятия. Все это приводит к дальнейшему изменению массовых установок, что заставляет элиты еще сильнее изменить свое мнение. Здесь уже на общественное мнение оказывают влияние неавтономные элиты.

[Ограничения ВПФ-модели]

Важно понимать, что, строго говоря, результаты моего моделирования нельзя использовать даже для доказательства последнего (слабого) заключения. ВПФ-модель, в том виде, в котором она сформулирована, совершенно не учитывает источники политических сообщений, влияющих на общественное мнение. Это модель, в которой элиты, включая СМИ, не оказывают никакого влияния на общественное мнение и все политические сообщения распространяются среди населения при личном контакте, как бактерии. Поскольку политическая осведомленность положительно связана с восприятием политических сообщений и отрицательно с их принятием, модель оказывается приложимой при любом сценарии распространения – “заражающем” либо под влиянием элит. Последнее обстоятельство отчасти объясняет причины того, что модель хорошо показала себя: так как процесс распространения имеет те же формальные характеристики и при влиянии СМИ и доминировании элит, и при простой передаче “из уст в уста”, модель восприятия-принятия может передать совместный эффект обоих способов распространения информации¹¹.

¹¹ Следует, однако, отметить, что классические исследования личного влияния не описывают механизма формирования систематических изменений в распределении общественного мнения вследствие межличностной коммуникации, независимо от влияния элит. Эти исследования скорее подчеркивают роль личных обсуждений или как консервативной силы, которая помогает индивидам противостоять внешним влияниям (см. работу Берельсона, Лазарсфельда и Макфи “Толосование”), или же как опосредующей силы (см. работу Катца и Лазарсфельда “Личное влияние”, где показано, как местные лидеры мнения воспринимают идеи из СМИ и передают их своим друзьям). В первом случае изменения установок не происходит, а во втором, можно сказать, лидеры мнения просто помогают распространению информации, которую производят элиты. Кстати, Маккуен и Браун пришли к заключению, что политическая дискуссия является еще одним “информационным каналом”: “Социальные круги не являются независимой силой в политике, они лишь придают определенные формы той информации, которая приходит извне. Таким образом, правильнее будет считать, что социальная среда является не источником влияния, а промежуточным механизмом в более крупной коммуникативной системе”.

“Заражающий” сценарий распространения – метафора совершенно не случайная. Процесс восприятия-принятия, формализованный в настоящей книге, является общей моделью распространения. При использовании приемлемых показателей подверженности и сопротивления эта модель

Возможно, наиболее фундаментальный вопрос, относящийся к новостным стереотипам (или точкам зрения), – это вопрос о том, может ли общественность хоть как-то выбирать между ними в том случае, если существуют альтернативные видения проблемы. При отсутствии [умения] такого выбора общественности ничего не остается, как следовать конвенциональному представлению элиты о том, что надо делать

может использоваться для описания распространения новой моды, религиозных верований или даже болезней. Среди взрослого населения, например, подверженность распространяющимся в обществе болезням может немонотонно соотноситься с возрастом. Высокая частота взаимодействий у молодых взрослых людей может создать повышенную опасность заражения, но в то же время они

более здоровы, и отсюда их большая сопротивляемость. Пожилые люди более уязвимые, но в то же время и более изолированные. В результате в группе риска оказываются люди среднего возраста. Распределение СПИДа представляет собой пример такого рода взаимодействия (первичные данные, опубликованные Центром контроля болезней США, говорят, что это распределение, по крайней мере некоторое время, было немонотонным относительно возраста).

Следовательно, сильное соответствие модели восприятия-принятия и эмпирических данных об изменении установок само по себе ничего не говорит о степени влияния элит. Модель просто является средством описания процесса распространения влияния элит; основания же полагать, что распространяется именно влияние элит, а не что-то еще, должны выводиться независимо от модели.

[Люди реагируют на сообщения элит рефлексивно, а не механически]

Как я показал только что (и утверждал ранее, в гл. 2), таких оснований вполне достаточно. Все же полностью адекватное представление о лидерстве мнения элит не заключается в том, что общественность совершенно механически реагирует на их инициативы, хотя последние, тщательно подготовленные, обычно все же встречают положительную реакцию. Элиты производят идеи автономно, и у них всегда есть потенциальные разногласия в соответствии с партийными линиями. Они маневрируют относительно этих линий и, стремясь вести и в то же время следовать, постоянно оглядываются на общественность, на то, что она думает сейчас или будет думать в будущем. Иными словами, вопрос заключается не в том, ведут ли элиты общественность или же следуют за ней, а в том, *насколько* и *какие элиты* скорее ведут, чем следуют за общественным мнением, и *при каких условиях* они это делают. Всестороннее исследование данной проблемы выходит за рамки книги, а единственная цель этого моего краткого рассуждения заключалась в том, чтобы, во-первых, представить, что моя формальная модель распространения установок точно доказывает и что не доказывает в вопросе о лидерстве мнения элит, и, во-вторых, показать правдоподобность того, что во многих обстоятельствах степень автономного лидерства мнения элит очень значительна. ■

Авторы номера...

Елена Вовк

Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”

Григорий Кертман

Кандидат исторических
наук. Заведующий
аналитическим отделом
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института
социологии РАН

Иван Климов

Кандидат
социологических наук.
Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института
социологии РАН

Светлана Климова

Кандидат
философских наук.
Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Ведущий
научный сотрудник
Института
социологии РАН

Георгий Любарский

Кандидат
биологических
наук. Ведущий
специалист Фонда
“Общественное
мнение”

Людмила Преснякова

Кандидат политических
наук. Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”

Ревекка Фрумкина

Профессор, доктор
филологических наук,
главный научный сотрудник
Института языкознания
Российской Академии наук

Ирина Шмерлина

Кандидат
философских наук.
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии
РАН